

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КОММУНИСТ

2

ЯНВАРЬ

1988

ЯНВАРЬ

КОММУНИСТ

Издается с апреля 1924 года. До октября 1952 года выпускался под названием «Большевик»

**Теоретический и политический журнал
Центрального Комитета КПСС**

ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В 20 ДНЕЙ ★ 2 (1318) ЯНВАРЬ 1988

Содержание

В. МЕДВЕДЕВ — Великий Октябрь и современный мир	3
К XIX ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ КПСС	
Р. БЛЮМ — Обращаясь к истокам. Фридрих Энгельс о внутрипартийной демократии	19
Демократизация партии — демократизация общества. Заочный «круглый стол» «Коммуниста»	26
УСКОРЕНИЕ И ПЕРЕСТРОЙКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	
А. ГРАНБЕРГ — Экономика Сибири — задачи структурной политики	31
Е. ГАЙДАР — Курсом оздоровления. Экономическое обозрение	41
ПЕРВЫЙ ШАГ К ЯДЕРНОМУ РАЗОРУЖЕНИЮ	
Э. АРАБ-ОГЛЫ — Реальности нового мышления. От конфронтации к сотрудничеству	51
ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ	
Юридическая наука и практика в условиях перестройки. На вопросы «Коммуниста» отвечают ученые и практики	59
НАШИ РЕФЕРАТЫ	
А. ХАММЕР — Ленин: политический деятель и человек	65
Живой вопрос теории и практики	68
НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ	
Н. МОИСЕЕВ — В. И. Вернадский и естественнонаучная традиция	72
А. ЕРШОВ — Информатизация: от компьютерной грамотности учащихся к информационной культуре общества	82
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	
Н. БУХАРИН — Политическое завещание Ленина	93
В СТРАНАХ СОЦИАЛИЗМА: ОПЫТ, ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ	
В. БЕНКЕ — Экономика, политика, мышление	103
ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ	
В. ЯРОШЕНКО — Против монополии на истину	115
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. ИНФОРМАЦИЯ	
А. ОРЛОВ — Педагогика сотрудничества: некоторые итоги и перспективы	121
В. СТЕПИН — Разработка социально-этических проблем науки	124
Совместный номер	126
Встречи в редакции. Хроника	126
Очередной прием слушателей и аспирантов в Академию общественных наук при ЦК КПСС	127
Очередной прием слушателей в высшие партийные школы	128

CONTENTS

V. MEDVEDEV — Great October and Today's World ☆ **R. BLUM** — Friedrich Engels on Democracy within the Party ☆ Democratization of the Party — Democratization of Society ☆ **A. GRANBERG** — Economy of Siberia — Tasks of Structural Policy ☆ **Ye. GAIDAR** — Economic Review ☆ **E. ARAB-OGLY** — Realities of New Thinking ☆ Debates and Discussions ☆ Our Essays ☆ **N. MOISEYEV** — V. I. Vernadsky and Tradition of Natural Sciences ☆ **A. YERSHOV** — Informatics: from Computer Literacy of Schoolchildren to Information Culture of Society ☆ **N. BUKHARIN** — Political Will of Lenin ☆ **V. BENKE** — Economics, Politics, Thinking ☆ **Books and Reviews, Information.**

SOMMAIRE

V. MEDVEDEV — La Grande Révolution Socialiste d'Octobre et le monde contemporain ☆ **R. BLUM** — Friedrich Engels sur la démocratie interne au parti ☆ La démocratisation du parti et la démocratisation de la société ☆ **A. GRANBERG** — L'économie sibérienne: objectifs de la politique de structures ☆ **E. GAIDAR** — Aperçu économique ☆ **E. ARAB-OGLY** — Réalités et nouveau mode de pensée politique ☆ Débats et discussions ☆ Nos résumés ☆ **N. MOISSEEV** — V. I. Vernadski et la tradition des sciences naturelles ☆ **A. ERCHOV** — L'informatisation: de l'apprentissage à l'école à la culture informatique de la société ☆ **N. BOUKHARINE** — Testament politique de Lénine ☆ **B. BENKE** — L'économie, la politique, la pensée ☆ **Critique et bibliographie. Information.**

INHALT

W. MEDWEDEW — Der Große Oktober und die Welt von heute ☆ **R. BLJUM** — Friedrich Engels und die innerparteiliche Demokratie ☆ Demokratisierung der Partei — Demokratisierung der Gesellschaft ☆ **A. GRANBERG** — Wirtschaft Sibiriens — Aufgaben der Strukturpolitik ☆ **J. GAIDAR** — Wirtschaftliche Umschau ☆ **E. ARAB-OGLY** — Realitäten des neuen Denkens ☆ Diskussionen und Erörterungen ☆ Unsere Referate ☆ **N. MOISSEJEV** — W. I. Wernadski und die naturwissenschaftliche Tradition ☆ **A. JERSCHOW** — Informatik — von der Computerkundigkeit der Schüler zur Informationskultur der Gesellschaft ☆ **N. BUCHARIN** — Das politische Vermächtnis Lenins ☆ **W. BENKE** — Wirtschaft, Politik, Denken ☆ **Kritik und Bibliographie. Informationen.**

SUMARIO

V. MEDVEDEV — El Gran Octubre y el mundo actual ☆ **R. BLIUM** — Federico Engels acerca de la democracia interna del partido ☆ La democratización del partido equivale a la democratización de la sociedad ☆ **A. GRANBERG** — La economía de Siberia y las tareas de la política estructural ☆ **E. GAIDAR** — Revista económica ☆ **E. ARAB-OGLY** — Las realidades de la nueva mentalidad ☆ Debates y discusiones ☆ Nuestras reseñas ☆ **N. MOISEEV** — V. I. Vernadski y la tradición en las ciencias naturales ☆ **A. ERSCHOV** — La informática: de los conocimientos de los estudiantes en ordenadores al desarrollo informático en la sociedad ☆ **N. BUJARIN** — El legado político de Lenin ☆ **V. BENKE** — La economía, la política y la mentalidad ☆ **Crítica y bibliografía. Información.**

内 容

梅德韦杰夫——伟大十月与当代世界☆布留姆——恩格斯论党内民主☆党的民主化与社会民主化☆格兰贝尔戈——西伯利亚的经济与结构政策任务☆盖述尔——经济综述☆阿拉卜—奥格留——现实生活中的新思维☆探索与讨论☆本刊专题评介☆莫伊谢耶夫——韦尔纳茨基和自然科学传统☆叶尔绍夫——信息化：从中小学的电脑常识到社会的信息文化☆尼·布哈林——列宁的政治遗嘱☆本肯——经济、政治、思维☆批评和图出评众。信息。

В. МЕДВЕДЕВ

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

На нынешнем, переломном рубеже человеческой цивилизации с особой полнотой осознается мера исторической значимости всего, что произошло в России в октябре 1917 года. По сути дела, так же как XIX век проходил под воздействием Великой Французской революции, 200-летие которой вскоре будет отмечаться, так и наиболее важные социально-политические процессы нашего века несут на себе неизгладимую печать влияния Великого Октября.

Октябрь всколыхнул мощную революционную волну, приведя в движение глубинные силы социального прогресса. С этого времени началось становление социализма, превратившегося во влиятельнейший политический и идейный фактор современности.

Октябрь оказал огромное воздействие на капиталистическое общество. В первые послеоктябрьские годы Ленин с полным основанием отмечал: «...Весь мир стал теперь иным, буржуазия повсюду стала тоже иной» (Полн. собр. соч., т. 41, стр. 85).

Октябрь стимулировал рост национального самосознания народов колониальных и зависимых стран, стал крупнейшим международным фактором развития освободительной борьбы, завершившейся крахом колониализма, возникновением десятков независимых государств в Азии, Африке и Латинской Америке.

Октябрь вызвал глубокие изменения в системе международных отношений, способствовал утверждению на мировой арене права наций на самоопределение и других прогрессивных принципов, положил начало формированию нового, демократического миропорядка.

За семь десятилетий коренным образом изменились все слагаемые мира: его материальная основа, политическое лицо и духовный облик. Новые проблемы стоят теперь перед СССР, социализмом, человечеством в целом. Иными, чем революционерам, бравшим Зимний дворец, видятся сегодня конкретный ход и перспектива революционного обновления мира. Значит ли это, что время, отдаляющее нас от Октября, уходит в другом направлении? Ни в коей мере! Напротив, еще острее и актуальнее стала потребность в более глубоком осмыслении и освоении исторического опыта Октября, в приумножении его традиций.

По сути дела, сегодня, когда осуществляется революционная перестройка советского общества, когда на новые рубежи выходит борьба за мир и разоружение, перед марксистской мыслью еще настоятельнее встала задача: не теряя нити революционной преемственности, опираясь на испытанный диалектический метод, дать ответ на многие вопросы, которые по-новому ставят жизнь, обеспечить качественное приращение и творческое развитие нашего теоретического наследия.

МЕДВЕДЕВ Вадим Андреевич, секретарь ЦК КПСС.

Статья подготовлена на основе доклада, сделанного на международной научной конференции «Великий Октябрь и современность».

Празднование 70-летия Великого Октября, Встреча представителей партий и движений, проведенная в связи с юбилеем, стали крупной вехой в современном общественном развитии. Доклад М. С. Горбачева на торжественном заседании, его выступление на Встрече, выступления руководителей братских партий и движений, представителей обществности вывели нас на более высокий уровень осмысления пройденного, понимания тех проблем, которые предстоит решать. Что касается КПСС и СССР, то можно смело утверждать: дан новый импульс перестройке, международной деятельности, обогащению теоретической мысли.

I

Сказанное относится прежде всего к пониманию *характера современной эпохи*. Бурные потрясения, расколовшие мир на две социальные системы, дали основание для вывода, что нынешняя эпоха — это эпоха пролетарских революций, перехода от капитализма к социализму. В ту пору под влиянием победного Октября и революционного подъема на Западе в наших политических и теоретических представлениях преобладали идеи о быстром нарастании революционного процесса в масштабах планеты. Сама необходимость мирного сосуществования первоначально обосновывалась потребностью в передышке, важностью продержаться до победы пролетариата в Европе и во всем мире.

Но уже в 1920 году, после тяжелейших испытаний гражданской войны и иностранной интервенции, Ленин писал: «...Мы имеем не только передышку, а нечто гораздо более серьезное... мы имеем новую полосу» развития (Полн. собр. соч., т. 42, стр. 22). Выдвинутая им вскоре концепция *напа переводила*, по словам М. С. Горбачева, ленинскую «идею мирного сосуществования («мирного сожительства») из сферы поначалу только политической, даже дипломатической, в сферу фундаментальных законов эпохи».

В последующем, однако, в течение определенного периода эта идея не получила развернутого обоснования и осуществления. И не по злому умыслу. Как отмечал один из руководителей советской дипломатии того времени — Г. В. Чичерин, надо было осуществить непростой переход «от прежних взглядов подпольной революционной партии к политическому реализму стоящего у власти правительства...».

Да и история нашего государства складывалась так, что в течение десятилетий после революции мы жили и строили новое общество в обстановке враждебного окружения, острого противостояния двух систем. Узость классового взгляда не дала возможности правящим кругам на Западе оценить перспективность идеи мирного сосуществования, помешала им увидеть в ней основу международных отношений нового типа. Буржуазия сделала иной выбор — ставку на военное вмешательство, экономическую блокаду, политический нажим. В этих условиях стране победившей социалистической революции приходилось практически во всем полагаться на себя. Это питало настроения автаркии, замкнутого общества, настороженного отношения к другому миру, настроенному отнюдь «не дружески».

Надежда на быстрое развитие мирового революционного процесса в масштабах планеты преобладала и позже, в первый послевоенный период. В пользу ее, казалось бы, говорило изменение соотношения сил между капитализмом и социализмом в результате разгрома гитлеровской Германии и милитаристской Японии, победы народно-демократических революций в ряде стран Европы и Азии, подъема национально-освободительного движения в мире.

Впоследствии с учетом конкретных исторических процессов в эти представления вносились определенные поправки. В конце 50-х годов

под влиянием установок XX съезда КПСС мирное сосуществование двух систем стало рассматриваться как самостоятельная историческая полоса развития, на протяжении которой развертывается экономическое соревнование двух систем. Но и в тот период подход к данному вопросу связывался с надеждой взять верх над капитализмом в экономическом соревновании всего за одно-два десятилетия.

Реальный исторический процесс показал, что такая точка зрения не имела глубокого обоснования. Оседлав научно-техническую революцию, капитализм стал довольно быстро перестраивать свою экономику, продвигаться вперед. Оценивая его реальное развитие, приходится констатировать, что долгое время наша общественная наука, а в известной мере и политическая практика исходили из понятий, выработанных много десятилетий назад. Ложно понимаемое представление об «идеологической стерильности» вело к сужению теоретического кругозора, к тому, что при анализе современного капитализма вопреки ленинской методологии стремились найти только одни аргументы — в пользу его загнивания, неизбежности краха. Разумеется, эта сторона вопроса заслуживает глубоких исследований. Но не могут оставаться вне научного анализа и другие существенные проблемы, такие, как способность современного капитализма подниматься на новые уровни обобществления производства, раздвигать границы роста производительных сил, приспосабливаться к глобальным вызовам эпохи.

Учение об империализме как особой стадии капиталистического общества формировалось, как известно, накануне Октябрьской революции. Монополистический капитализм тогда только обретал свои черты. Само собой разумеется, что он воспринимался как своего рода надстройка над фундаментом капитализма эпохи свободного предпринимательства, кратковременная и быстро преходящая заключительная стадия этого строя.

Для Маркса понимание домонополистического капитализма как адекватной формы этого способа производства было естественным. Тенденция к монополизации производства при его жизни еще не приобрела решающего значения. Поэтому конкретные формы капитализма, капитала и прибавочной стоимости, складывающиеся в процессе свободной конкуренции, изображены в третьем томе «Капитала» как имманентные формы капитализма вообще. Такой подход не вызывал сомнений и у Ленина. Данный им анализ империализма трактовался как дополнение теории Маркса. И это понятно: монополистический капитализм только формировался, а государственно-монополистический был лишь зарождающейся тенденцией.

Следует, однако, со всей силой подчеркнуть, что уже тогда, опираясь на материал сравнительно небольшого исторического периода, Ленин убедительно показал, что переход к империализму нельзя сводить только к политике, что это глубинная перестройка производственных отношений капитализма, раздвигающая возможности развития производительных сил, обобществления производства и вместе с тем воспроизводящая его противоречия, придающая своеобразную форму их движению.

Ленин считал: тенденция к застою и загниванию при империализме не носит абсолютного характера, берет верх «в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, на известные промежутки времени» (Полн. собр. соч., т. 27, стр. 397). Он предупреждал: «Было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма», который в целом растет «неизмеримо быстрее, чем прежде» (там же, стр. 422).

Империализм обострил старые и породил новые противоречия. Он обрек человечество на две мировые войны, потрясшие основы челове-

ческого мироздания. Но капиталистический строй сумел тем не менее приспособиться к новым условиям. Он устоял, несмотря на образование социалистической системы, выдержал распад колониальной системы империализма, постаравшись компенсировать его различными формами неоколониальной, а в последнее время и технологической эксплуатации развивающихся стран; нашел достаточно ресурсов для углубления научно-технической революции; использовал экономический рост для приглушения классовой борьбы и расширения пределов социального маневрирования.

Государственно-монополистический капитализм сумел продвинуться по пути интернационализации общественного производства, экономической интеграции. Впервые были созданы наднациональные механизмы регулирования политических и экономических противоречий, которые позволяют не доводить дело до опасных ситуаций, хотя временами и дают сбой.

На XXVII съезде отмечалось, что капитализм 80-х годов имеет отличие не только от капитализма начала века и даже 50—60-х годов, но и от капитализма 70-х. Сейчас, когда возраст монополистического капитализма приближается к вековой отметке, представления о нем как о какой-то модификации классического капитализма XIX века все более входят в противоречие с реальным положением вещей. Возникает вопрос: не является ли, напротив, эпоха свободной конкуренции предшественницей монополистического капитализма, а последний — адекватной формой капиталистического способа производства?

Это, конечно, гипотеза, требующая обсуждения, а вердикт будет вынесен самой жизнью. Но в пользу такого понимания говорит многое, в том числе то, что домонополистический капитализм, сложившийся в результате промышленной революции, просуществовал в Англии около века, а в других странах и того меньше — несколько десятилетий, что именно при переходе к империализму завершается становление мировой капиталистической системы и т. д. При таком понимании еще более высвечивается значение ленинской теории монополистического капитализма как важнейшей органической части научной теории капиталистического способа производства.

Из способности капитализма адаптироваться к новым обстоятельствам, разумеется, не следует, что антагонистическая природа капитализма изменилась. Напротив, что бы ни говорили его апологеты, ссылаясь при этом на те или иные факты экономического роста или определенные достижения в уровне жизни в развитых капиталистических странах, они не в силах затушевать основные пороки буржуазного общества — его антигуманную сущность, жесткую конкурентную борьбу, циклический характер капиталистического развития. Разве не об этом свидетельствует новая вспышка противоречий, так глубоко проявившаяся в острейшем за весь послевоенный период биржевом кризисе?

Сегодня трудно кому бы то ни было отрицать, что капитализму так и не удалось устранить противоречие между собственниками и наемными рабочими, эксплуататорами и эксплуатируемыми, искоренить бедность, обеспечить всех трудоспособных работой, дать им социальные гарантии и возможности для духовного развития. Наряду со старыми, «классическими» противоречиями капитализма выявляются все новые и новые. Огромный заряд деструктивной силы несут в себе милитаризм, разрушение культуры и морали, неоколониализм, лишаящий перспективы значительную часть человечества и чреватый глобальным взрывом.

Нельзя не видеть все эти уродливые черты, присущие буржуазному обществу конца XX века, а вместе с тем его определенную жизнестойкость. Сегодня достаточно оснований предположить, что закономерная

смена социально-экономических формаций будет происходить на более широком, чем виделось ранее, историческом пространстве при значительном разнообразии форм перехода. Отсюда перспектива *длительного сосуществования и взаимодействия двух общественных систем, в ходе соревнования которых будет происходить сопоставление их социальной и экономической эффективности.*

Но дело не только во временных рамках сосуществования социализма и капитализма. Обновления требует наше понимание самого характера и форм сосуществования. Представление о движении систем как бы на параллельных рельсах — иллюзия. Взаимозависимость мира такова, что эти «параллели» будут неизбежно пересекаться, обе системы и входящие в них страны будут тесно взаимодействовать в рамках общего мирового развития, в научно-технической, экономической, социальной областях и в области человеческих отношений, в решении глобальных проблем. Собственно, этот процесс уже идет.

Встает сложнейшая теоретическая и практическая задача определения таких форм нашего взаимодействия с остальным миром, при которых бы социализм активнейшим образом участвовал в процессах мирового развития, в международном разделении труда и в то же время сохранял свое социалистическое «первородство», не изолировался от мирового сообщества, а глубоко входил в него, влиял своим присутствием, активным действием, реальным участием в решении животрепещущих проблем человечества. Словом, речь идет о том, чтобы наполнить современным содержанием ленинскую формулу о мирном сожительстве государств с различным строем во всей ее глубине и объеме.

Через призму времени особенно ясно видно универсальное значение этой формулы. Ее главные слагаемые — признание многообразия мира и многовариантности развития, неотделимости судеб социализма от исторических путей мирового прогресса, мирный характер отношений между государствами с различным общественным строем, развитие между ними широких политических, торгово-экономических, научно-технических, культурных и иных связей. Эти наиважнейшие доминанты лежат в основе выработанного КПСС нового политического мышления.

Новое мышление, вобравшее в себя основополагающие ленинские идеи, сформировалось под воздействием сегодняшних реальностей, которые характеризуют человеческую цивилизацию на ее поворотном рубеже в конце XX столетия. Оно учитывает растущую взаимосвязанность мира, реалии атомной эры и научно-технической революции, приоритет общечеловеческих ценностей, дает ответ на острейшие проблемы современности, прежде всего проблему выживания человечества.

В духе нового мышления, исходя из растущей целостности и противоречивости мира, мы уточняем и свои представления о темпах и содержании социального прогресса, его маршрутах и движущих силах. В общей форме можно сказать, что научно-технический и социальный прогресс разворачивается сейчас в условиях сосуществования двух общественных систем, в ходе которого их соревнование, соперничество все более тесно переплетаются со взаимодействием и взаимовлиянием. Это процесс, идущий через обновление социализма и восхождение его к новому качественному состоянию; через борьбу рабочего класса и широких масс трудящихся в самой капиталистической системе; через решение наиболее острых проблем развивающихся стран на путях глубокой перестройки мирового политического и экономического порядка; через решение глобальных, общечеловеческих проблем и прежде всего через непременное исключение угрозы ядерной войны, создание безъядерного, ненасильственного мира.

II

Как будет развиваться дальше исторический процесс, какое будущее ожидает человечество — в огромной мере зависит от *перспектив развития и обновления социализма*, обретения им нового качественно-го состояния.

У истоков социализма лежит стремление масс к осуществлению извечных идеалов свободы, равенства и братства. Новый общественный строй откликнулся на боли человечества, попытался найти свои ответы на извечные вопросы общественного бытия, воплотить в жизнь основные ценности гуманизма. Однако в полной мере гуманистическая природа социализма могла раскрыться не сразу.

И нам, и позже другим странам пришлось решать задачи, которые прямо не вытекали из сути социализма, но были жизненно необходимы для обеспечения революционных завоеваний. Стремление скорее вырваться из тисков экономической и культурной отсталости, отстоять свое существование в борьбе против империалистической агрессии, а затем и перед лицом ядерной угрозы — совокупность этих и других факторов во многом предопределила конкретные формы, методы и темпы социалистических преобразований, сказалась на облике социализма. Свою роль здесь сыграли и новизна, неизведанность пути, и субъективные ошибки, просчеты.

Но, несмотря на все это, социализм прочно утвердился как важная движущая сила цивилизации. Он продемонстрировал способность к осуществлению исторических преобразований, к обеспечению социальной защищенности трудящихся и свободы от эксплуатации, ознаменовал огромный прогресс в деле равенства людей и наций.

Особое значение в истории социализма имеет нынешний период, вторая половина восьмидесятых годов. В ходе разворачивающейся в Советском Союзе перестройки, глубоких реформ в других социалистических странах складываются новые формы организации общественной жизни, которые призваны наиболее полно выявить природу социализма, его социальные и экономические преимущества. Речь идет о решительном повороте экономики, политики, культуры в сторону человека, его потребностей и интересов, о том, чтобы обновить на этой основе наши представления о социалистическом обществе, его способности служить людям и обогащать их труд, быт, жизнь.

К настоящему времени наша партия и народ прошли чрезвычайно важную и насыщенную с точки зрения осмысления прошлого, настоящего и будущего полосу развития. В обществе создана новая морально-политическая атмосфера, образно говоря, основательно расширена строительная площадка. Если на январском и июньском (1987 год) Пленумах ЦК КПСС выработаны программы реформы в области политической системы и экономики страны, то в ходе празднования 70-летия Великого Октября вопросы нашего развития рассмотрены в широком историческом и идейно-политическом контексте. Тем самым мы значительно продвинулись в осознании необходимости и путей обновления социализма, перестройки, выхода из той полосы застоя, в которой оказалась страна.

Нам удалось за короткий срок как бы высветить новым, реалистическим светом и самих себя, свое прошлое, и, самое главное, свое будущее. Немало было сделано за это время и для освобождения нашей жизни от накали, от того, что наносило моральный урон обществу, принижало достоинство советского человека. Общественное сознание освобождается от различного рода догм, предрассудков, иллюзий, оторванных от реальности схем, которые на протяжении десятилетий сдерживали экономическое и духовное развитие страны.

Теперь наступил другой, не менее ответственный и сложный этап,

суть которого в материализации перестройки, переводе ее идей и замыслов в практическую плоскость. Работа, как отмечал М. С. Горбачев, разветвляется по двум кардинальным направлениям: широкая демократизация общества и радикальная экономическая реформа. О масштабах последней говорит тот факт, что с начала 1988 года на новые условия хозяйствования переведены предприятия, выпускающие 60 процентов промышленной продукции. Предстоит сделать крупный шаг в преодолении механизма торможения, командно-административных методов хозяйствования, консервативных стереотипов, привычек топить живое дело в бюрократическом бумажном потоке.

Да, время нас торопит. Народ — за решительные, быстрые действия. Если упустим время, то можем оказаться в трудном положении. Но нельзя не видеть и другое — перестройка связана с судьбами миллионов людей. Поэтому неподготовленные, спонтанные, вызванные только эмоциями действия могут лишь навредить делу. Нужно тщательно взвешивать каждый шаг, сопоставлять его с общими задачами, коренными, стратегическими целями перестройки и вместе с тем учитывать настроение людей, наши возможности.

Еще два года назад мы больше всего нуждались в откровенной и острой критике. Она естественное состояние для нашей партии и социализма. Критика нужна и сейчас. И в будущем нам без нее не обойтись. Однако на одной критике недостатков, на обличительных порывах души невозможно преодолеть застойные явления. Наступило время людей, обладающих развитым экономическим мышлением, способностью организовать плодотворные конкретные дела, получить весомые результаты. Перестройке нужны люди свежей мысли и энергичного практического действия.

Особое место в программе перестройки принадлежит демократизации. «Суть перестройки, — подчеркивал М. С. Горбачев, — именно в том и состоит, что она соединяет социализм и демократию...» Попытки реформ предпринимались у нас неоднократно и в прошлом, и если они не приносили ощутимых результатов, то прежде всего потому, что преобразования носили недостаточно глубокий и всеохватывающий характер, не затрагивали политической сферы, не предусматривали включения человеческого фактора и активного участия народных масс.

Проблемы демократизации социалистического общества мы рассматриваем в самом широком плане. С нею связываем и радикальную перестройку хозяйственного механизма, а значит, и самих производственных отношений. Мы хотим значительно полнее, чем до сих пор, сочетать интересы личности, коллектива и общества, укрепить у людей чувство хозяев, последовательно осуществить важнейший принцип социальной справедливости при социализме — распределение по труду.

Такая постановка вопроса идет от Октября, от Ленина. Теория и практика перестройки, опираясь на анализ современных условий развития нашего общества, исходят из необходимости преодоления всего чуждого природе социалистического строя, возвращения к идеалам и ценностям Октябрьской революции, восстановления ленинской концепции социализма.

Поиск путей обновления общества, глубокие реформы, призванные вывести социализм на новую качественную ступень развития, развертываются в ряде братских стран. Уже сам этот факт свидетельствует о вступлении мирового социализма в новый этап, о переходе от одной его исторической модели к другой, отвечающей современным условиям и требованиям.

Разумеется, социалистические страны приходят к необходимости перемен, перестройки, реформ по причинам во многом специфическим, обосновывают их собственными доводами. Но при всем различии уровней развития отдельных стран, при естественном несовпадении после-

довательности и времени осуществляемых преобразований выявляется высокая степень близости, сходства в их общей направленности.

В новый этап мировой социализм входит и с точки зрения перестройки взаимных отношений социалистических стран. Решающее значение для согласования и закрепления такого общего подхода имела Рабочая встреча руководителей стран—членов СЭВ в ноябре 1986 года в Москве. Если коротко определить ее основное содержание, то это признание необходимости последовательно строить политические отношения между странами социализма на основе равноправия, самостоятельности, взаимной ответственности, коллективной заботы об общих интересах; соблюдение принципов взаимной помощи в экономических отношениях, органическое сочетание инициативы каждого с общей согласованной линией в международных делах.

В центр идеологического сотрудничества ставятся обмен опытом социалистического строительства, его совместное обобщение в соответствии с известной ленинской формулой о том, что «только путем ряда попыток, — из которых каждая, отдельно взятая, будет односторонняя, будет страдать известным несоответствием, — создастся цельный социализм из революционного сотрудничества пролетариев *всех* стран» (Полн. собр. соч., т. 36, стр. 306). Естественно, что высшим судьей наших поисков, нашей работы является общественно-политическая практика, а если говорить более конкретно, — ускорение социально-экономического развития, укрепление социализма на деле.

Конечно, между принципами, на которых строится сотрудничество, и живой практикой — дистанция немалого порядка. Однако сегодня есть все основания констатировать важные сдвиги на пути реализации поставленных целей. Активизировалось политическое сотрудничество братских стран, деятельность всех его институтов. Более слаженной, оперативной, подлинно коллективной стала работа в рамках Варшавского Договора. Возросла инициативность каждого члена союза, о чем говорят многочисленные внешнеполитические предложения всех наших стран, получившие широкое признание в мире.

В практическую плоскость переводятся и очень непростые задачи по перестройке экономического сотрудничества. Общая концепция здесь определена достаточно четко. Ее главная направленность — линия на форсированное развитие специализации и кооперации производства, прямых связей между предприятиями, создание совместных промышленных и научно-технических предприятий и объединений, перестройка механизма управления экономическими связями. Важный шаг в решении этих задач сделан на состоявшейся недавно в Москве 43-й сессии СЭВ.

Сказанное, впрочем, ни в коей мере не значит, что теперь нам уже все ясно, что нет никаких вопросов и остается только претворять намеченную программу в жизнь. В действительности предстоит развернуть совместную работу, в том числе и теоретического плана, для выяснения многих новых и сложных проблем.

Прежде всего в общем контексте нового политического мышления представляется особенно важным глубокое осмысление мирового социализма как общественного явления и процесса, форм, в которых он развивается, понятий, в которых описывается. И это отнюдь не абстрактный вопрос, сводящийся к тем или иным дефинициям. Здесь заложено глубокое теоретическое и политическое содержание, которое необходимо раскрыть и исследовать.

Интересно проследить эволюцию наших представлений по данному вопросу. Первоначально, когда революция одержала победу лишь в одной стране, существовало убеждение, что в перспективе дело пойдет к созданию федерации социалистических республик. С появлением группы молодых социалистических стран в специфических условиях

послевоенного времени возобладало представление о мировом социализме как лагере, противостоящем враждебному фронту капиталистических государств. Это было оправданным в период острой конфронтации, когда интересы социализма пришлось отстаивать в основном военно-политическими и дипломатическими средствами.

В дальнейшем, по мере укрепления в наших странах социализма, развития отношений между ними, становилась очевидной ограниченность понятия «лагерь», в оборот были введены понятия «мировая социалистическая система», а затем и «социалистическое содружество». Но и они не вполне адекватно отражают всю гамму взаимоотношений между социалистическими странами, разнообразие и богатство социализма. За рамками указанных понятий остаются, например, страны социалистической ориентации, с которыми мы тесно сотрудничаем. Не случайно, что в последнее время все чаще стал употребляться чисто описательный термин — мир социализма.

Речь, конечно, идет не о том, чтобы отказаться от устоявшихся понятий, а о том, чтобы анализировать процессы развития мирового социализма шире и глубже, и не по формальным признакам, а по их объективному социально-экономическому и политическому содержанию.

Исключительно важный в политическом и теоретическом плане вопрос касается соотношения основных закономерностей и национальных особенностей социалистического строительства. И у него есть своя история. Когда-то признание национальных особенностей считалось чуть ли не отступлением от марксизма-ленинизма. Несколько позднее этот вопрос стали трактовать в таком духе, что национальные различия неизбежны и допустимы на ранних этапах социалистического строительства, но затем будут преодолены, сошлифованы, отойдут в прошлое. Поэтому и говорилось большей частью о национальных особенностях строительства социализма, а не самого социализма.

В действительности национальные особенности не есть нечто чуждое и противоположное социализму. В признании, в учете и использовании множественности форм и национальных проявлений — сила социализма, подтверждение его универсальности, обогащение самой социалистической идеи. «Единство в основном, в коренном, в существенном, — писал Ленин, — не нарушается, а обеспечивается *многообразием* в подробностях, в местных особенностях, в приемах *подхода* к делу...» (Полн. собр. соч., т. 35, стр. 203). Важно, конечно, чтобы при этом национальные особенности не абсолютизировались, не превращались в фундаментальные основы социализма.

В докладе на Октябрьских торжествах М. С. Горбачев отметил, что новый строй предстает сегодня во всем богатстве национального и социального многообразия, оригинальности, присущей каждой стране и народу. Прошло время, когда единство нередко отождествлялось с похожестью, а успехи мерились степенью единообразия. Нельзя строить политику, не учитывая интересов других стран, не находя общих решений. Конечно, природа экономического и социально-политического строя социалистических стран в отличие от капитализма создает прочную основу для сочетания интересов. Но это не достигается автоматически, а является результатом их взаимного согласования.

Особую сложность представляют экономические отношения. Здесь перед марксистами буквально море проблем, научная разработка которых имеет первостепенное значение для практики. Например, вопрос о формировании единого социалистического рынка, то есть той естественной сферы, где, по выражению К. Маркса, совершается общественный обмен продуктами труда. Движение к нему, очевидно, займет определенный промежуток времени и потребует серьезного развития всего экономического механизма, включая товарно-денежные отношения. Нам предстоит разубить узел валютно-финансовых проблем,

сдвинуть к взаимному интересу проблему ценообразования, дать дорогу договорным ценам, смелее готовить условия для перехода к взаимной конвертируемости валют.

Одним словом, перспективы социализма, его потенциал как общественного строя и мировой системы огромны, поистине неисчерпаемы. Мы находимся, по сути дела, на начальном этапе раскрытия возможностей социализма. Раскрывая их, опираясь на них, можно успешно решать любые задачи.

История бросает сегодня вызов всему человечеству. Капитализм отвечает на него по-своему — развитием индивидуализма, утверждением права сильного, введением более изощренных и утонченных форм эксплуатации человека человеком, одних народов другими. Социализм дает принципиально иной ответ на вызов времени, выдвигает свою альтернативу, призванную обеспечить гуманистическое решение проблем эпохи научно-технической революции и ядерного века.

III

В последние годы и десятилетия обрело права научного гражданства, прочно вошло в международный лексикон, в мировую политику понятие «*глобальные проблемы*». В этом знамение времени, свидетельство взаимозависимости нашего мира. По своему характеру глобальные проблемы различны: от угрозы ядерного самоуничтожения до опасности экологической катастрофы, от преодоления растущего раскола мира на «богатые» и «бедные» нации до перспективы истощения старых и необходимости поиска новых источников энергии.

Но при всем конкретном различии глобальные проблемы многое объединяет. Прежде всего их объединяет центральная идея — идея выживания человечества, притом именно всего человечества, а не отдельной его части, как это было не раз в мировой истории, хранящей память об обломках погибших цивилизаций в тех или иных районах мира. Эти проблемы объединяет и то, что они лежат как бы на перекрестке научно-технических, социально-экономических и морально-этических факторов. Собственно в философском плане само их возникновение является, пожалуй, результатом опережающего развития научно-технического прогресса в сравнении с прогрессом социальным и нравственным.

И наконец, их объединяет необходимость совместного, проникнутого духом взаимодействия решения. Не только из-за того, что в одиночку просто не под силу это сделать, но и потому, что подход к ним с эгоистических, узко понимаемых национальных или классовых позиций может завести в тупик, породить непоправимые последствия.

Роль всех этих проблем в жизни человечества — величина постоянно возрастающая. Главная же и самая неотложная из них — *сохранение мира, предотвращение ядерного катаклизма*. Если человечество окажется в состоянии ее решить, у него будут серьезные шансы справиться и с другими проблемами и создать качественно иной, безопасный мир.

В этом смысле поистине историческое значение имеют встреча Генерального секретаря ЦК КПСС и Президента США, советско-американские переговоры на высшем уровне, состоявшиеся в декабре 1987 года. Третья по счету за последние годы, эта встреча имеет особые приметы. Если Женева была своего рода сопоставлением позиций сторон, которое привело к общему выводу, что ядерная война никогда не должна быть развязана, если Рейкьявик открыл возможность прорыва в безъядерный мир, то декабрьская встреча означает первый реальный шаг к такому миру. Соглашения и договоренности, которые стали ее результатом, выходят по значению за пределы их конкретных параметров. Впервые за сорок лет атомной эры достигнуто соглашение не просто

об ограничении, а о сокращении ядерных арсеналов, ликвидации двух типов таких вооружений. В казавшейся непреодолимой стене ядерного противостояния открылась первая брешь. Часы истории начинают отбивать новое время — движения к безъядерному миру.

Тем самым выдвинутая Советским Союзом идея построения такого мира, которую на Западе порой склонны были трактовать как утопию, обретает реальную почву; ведь если возможен первый шаг в направлении мира без атомного оружия, то возможны и второй, и третий шаги. Подводится солидная основа под развернутую социалистическими странами концепцию всеобъемлющей системы международной безопасности, стержнем которой является устранение оружия массового уничтожения. Наконец, договоренности в Вашингтоне — важная ступень общей деэскалации международной напряженности, оздоровления международного климата.

Конечно, первый толчок всегда сложен уже по самой своей беспрецедентности. Но у нас нет иллюзий. И дальнейшее движение к безъядерному миру будет проходить в остром противоборстве с силами, провозгласившими своим кредо концепцию ядерного сдерживания, будь то из сугубо материальных соображений или по причине «силового» мышления.

Через «окошко», открывшееся в безъядерный мир, видны новые проблемы, в том числе и теоретического характера, которые раньше вырисовывались не столь явственно и могли как бы откладываться «на потом». Скажем, означает ли этот безъядерный мир будущего простой возврат к «доядерному» прошлому, где действует классическая формула Клаузевица? Могут ли войны при современных видах неядерного оружия служить достижению политических целей, а не привести к взаимному уничтожению? Наша позиция однозначна — не могут. И из этого, собственно, вытекают и практические выводы в пользу сдержанности и самоограничения в вооружениях, отказа от каких-либо попыток использовать вооруженные силы в наступательных целях.

А каким может быть механизм на случай нарушения соглашений о ликвидации ядерного оружия, попыток ядерного, да и неядерного «пиратства», шантажа, угроз с помощью вооруженной силы? Здесь, собственно, самое чувствительное место в концепции безъядерного, ненасильственного мира. Безусловно одно: любые меры должны быть коллективными и согласованными. Возникает необходимость создания и таких преград международного характера, которые могли бы помешать использованию науки в целях, угрожающих человечеству.

Разоружение можно по праву назвать одним из краеугольных камней построения будущего мира. Другим было бы, пожалуй, справедливо назвать *проблему развития стран, освободившихся от колониальной зависимости*. Октябрь и на этом направлении сказал свое веское слово. Среди выдвинутых им идей — право наций на самоопределение, необходимость прекращения империалистического грабежа, налаживания обмена на справедливой основе между развитыми и развивающимися странами. Все они и сегодня сохраняют свое непреходящее значение.

Но Октябрь — прародитель не только новых идей, но и новой практики отношений с развивающимися странами. Ведь молодое Советское государство в своих отношениях, например, с Турцией, Ираном, Афганистаном, бескорыстно помогая им, на деле доказало, как должны строиться равноправные отношения, ликвидировало многое из тяжелого наследия прошлого.

Не будет преувеличением сказать, что идеи, практика Октября послужили импульсом к последующей эрозии и ликвидации колониальной системы. Современная политическая карта мира больше не окрашена в цвета горстки держав, поделивших между собой целые континенты. Одна из великих реальностей нашего времени — выход на

международную арену более сотни государств в Азии, Африке, Латинской Америке, вступивших на путь самостоятельного развития. Это целый многоликий мир стран с неодинаковыми путями развития, образом жизни.

В нем выделяются государства, избравшие своим ориентиром социализм, что свидетельствует о плодотворности ленинского предвидения о возможности некапиталистического развития освободившихся от империализма стран. Но было бы неверно рисовать такой путь как безоблачное движение вперед, игнорировать изощренную тактику империализма, направленную на подрыв этих стран, не видеть стоящие перед ними объективные и субъективные трудности. Ведь социалистическая ориентация избрана государствами, принадлежавшими к числу наименее развитых, где практически не было «своего» капитализма. Это, собственно, облегчило их отрыв от капиталистической системы, но и затрудняет дальнейшее движение вперед. Думается, прогресс стран социалистической ориентации в значительной мере связан и с их собственными усилиями, и с перспективами общего рывка вперед мирового социализма.

Большинство освободившихся стран оказалось интегрировано в капиталистическое мировое хозяйство. Но и эти страны не одинаковы. Некоторые из них выдвигаются в ряд современных индустриальных государств. Есть страны, которые пошли, пожалуй, по непредсказуемому и неясному по возможным результатам пути нарастания религиозного фундаментализма. Есть, наконец, и такие, которые, по сути, еще не вышли из стадии патриархальных, племенных связей.

При немалых различиях все эти государства объединяет и нечто общее. В политическом плане они, как правило, выступают с самостоятельных позиций, отнюдь не всегда совпадающих с позициями ведущих капиталистических стран. Экономические и политические интересы заставляют их сближаться друг с другом, исходя из собственного видения мира. Это, однако, не исключает противоречий, и притом глубоких. Раздуваемые империализмом, они то тут, то там выливаются в острые конфликты. Нельзя также проводить аналогию между империалистическими державами Запада и новыми индустриальными странами развивающегося Юга. При всех успехах последних — а они несомненны — это капитализм периферийный, испытывающий мертвую хватку транснациональных корпораций.

Разрыв между развитым капиталистическим Севером и развивающимся Югом растет. Не уменьшается пропасть между доходами этих групп стран, продолжается выкачивание средств Юга, над которым нависла тяжесть гигантского долга, достигающего триллиона долларов. Ситуация чревата опасностью взрыва такого масштаба, последствия которого в нынешнем взаимосвязанном мире трудно предвидеть.

Проблема слаборазвитости вышла на общечеловеческий уровень. Без ее решения, без устранения голода, нищеты, болезней, неграмотности сотен миллионов людей невозможно обеспечить надежное будущее человечества. Мы полностью на стороне народов, ведущих борьбу за свое национальное освобождение, самостоятельное экономическое развитие, оказываем им посильную помощь. Вместе с тем мы за поиск глобальных решений общих проблем этой зоны мира.

Перед марксистской мыслью, как и перед прогрессивной творческой мыслью в развивающихся и развитых капиталистических странах стоит задача разработки реальных путей создания нового международного экономического порядка. Его основные черты очевидны. Это — исключение методов экономической агрессии, таких, как применение или угроза применения эмбарго, бойкота, торговой, кредитной и технологической блокады; уважение права каждого народа распоряжаться своими ресурсами, участвовать без дискриминации в торговых отноше-

ниях; установление справедливого, экономически обоснованного соотношения цен на сырье, продовольствие и промышленные изделия; упорядочение валютно-финансовых отношений, устранение высоких процентных ставок, предотвращение использования задолженности для вмешательства во внутренние дела.

Конечно, возникает вопрос: а можно ли вообще построить международные экономические отношения на более справедливой, демократической основе в условиях сохранения мирового капиталистического хозяйства? Многое зависит от способности реалистически мыслящих кругов Запада не доводить дело до взрыва, не обострять противоречий до критической температуры, когда ситуация станет необратимой. Но главное, разумеется, — активная позиция, сложение усилий развивающихся стран, мирового социализма, всех прогрессивных сил современного мира в борьбе за новый международный экономический порядок, за экономическую безопасность.

Глобальный характер проблем, вставших сегодня перед миром, предполагает и новый подход к *морально-этическому, духовному фактору* в международных делах, в жизни мирового сообщества в целом. Социализму и здесь есть на что опереться в своем научно-теоретическом наследии. Достаточно напомнить известные слова Маркса, призывавшего «добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали высшими законами и в отношениях между народами» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 16, стр. 11).

Маркс не случайно употребляет здесь слово «должны». За тысячелетия ожесточенной борьбы между классами, кланами, нациями элементарные нормы нравственности оказались загнанными куда-то на периферию человеческого сознания. В мире, разделенном враждой и ненавистью, превалировала мораль, отвечающая логике этой борьбы, мораль, не объединяющая, а рассекающая общество.

Но в наши дни, хотя мир по-прежнему остается социально разделенным, выживание не отдельного класса, не отдельного народа, а человечества в целом диктует, вопреки чьим-либо эгоистическим интересам, необходимость руководствоваться общечеловеческими «законами нравственности и справедливости». Устаревшие приемы международной жизни — в чем-то обмануть, что-то скрыть, как-то обвести или, еще лучше, загнать в угол другую сторону — стали смертельно опасными. Невозможно пользоваться такими прописями, как «тот, кто не с нами, тот против нас», прямолинейно делить мир на «черное» и «белое», на «злое» и «доброе».

Взаимное доверие, честное и неуклонное соблюдение договоренностей, неприятие насилия над любым народом, уважение уникального характера каждой нации, каждого человека становятся сегодня настоятельной необходимостью в международных отношениях. И очень важно, что именно социализм выступает их поборником и знаменосцем.

IV

Из оценки состояния, переживаемого сейчас миром в целом и существующими в нем социально-экономическими системами, вытекает один важный вывод: несмотря на всю сложность обстановки, с которой столкнулось человечество на грани двух тысячелетий, существует реальная возможность преодолеть возникшие трудности, сохранить цивилизацию и вывести ее на более высокий качественный уровень. Но успешное решение этой исторической задачи будет зависеть от субъективного фактора, от наличия и готовности общественных сил, способных взять на себя бремя беспрецедентных решений и ответственных действий.

Основоположники марксизма оставили нам в этом отношении замечательную традицию. Анализ условий и перспектив общественного развития они обязательно доводили до указания, какой класс или социальный слой может выполнить роль двигателя истории на данном этапе. Ведущая идея Манифеста Коммунистической партии, да и всей теории научного коммунизма — революционная роль пролетариата, призванного выполнить функции авангарда в борьбе за утверждение социализма.

Глубокий и точный анализ социальной ситуации, расстановки сил в канун Октября был сделан Лениным — иначе была бы невозможной победа революции. Рабочий класс возглавил строительство социализма в СССР и других странах. Он выполняет авангардную роль в советском обществе и сейчас, на этапе перестройки.

Десятилетиями ведется полемика о том, сохраняет ли современный рабочий класс свой революционный потенциал. Одни говорят, что в развитых капиталистических странах этот класс в значительной мере обуржуазился, растворился в средних слоях, а потому, мол, роль возмутителей спокойствия, провозвестников революционных перемен перешла к интеллигенции и молодежи. Другие считают, что в результате научно-технической революции рабочий класс вообще должен уйти с исторической арены, поскольку функции наладки и контроля за работой современных систем машин будут выполняться «белыми воротничками».

Не вдаваясь сейчас в дискуссию по этим вопросам, хотелось бы только подчеркнуть тщетность попыток опрокинуть главную мысль марксизма — о коренном противоречии между трудом и капиталом. Какие бы изменения ни происходили в социальной среде под воздействием развития производительных сил, ясно, что никто и никогда не сможет поставить знак равенства между собственником средств производства и наемным работником. А раз так, значит, остается верен и вывод о неизбежности борьбы за освобождение труда от эксплуатации, за утверждение социальной справедливости.

Рабочий класс и ныне остается главной силой общественного развития. Вместе с тем масштабы, объем, а главное — глобальный, общемировой характер многих решающих сторон современного социального прогресса определяют значительное расширение состава тех сил, которые могут и должны включаться в реализацию назревших исторических задач.

Не претендуя на полный охват этой важной и большой проблемы, хотелось бы выделить лишь некоторые ее аспекты.

Предотвращение ядерной или экологической катастрофы, возможных катаклизмов на почве углубления пропасти между экономически развитыми и развивающимися странами, решение других проблем подобного рода — работа не только для традиционного союза рабочего класса и крестьянства, не только для объединяющейся с ними передовой интеллигенции, но и для самых различных слоев и групп, заинтересованных в выживании человечества.

Предпринималось немало попыток дать определение союзу этих общественных сил. Но дело, конечно, не столько в более или менее удачном определении, сколько в глубоком анализе того, на каких основах и в каких формах может осуществляться взаимодействие того широкого социального альянса, который единственно способен взять на себя решение задач, стоящих сейчас перед народами.

С этим неразрывно связан другой аспект проблемы. В наше время социальные движения все более действуют не на стихийной, а преимущественно на организованной основе. Отсюда первостепенная значимость сотрудничества политических течений, которые их представляют. Коалиция общественных движений вокруг тех или иных проблем

может охватывать либералов и христианских демократов, представителей делового мира и интеллектуальной элиты. Но при всем том основной центр ее притяжения — левые силы. Для установления подлинного взаимодействия между ними важны новый стиль, новая культура взаимоотношений. Стиль, предусматривающий сопоставление взглядов, дискуссии, диалог, основывающийся на взаимном уважении, отказе от высокомерия всезнания. Стиль, при котором не может быть места застарелой привычке с ходу отвергать точку зрения другой стороны и вместе с тем характерным становится стремление понять оппонента.

Выступая на состоявшейся в Москве в ноябре 1987 года Встрече представителей партий и движений, М. С. Горбачев подчеркнул нашу готовность и дальше развивать сотрудничество с социалистами, социал-демократами, революционными демократами и другими левыми силами. Такую позицию, как показала Встреча, разделяют коммунистические и рабочие партии мира. Можно смело сказать, что если в прошлом порой давал о себе знать сектантский подход, то теперь рецидивы детской болезни «левизны» в коммунизме встречаются все реже. Пожалуй, более актуально сейчас преодоление некоторыми социал-демократическими кругами того, что по аналогии можно назвать болезнью «правизны» — настороженностью в отношении конструктивного сотрудничества с коммунистическими силами по актуальным проблемам национальной и международной жизни.

В развитии международного рабочего движения, в сущности, складываются условия для постепенного налаживания диалога и сотрудничества между коммунистами и социал-демократами при сохранении самостоятельности и своеобразия каждого из этих политических течений. Один из важных участков, где такая совместная работа вполне возможна и необходима, — теоретический анализ действительности, прогнозирование возможных путей развития, привлечение внимания широкой международной общественности к назревшим проблемам.

Разумеется, различия в мировоззрении сохраняются, перешагнуть через них нельзя, и это будет ставить определенный предел возможностям взаимодействия. Но ведь никто и не предлагает создания каких-то общих организаций. Речь идет о совместных действиях по вопросам, где есть общий подход, а число таких вопросов сейчас резко возросло. Стоит только сесть вместе за стол, как можно обнаружить, что сфера общности гораздо шире, чем об этом думали раньше. Только практически участвуя в живом деле, можно отбросить предрассудки и продвигаться к большему взаимопониманию.

Пожалуй, главное значение Московской международной встречи именно в подтверждении этой истины. Она имела уникальный характер уже по широте и диапазону представительства различных сил левого спектра. Уникальный и по органической связи традиций рабочего, всего антиимпериалистического движения с новаторством в постановке злободневных проблем современности. Уникальный и по царившей на ней атмосфере — демократической, открытой и доброжелательной.

Как подчеркивалось при завершении Встречи, от ее проведения никто не потерял, наоборот, все выиграли. При всем различии взглядов и оценок ее участников подтвердилось общее стремление к обеспечению мира, необходимость совместных действий ради его сохранения. Можно сказать, что итоги Встречи определяют и контуры общей платформы международных левых сил. Ее стержень — новое политическое мышление, обеспечение выживания человечества, преодоление отсталости, раскола на «бедные» и «богатые» нации, уважение права каждого народа на выбор своего пути, бережное отношение к Земле и ее богатствам — нашему общему дому.

Огромный, неоценимый вклад в дело прогрессивного развития мира внесло коммунистическое движение. Оно доказало свою жизне-

стойкость и сегодня выступает как самостоятельный и неустрашимый элемент мировой политики. Его существование отвечает объективным потребностям общественного развития, а не является результатом «чистой» политической воли. Но, как и всякий живой организм, коммунистическое движение нуждается в обновлении. Эта необходимость особенно остро дает себя знать сейчас, на переломном рубеже, на перевале мирового прогресса.

Будучи неразрывной частью международного коммунистического движения, КПСС стремится осмыслить его роль и место в современном, быстро меняющемся мире. Этот поиск совпадает с тем, который ведут и другие братские партии. Речь идет прежде всего о приведении программ, методов действия и лозунгов в соответствие с реалиями конца XX века, будь то характер и последствия научно-технической революции, возможности дальнейшего приспособления капиталистического общества и его институтов к новой обстановке, пути развития современного социализма, экономические и социальные процессы в «третьем мире» или экологическая цена общественного прогресса. Идет поиск органического сочетания традиционных классовых, национальных задач с общечеловеческими, интернациональными.

Чем глубже будут решаться эти непростые проблемы, тем больше шансов на то, что уже в ближайший период коммунистические партии смогут укрепить свое политическое влияние и как следствие внести растущий вклад в общее дело прогрессивных сил. Если не публично, не на страницах печати, то в ходе товарищеских встреч и бесед между коммунистами постоянно обсуждается вопрос о взаимодействии между братскими партиями. Известно, какие затруднения возникали на этом пути. Определенная настороженность и сдержанность явились следствием допускаявшихся ранее нарушений принципов взаимоотношений между партиями. Теперь все это в прошлом. И, по нашему мнению, ничто не должно мешать коммунистам обмениваться опытом работы, теснее сотрудничать в обсуждении актуальных проблем современной политики, общими усилиями двигать вперед теорию научного социализма.

Обстановка товарищеской дискуссии, при которой никто не претендует на монопольное владение истиной, объективно способствует сдвигу в коммунистическом движении в направлении сближения партий. Создаются благоприятные условия для обогащения содержания, форм и методов деятельности коммунистического движения в духе нового мышления, переосмысления путей дальнейшего его развития на современном этапе, места и роли в мировой освободительной борьбе, в решении общечеловеческих проблем.

Человечество находится на переломном этапе. Сумеет ли оно пройти через нынешний ответственный участок своей истории, во многом зависит от совместных действий всех левых, всех миролюбивых сил. КПСС убеждена, что огромная роль принадлежит здесь социализму, его способности полностью раскрыть свои возможности, выйти на новые рубежи. В достижении этих целей советские коммунисты видят верность традициям Октября, свой долг перед нынешними и последующими поколениями.

Р. БЛЮМ

ОБРАЩАЯСЬ К ИСТОКАМ

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС О ВНУТРИПАРТИЙНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Ключевым моментом борьбы за революционное обновление нашей жизни стал процесс демократизации. Без дальнейшего углубления демократии, приобщения широких масс к решению всех дел в стране, утверждения форм общественного самоуправления и самоконтроля, развития критики и гласности преодоление застойных явлений, успех начавшейся перестройки представляются попросту невыполнимыми.

Вот почему столь необходима сегодня наука демократии, в том числе и демократии внутрипартийной. Ее законы и принципы призваны усвоить все советские люди, и прежде всего коммунисты. Много ценных уроков, перекликающихся с актуальными задачами, содержится в теоретическом наследии основоположников нашего великого революционного учения.

К. Марксу и Ф. Энгельсу не довелось специально заниматься всесторонней разработкой проблем внутрипартийной деятельности коммунистов. Это объяснимо. В бурных событиях революции 1848—1849 годов основанному по их инициативе Союзу коммунистов не суждено было сыграть роль действительно влиятельной организации. I Интернационал при всей значимости его деятельности был «центром сношений и сотрудничества», «товариществом рабочих», а не партией. Что касается социал-демократических партий, то они возникли и стали активно функционировать в качестве самостоятельных организаций рабочего класса лишь к концу жизни Маркса и Энгельса. К тому же деятельность большинства этих партий значительный период времени протекала в весьма специфических условиях нелегальности или полулегальности.

По существу, только на протяжении последних пяти лет своей жизни Энгельс имел возможность видеть настоящий взлет партии германской социал-демократии, со временем превратившейся в ведущую силу тогдашнего международного рабочего движения. Но даже столь краткий период сравнительно свободной деятельности германской социал-демократии дал ему богатый материал для размышлений о способах, методах и механизме функционирования массовой партии рабочего класса, о создании в ней таких условий, которые позволили бы реализовать марксистский принцип самоизменения, активизации и социалистического воспитания широких партийных масс, превращения их в подлинных хозяев своей организации.

Для таких социально и гуманистически мыслящих людей, как Маркс и Энгельс, приверженность демократизму как основополагающему принципу свободной человеческой деятельности, отвращение к любому чинопочитанию, любой авторитарности, полная несовмести-

мость собственных жизненных позиций с каким-либо культом личности были столь же естественными, как чувство человеческого достоинства и уважение к свободе. Достаточно сказать, что вступление Маркса и Энгельса в ряды тайного общества коммунистов, по свидетельству самого Маркса, «произошло под тем неперменным условием, что из устава будет выброшено все, что содействует суеверному преклонению перед авторитетами...» (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. 34, стр. 241)¹. Даже работа нелегальной партии или нелегального союза, с точки зрения Маркса и Энгельса, должна по возможности строиться на основе выборности, коллективного обсуждения, строгого контроля над функционерами. Так, в Уставе Союза коммунистов, под которым стоит подпись Энгельса, говорилось: «Члены окружных комитетов и Центрального комитета выбираются на год, имеют право переизбираться и могут смещаться своими избирателями в любое время» (т. 4, стр. 526). Специальная статья Устава была посвящена порядку проведения дискуссий.

Энгельс строго различал деятельность партии в нелегальных условиях — в период «военной» борьбы с деспотическим правительством — и в условиях легальности. В первом случае внутрипартийная демократия по необходимости должна быть ограниченной. И позже, в годы борьбы за создание и упрочение партии большевиков, В. И. Ленин, отмечая неизбежность ограничения демократизма для партии, действующей в условиях глубокого подполья, в то же время подчеркивал необходимость максимально возможной гласности. «Пора, в самом деле, — писал он в 1903 году, — решительно отбросить традиции сектантской кружковщины и — в партии, опирающейся на массы, — выдвинуть решительный лозунг: *побольше света*, пусть партия знает *все...*» (Полн. собр. соч., т. 8, стр. 94). И в условиях подполья, строгой конспирации Ленин видел в партии не тайный «орден», существующий наподобие нечаевской организации, а боевую организацию пролетариата, его авангард, тесно связанный с массами.

В подпольной организации на первый план неизбежно выступает проблема централизма. В рядах партии, действующей в условиях подполья, особенно не могут быть допущены политические действия, угрожающие подорвать партийную дисциплину и единство. Такие действия навязываются классовым противником, и идейно-политическая борьба с ними в этой обстановке является средством самосохранения организации. Совершенно естественно поэтому, что решительная борьба руководства подпольной партии за прочное единство в своих рядах выдвигается на первый план. Вот что писал по этому поводу Энгельс: «...Огульное исключение оппозиции из партии, действительно, происходило в тайных обществах в 1840—1851 гг.: тайная организация делала такое исключение неизбежным. Оно происходило, далее, и довольно часто, у английских чартистов, сторонников физической силы, при диктатуре О'Коннора. Но чартисты были партией, организованной для непосредственной атаки, как показывает уже само название, поэтому они подчинялись диктатуре, и исключение являлось военным мероприятием» (т. 37, стр. 276).

При переходе партии к легальной деятельности, как правило, исчезают те экстремальные ситуации, которые в условиях подполья требуют от партии рабочего класса ограничения демократизма во имя сохранения возможности продолжать борьбу за достижение своих конечных целей. Добившись легальности, партия получает возможность функционировать как самоорганизующийся, демократический инсти-

¹ Далее при ссылах на Сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса указываются только том и страница.

тут, само существование, успешная деятельность и развитие которого зависят от активности максимального числа членов партии.

Обеспечив себе нормальные условия работы, партия — и это закономерно — стремится стать массовой и опираться на массы. А «в партии, за которой идут миллионы, дисциплина совсем иная, чем в секте, насчитывающей сотни» (т. 38, стр. 381). Внутрипартийная демократия в таких обстоятельствах необходима прежде всего потому, что без нее нельзя превратить членов партии, в первую очередь молодых, в активных, самостоятельных борцов за партийные цели. Обратимся опять к Энгельсу: «Партия настолько велика, — отмечал он, — что абсолютная свобода обмена мнений внутри нее является необходимостью. Иначе просто нельзя ассимилировать и воспитать многочисленные новые элементы, пришедшие в партию за последние 3 года; частично это совершенно незрелый, сырой материал. Новому пополнению... нельзя ничего вдалбливать как школьникам; тут необходимы дискуссии и даже небольшая потасовка, это полезно на первых порах» (т. 37, стр. 373).

Линия на развитие демократических принципов рабочего движения последовательно проводилась Энгельсом в I Интернационале. Одним из главных направлений деятельности основоположников марксизма в первой международной рабочей организации была борьба против сектантства, тайных обществ, ибо подобный тип объединений, по словам К. Маркса, «мешает развитию пролетарского движения, поскольку вместо того, чтобы воспитывать рабочих, эти общества подчиняют их принудительным и мистическим законам, которые стесняют их самостоятельность и затемняют их сознание» (т. 17, стр. 652). Эти идеи Маркса нашли полную поддержку Энгельса, который писал, что без свободы печати, без права свободы и собраний рабочее движение невозможно, так как «без этих свобод рабочая партия сама не может получить свободу движения; борясь за них, она борется за условия своего собственного существования, за воздух, который ей нужен для дыхания» (т. 16, стр. 78). Поэтому Маркс и Энгельс активно боролись за то, чтобы Международное Товарищество Рабочих управлялось «на основании демократических принципов» (т. 44, стр. 561), предоставляя «наибольшую свободу местной самостоятельности и независимости» (там же, стр. 544).

То, о чем писал в свое время Энгельс, имея в виду опыт борьбы и партийного строительства германской социал-демократии конца минувшего века, не утратило своего значения и сегодня. Большевикам-ленинцам вообще чуждо барское, высокомерное пренебрежение к опыту, накопленному их предшественниками в борьбе за социальный прогресс, в какой бы стране те ни действовали. Известно, что Ленин, создавая партию нового типа, постоянно обращался к разным сторонам непосредственной революционной практики рабочего класса и его партий в различных странах, анализировал политический опыт европейских социал-демократов. Касаясь деятельности германской социал-демократии, он говорил в 1918 году: «Германский рабочий класс от 1871 года до 1914 года, почти полвека, был образцом социалистической организации для всего мира» (Полн. собр. соч., т. 36, стр. 461). Впечатляющим успехам германской социал-демократии в тот период в немалой степени способствовало, несомненно, и то, что она восприняла многие — хотя и далеко не все — указания и советы Энгельса.

Теоретическое наследие Энгельса, затрагивающее проблематику внутрипартийной демократии, по известным причинам долгое время находилось у нас как бы в тени. Между тем процессы демократизации, развертывающиеся ныне в нашей партии и стране в целом, требуют от современных поколений коммунистов самого внимательного изучения

и творческого усвоения советов и рекомендаций Энгельса, разумеется, с учетом сложившихся за минувшее столетие новых реальностей.

В силу различных причин немалая часть членов КПСС, к сожалению, имеет недостаточные представления о демократическом механизме партии, плохо владеет им, не усвоила в должной мере обычные внутрипартийные демократические процедуры. В ряде решающих ее звеньев в определенный период, как известно, возобладали авторитарный, приказной стиль работы, иерархия власти и навязывавшийся в качестве чуть ли не обязательного элемента поведения пиетет не только перед руководящими верхами, но и перед любым функционером районного или городского звена. Пиетет и авторитарность стали смешивать с авторитетом. Такой стиль совершенно чужд демократической сути марксистской партии, традициям и принципам большевизма, заложенным Лениным. Он недопустим в условиях самостоятельной организации, основанной на социалистических и демократических началах. На это обращал внимание Энгельс в письме К. Каутскому от 11 февраля 1891 года: «Необходимо также, чтобы люди перестали, наконец, обращаться с партийными чиновниками — своими собственными слугами — с постоянной чрезмерной деликатностью и вместо критики их покорнейше повиноваться им как непогрешимым бюрократам» (т. 38, стр. 29).

Всякая жизнеспособная организация, ориентированная на развитие и совершенствование, новаторство и творчество, то есть на все то, что именуется емким понятием «продуктивность» (в отличие от «репродуктивности» — обычной, запрограммированной заранее деятельности), не может существовать без свободы слова, обсуждений, критики. Требование продуктивности и характерного для нее атрибута критичности вытекает из самой сущности марксистского диалектического метода. По словам Маркса, его диалектика «каждую осуществленную форму... рассматривает в движении, следовательно также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна» (т. 23, стр. 22). То, что для основоположников научного социализма указанная особенность их метода была, без всякого сомнения, определяющей, неоднократно подчеркивали и Энгельс, и Ленин (см. т. 21, стр. 276; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 340).

Революционная критика направлена на глубинные основания существующего порядка, поэтому она не может не быть беспощадной. «Беспощадность — первое условие всякой критики» (т. 34, стр. 40), — отмечал Маркс. Беспощадной, конечно, не по форме, а прежде всего по существу, направленности, стремлению раскрыть наиболее важные причины возможного застоя, по своей независимости от какой-то заранее установленной мерки. Такая критика не имеет и не может иметь ничего общего с руганью, и Маркс прямо противопоставляет критику в форме ругани критике действительной (см. там же, стр. 41).

Понимание единства вне разнообразия, сведение его к однообразию мысли, к одномыслию, по существу, создает опасность неизбежного возникновения стагнирующих тенденций в жизни партии, препятствует функционированию ее как самодействующей и постоянно развивающейся организации. Абсолютизация единообразия, взятого механистически, догматическое перенесение особенностей и лозунгов одного исторического этапа на другой представляют собой грубое нарушение принципа конкретности истины.

В этой связи следует заметить, что известная резолюция о единстве партии, принятая по инициативе Ленина на X съезде РКП(б), вовсе не носила того одностороннего, абсолютного и репрессивного характера, который ей был придан впоследствии в трактовках Сталина. Для ее адекватной оценки необходимо учитывать те чрезвычайные, экстре-

мальные, военные условия, в которых находилась партия, когда принималась эта резолюция. В тот период поистине все в стране висело на волоске. Это во-первых. Во-вторых, Ленина весьма тревожило то, что «пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него» (Полн. собр. соч., т. 45, стр. 20). А в-третьих, из документов съезда со всей очевидностью вытекает, что у Ленина и мысли не было о запрещении действительной свободы слова, свободы дискуссий, активного и альтернативного обсуждения коренных проблем партийной политики. В написанном им первоначальном проекте резолюции о единстве партии отмечалось: «...Партия неустанно будет продолжать, испытывая новые приемы, бороться всякими средствами против бюрократизма, за расширение демократизма, самостоятельности, за раскрытие, разоблачение и изгнание примазавшихся к партии и т. д.» (Полн. собр. соч., т. 43, стр. 92).

О том же говорит параграф 19 резолюции «По вопросам партийного строительства», принятой X съездом РКП(б): «*Методами работы* являются, прежде всего, методы широких обсуждений всех важнейших вопросов, дискуссии по ним, с полной свободой внутрипартийной критики, методы коллективной выработки общепартийных решений, пока по этим вопросам не принято общеобязательных партийных решений» («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». 9-е изд., т. 2, стр. 327). Еще более рельефно отношение Ленина к обсуждавшемуся вопросу выявилось в том эпизоде на этом съезде, когда он *специально* выступил против поправки Рязанова, который считал необходимым запрещение выборов на съезд по платформам. Вот совершенно недвусмысленные слова Ленина по этому поводу: «Лишить партию и членов ЦК права обращаться к партии, если вопрос коренной вызывает разногласия, мы не можем... Но в вашей резолюции написано: никаких выборов по платформам. Я думаю, что запретить этого мы не в силах. Если наша резолюция об единстве и, конечно, развитие революции нас сплотит, то выборы по платформам не повторятся. Урок, который мы получили на этом съезде, не забудется. Если же обстоятельства вызовут коренные разногласия, можно ли запретить вынесение их на суд всей партии? Нельзя! Это чрезмерное пожелание, которое невыполнимо и которое я предлагаю отвергнуть» (Полн. собр. соч., т. 43, стр. 112). Сказано вполне определенно.

По сути, в позиции Ленина нашла воплощение та же идея, которую он высказывал еще в ноябре 1906 года: «*Единство действий, свобода обсуждения и критики*, — вот наше определение. Только такая дисциплина достойна демократической партии передового класса. Сила рабочего класса — организация. Без организации масс пролетариат — ничто. Организованный, он — все. Организованность есть единство действия, единство практического выступления». И далее: «...Без свободы обсуждения и критики пролетариат не признает единство действий» (Полн. собр. соч., т. 14, стр. 125—126).

По поводу свободы внутрипартийной критики не было никаких сомнений и у Энгельса: «Рабочее движение, — писал он, — основано на острейшей критике существующего общества; критика является его жизненной стихией, как же может оно само избежать критики, стремиться запретить споры? Неужели же мы требуем от других свободы слова для себя только для того, чтобы вновь уничтожить ее в наших собственных рядах?» (т. 37, стр. 277). Напротив, критика и самокритика становятся еще более необходимыми, поистине жизненно важ-

ными для правящей партии. Это — ее главное оружие в борьбе с недостатками и упущениями, постоянная форма самоконтроля собственной деятельности и связей с трудящимися, дающая ей возможность трезво оценивать достигнутое, ясно видеть, где и что нужно исправить, и т. д. Именно такова принципиальная установка XXVII съезда КПСС.

Разумеется, успешная деятельность партии невозможна без единства. Более того, она невозможна без единомыслия, касающегося основной системы ценностей, основных теоретических принципов. Но это единство, как следует из всего духа марксистского учения, не приведет к застою только в том случае, если оно будет единством живым, подвижным, постоянно себя созидующим, единством творческого размышления, а не бездумного послушания.

Необходимо учитывать еще одно важное обстоятельство. Рабочее движение, руководствующееся марксизмом, не без основания претендует на научность. Но наука — и для Энгельса это было безусловной истиной — не может развиваться без свободного обсуждения, дискуссий, свободы критики. Наука по своей сути демократична. «Вам, партии, — пишет он А. Бебелю, — *нужна социалистическая наука, а она не может существовать без свободы развития. Тут уж приходится мириться со всякими неприятностями, и лучше всего делать это с достоинством, без нервозности*» (т. 38, стр. 77).

Партия, считал Энгельс, не может существовать и без того, чтобы в ней не проявлялись различные оттенки. Надо избегать, подчеркивал он, «даже *видимости* диктатуры на манер швейцеровской» (т. 37, стр. 374). В письме В. Либкнехту от 10 августа 1890 года, возвращаясь к той же мысли, он еще более определенно отмечает: «Не создавайте без необходимости мучеников, покажите, что у вас царит свобода критики, и *если* уж необходимо кого-либо исключить, то только в тех случаях, когда налицо «открытые действия», на самом деле яркие и полностью доказуемые *факты* низости и предательства!» (там же, стр. 379).

Следует обратить внимание на соображения Энгельса о роли прессы в развитии внутрипартийной демократии. В письме А. Бебелю он указывал, что партия рабочего класса должна иметь «прессу, имеющую возможность в *рамках* программы и принятой тактики свободно выступать против тех или иных шагов, предпринятых партией, а также, не преступая границ партийной этики, подвергать свободной критике программу и тактику. Такую прессу вы как Правление должны поощрять и даже создавать, тогда вы будете иметь на нее большее моральное влияние...» (т. 38, стр. 442).

Такая в полном смысле слова партийная и в то же время независимая от привходящих обстоятельств и чьих бы ни было прихотей пресса способна держать под своим критическим контролем все дела в партии, обеспечивать соблюдение всеми ее членами партийных норм, быть эффективным инструментом гласности и развития внутрипартийной демократии, служа вместе с тем противовесом для любых культовых явлений или личностных амбиций. Реализация этих рекомендаций Энгельса имеет актуальное значение при развертывании всеохватывающей демократизации партии, поскольку любые ограничения и исключения из демократического процесса ставят под сомнение сам этот процесс.

Примечательно, что мысль о необходимости механизма контроля со стороны партийных масс содержится и в ленинской работе «Что делать?». Рассматривая ситуацию страны, живущей в условиях демократии и политической свободы, где «вся политическая арена открыта перед всеми, как подмостки сцены перед зрителями театра», Ленин отмечает, что при таких обстоятельствах «все знают, что такой-то политический деятель начал с того-то, пережил такую-то эволюцию, проявил себя в минуту жизни трудную так-то, отличается вообще такими-то качества-

ми, — и потому, естественно, такого деятеля могут с знанием дела выбирать или не выбирать на известную партийную должность *все* члены партии... «Естественный отбор» полной гласности, выборности и всеобщего контроля обеспечивает то, что каждый деятель оказывается в конце концов «на своей полочке», берется за наиболее подходящее его силам и способностям дело, испытывает на себе самом все последствия своих ошибок и доказывает перед глазами всех свою способность сознавать ошибки и избегать их» (Полн. собр. соч., т. 6, стр. 139).

Исключительно актуально звучит в наши дни и замечание Энгельса о значимости критики прошлого опыта партии и использования ее как урока для настоящего и будущего. «Мне кажется абсолютной необходимостью, — писал он, — чтобы партия... подвергала критике свою прошлую деятельность и таким образом училась бы действовать лучше» (т. 38, стр. 436). По мнению Энгельса, такая критика не должна иметь ограничений. Ни одна сфера предшествующей деятельности партии не может находиться под запретом.

Не должны служить препятствием для критического обсуждения и осуждения тех или иных аспектов прошлой деятельности и никакие ссылки на прежние решения самых высоких партийных инстанций. На этот счет Энгельс высказывался весьма недвусмысленно: «Решение съезда — не оправдание. Если партия и теперь будет считать себя связанной всеми прежними, вынесенными в доброе мирное время решениями съездов, то она сама на себя налагает оковы. Правовая почва, на которой борется живая партия, не только должна быть ею самой создана, но и во всякое время может быть изменена... Партия... должна находить свои законы лишь в своих живых, постоянно меняющихся потребностях. Если же она предпочитает подчинять эти потребности старым, уже остывшим и отмершим решениям, то она сама себе роет могилу» (т. 34, стр. 330—331).

Стоит поразмыслить и над высказанным в свое время Энгельсом предложением иметь в партии людей, «свободных от влияния запутанных местных условий и частных эпизодов практической борьбы», людей, которые способны измерять «случившееся и сказанное масштабом теоретических положений, действительных для современного пролетарского движения во всех странах», и в состоянии объективно оценить впечатление, создаваемое за пределами страны деятельностью партии (*там же*, стр. 334). В этом, думается, и поныне состоит одна из важнейших задач идеологических работников партии.

Нынешняя ситуация существенно иная, чем она была не только 10—20 или 50—60 лет, но и всего два-три года назад. И критика извне, со стороны людей, искренне считающих себя марксистами и желающих ими быть, не должна, как это случалось прежде, восприниматься нетерпимо, с подозрительностью. Ведь немало наших друзей — тех, кто критиковал наши ошибки и негативные явления, — делал это с болью и опасением за судьбы социализма в современном мире. Разумно прислушиваться к мнению не только друзей (это не подлежит сомнению), но и идейных противников, чтобы вовремя увидеть и исправить свои просчеты и нежелательные тенденции.

Богатая событиями история международного рабочего движения и накопленный опыт политической деятельности стоящих у власти партий, естественно, вносят свои коррективы в теоретическое наследие основоположников научного социализма. Но несомненно одно: мысли Энгельса о внутрипартийной демократии звучат удивительно свежо, и они дают теоретическую базу для решения многих практических задач сегодняшней жизни — прежде всего дальнейшей демократизации социалистического общества, работы и жизни самой партии.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ПАРТИИ — ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

ЗАОЧНЫЙ «КРУГЛЫЙ СТОЛ» «КОММУНИСТА»

Пригласив в последнем номере журнала за прошлый год принять участие в работе «круглого стола» выборный партийный актив, работников партийного аппарата, ученых-обществоведов, всех наших читателей — коммунистов и беспартийных, мы предложили им высказаться по широкому спектру проблем партийного строительства, дальнейшей демократизации партии и общества.

Публикацией некоторых из полученных редакцией писем мы продолжаем обсуждение этих проблем, начатое обзором читательской почты «Время конкретных дел, время конкретной ответственности» («Коммунист», 1987, № 18, стр. 34—43).

ЧТОБ НЕ МОЛЧАЛА СОВЕСТЬ

Как-то побывали мы, группа ветеранов, в одном из общежитий объединения «Кировский завод». Живут ребята скучно, грязно, не по-людски. Ручки от газовых плит, и те при себе носят, чтобы не спер кто. А между прочим, все это рабочий народ, кто слесарь, кто плотник. Голова и руки, как говорится, на месте, а вот навести чистоту и порядок в собственном доме не хотят. И не задевает это их человеческое достоинство, пообтерпелись, выходит, привыкли. Отчего? Вспоминаю, как в то же общежитие прибыла представительная комиссия во главе с генеральным директором. Выявили кучу недостатков, как водится, запротоколировали их. Увидели, что главная беда — за дело взяться некому. Директор договорился с жильцами: материалы дадим, остальное сделаете сами. Резонно? Да только не нашлось ни у генерального директора, ни у его помощников времени проследить за исполнением задуманного, в общежитиях по-прежнему неуют...

Мы готовы порой оправдать крупного руководителя, не сдержавшего данного коллективу слова, невнимательно отнесшегося к нуждам человека: «На нем такая ответственность! Столько больших дел! Так что не будем мелочны». Но ведь высокая ответственность не зря сочетается с большими правами, возможностями. И партийный, человеческий долг, долг совести руководителя — подавать личный пример окружающим своим отношением к людям, к порученному делу.

Сколько на моей памяти звучало и звучит сейчас призывов быть хозяином производства! Однако будем честны: конкретный рабочий таковым себя чаще всего не ощущает. И неудивительно. Трудно не в переносном, а в буквальном

смысле слова почувствовать себя хозяином такого, к примеру, гиганта, как Кировский завод. Непосильна эта задача даже психологически. Видимо, нужно как-то по частям, что ли, осваивать подходы к ее решению. Мы, помню, в двадцатые годы поступали так. На импортных станках (своих-то еще не хватало) писали яркой краской: «Товарищ! Береги этот станок. Он стоит 36 тысяч рублей золотом». И действовало.

Понимаю, возможно, пример выглядит сегодня наивно. Но убежден в одном: рабочий никогда не почувствует себя хозяином всего общественного производства, своего завода, пока не ощутит себя хозяином станка, к которому ежедневно встает. А почему бы, к примеру, не расписать, не закрепить на хозяйственной, подрядной основе весь станочный парк на том же Кировском заводе за самими рабочими? Почему бы не предоставить им возможность получать солидную прибавку к заработку за технически грамотное обслуживание станка на протяжении всего срока его эксплуатации? Платим же мы водителю грузовика за пробег ста, двухсот тысяч километров без капитального ремонта! И выигрываем — не только материально, но и морально, воспитывая в рабочем человеке совестливое отношение к народному добру. Переход на новые условия хозяйствования (самофинансирование, самоокупаемость) открывает тут, на мой взгляд, большие возможности. Ведь формы, в которых реализуются современные принципы хозяйствования (коллективный, бригадный подгяд), меняют во многом характер производственных отношений, по-новому, гораздо острее ставят вопросы нравственности, подпирая их, так

сказать, экономически. В принятом в конце прошлого года постановлении ЦК КПСС о работе Выборгского райкома партии Ленинграда с огорчением прочел, что райком в обход первичных организаций решает многие важные вопросы. То же и у нас. Работники нашего Кировского райкома — редкие гости на одном из ведущих предприятий промышленности Ленинграда, всей страны. А если и бывают, то спешат к начальству, минуя цеха, рабочие участки.

Наш заводской партком ввел двухзвенную систему в руководстве парторганизацией. Рабочие называют ее «двухэтажной». Цель вроде бы благая: дойти до каждой партгруппы. Но пока в результате такой перестройки парткомы производств дублируют, на мой взгляд, работу головного парткома. Появляется избыток «бумажной» деятельности, которой и раньше хватало. В этой связи не полезнее ли для дела отказаться от излишних звеньев в системе выборных партийных органов на крупных предприятиях?

Горжусь тем, что когда-то мне довелось быть секретарем партийной ячейки в тракторной мастерской «Красного путиловца», ныне объединения «Кировский завод», а особенно тем, что на учете у нас состоял сам Сергей Миронович. И до чего же обидно сознавать, что в цехе, где он так часто бывал, где подолгу беседовал с людьми прямо у станков, со времен войны не видел ни одного из секретарей Кировского райкома партии. Как назвать и чем лечить эту болезнь, которой страдает немалое число наших кадров? Может, стоит вернуться к прежней норме внутрипартийной жизни: секретари партийных комитетов — районного и выше становятся на учет в крупных производственных, трудовых коллективах? Вот и не придется им тогда гонять инструкторов на завод, чтоб раздобыть в очередной доклад пример «из жизни»...

У. КАРИМОВ,
ветеран партии,
персональный пенсионер

ЧЕМ ЛЕЧИТЬ ФОРМАЛИЗМ?

Лучшее лекарство от бюрократизма — демократия. Но пока мы используем ее не очень широко и умело.

Приглядимся к стилю и методам работы партийных комитетов. Сотни материалов прочитано, десятки раз приходилось самому выступать в газете с критикой формализма и заорганизованности, отличающих пленумы, заседания бюро горкомов, другие мероприятия, проводимые комитетами разных уровней. Но критический допинг действует недолго. Через некоторое время все возвращается на круги своя. Опять поднятый на трибуну или сам попросивший слова оратор спешит уснастить свое выступление ритуальными фразами типа «как правильно указал нам товарищ секретарь», подкрепить «своими» выводами знаменатель, уже введенный «первым». А в кулуарах признается тебе: «Знаешь, я ведь совсем не так думаю. Но, сам понимаешь, как против «первого» пойдемь...»

«Во всей области общественных, экономических и политических отношений мы «ужасно» революционны. Но в области чиновничества, соблюдения форм и обрядов делопроизводства наша «революционность» сменяется сплошь да рядом самым затхлым рутинством. Тут не раз можно наблюдать интересное явление, как в общественной жизни величайший прыжок вперед соединяется с чудовищной робостью перед самыми маленькими изменениями». Это — Владимир Ильич Ленин: «Лучше меньше, да лучше» (Полн. собр. соч., т. 45, стр. 400).

Сколько же бед произошло только из-

за того, что мы не смогли побороть рефлекс чиновничества, которое тоже есть производное бюрократизма, административно-нажимного стиля руководства. Например, читая газетный отчет о недавнем пленуме Московского горкома партии, не мог отделаться от мысли, что голоса у тех членов горкома, кто, судя по всему, обоснованно критиковал недостатки и просчеты в работе бывшего первого секретаря МГК, прорезались со значительным опозданием. Эта история заставляет серьезно задуматься о развитии внутрипартийной демократии.

Страх потерять должность, добытое пусть даже честным трудом благополучие — прямой путь к беспринципности. Ей не может быть оправданий, особенно сегодня, в условиях перестройки, когда каждому ее участнику так необходимо политическое мужество. Мало проку, если все мы будем только призывать к развитию критики и самокритики, лишь говорить о том, как это помогает лечить амбицию и самонадеянность, зазнайство и волюнтаризм. Надо менять сам стиль нашей работы, позаботиться об устранении условий, в которых произрастают и дают обильные всходы подобные явления.

По долгу службы бывая на заседаниях бюро партийных комитетов, не припомню за несколько последних лет случая, чтобы кто-то из членов бюро возразил первому секретарю, чтобы всем своим поведением они показали: за столом сидят не послушные исполнители, готовые каждое выступление председательствующего подтвердить кивком голо-

вы или высказанным вслух согласием, а принципиальные бойцы за дело партии, каждый из которых — личность, каждый имеет и смеет защитить свое собственное мнение. Ведь только наличие разных точек зрения и может приблизить нас к истине, обеспечить прочное единство наших партийных рядов.

Свое мнение, наверное, имеют все участники обсуждения, а вот смелости им очень часто недостает, ибо почти каждый из сидящих за столом чувствует свою зависимость от «первого». Ведь не секрет, как много решает слово первого секретаря при формировании списков кандидатов, избираемых в выборные партийные органы, при назначении на ту или иную должность.

А ведь бюро горкома, райкома — одно из ключевых звеньев КПСС, на огромное значение которых в перестройке не раз указывал Центральный Комитет. И в этом звене решаются животрепещущие для каждого партийца и общепартийного дела вопросы, будь то текущие задачи или перспективы социально-экономического развития города, района, кадровые перемещения или рассмотрение персональных дел.

На мой взгляд, дефицит демократизма в работе выборных, партийных органов происходит из-за того, что с каких-то пор в бюро представлены не люди, а должности. Если он председатель комитета народного контроля, то пожалуйста в бюро. Если вас избрали вожак местной комсомольской организации, то место за столом заседаний бюро горкома партии вам гарантировано. То же самое касается и председателя горисполкома и редактора газеты... Сидящие же тут один или двое рабочих призваны проиллюстрировать, не в обиду им будь сказано, демократизм руководящего партийного органа, его связь с массами рядовых коммунистов.

Подобная укоренившаяся много лет назад традиция никак не способствует утверждению истинного демократизма во внутрипартийных отношениях, в работе бюро партийного комитета. Почему же при формировании горкома соблюдаются нормы представительства тех или иных социальных слоев, а в бюро избирается по меньшей мере девяносто процентов кадровых партийных и советских работников? В этих условиях легко складывается келейность в решении вопросов, расцветает местный «вождизм», угодничество.

Считаю, что в бюро горкомов, райкомов больше половины мест должно обязательно отдаваться рабочим, сельским труженикам, чье мнение не будет страшно боязливо утратить должность функционера. Найти таких рабочих, крестьян, интеллигентов, которые хорошо разбираются в вопросах экономики, науки и культуры, знают не понаслышке партийную работу, думаю, не составит труда.

На мой взгляд, это позволит выборным партийным органам наладить эффективную форму обратной связи с партийной массой, без чего в любой аппарат быстро проникает вирус бюрократизма, даст возможность точнее и четче анализировать социально-экономические процессы, протекающие в партийных организациях и трудовых коллективах в целом.

Предлагаемая мера, о целесообразности которой писал В. И. Ленин, явится, вне всякого сомнения, тем самым звеном, ухватившись за которое мы сможем последовательно провести в жизнь принцип коллегиальности в работе, добиться развития критики и самокритики, наладить контроль за деятельностью всех без исключения руководителей и организаций, повысить нравственный тонус в жизни каждой партийной организации, усилить борьбу за честное и чистое имя партийца.

Не секрет, что и сегодня вопреки требованиям Устава КПСС, партийным решениям коммуниста-руководителя, уличенного, к примеру, в приписках или злоупотреблении служебным положением, могут лишь слегка пожурить на бюро да, на худой конец, перевести на другую работу. Вот один из примеров. Работал в Сургуте управляющий трестом «Запсибэнергострой» А. Приян. Руководимая им организация склонялась едва ли не на каждом заседании бюро, как только заходила речь об итогах выполнения планов социально-экономического развития. Заданий плановых трест никогда не выполнял. Каково же было удивление людей, увидевших однажды фамилию управляющего среди награжденных орденом «Знак Почета». Наконец с трибуны пленума Тюменского обкома КПСС потребовали: разберитесь как следует с руководством треста. «Разобрались», отпустив А. Прияна с миром.

Келейность в работе позволяет приспустить планку требований к нравственным качествам, различного рода прегрешениям коммунистов-руководителей. Можно привести немало примеров, подтверждающих тот очевидный факт, что отсутствие условий для свободного, демократического обмена мнениями, подлинной коллегиальности в работе тормозит перестройку, продолжая загрязнять нравственную атмосферу, в которой мы живем и дышим и которую принялись очищать.

Опасность заключается еще и в том, что стиль работы того или иного партийного комитета, как правило, проецируется и на стиль деятельности общественных организаций, руководители которых представлены в бюро. К сожалению, на сходных принципах стали формироваться сегодня бюро первичных партийных организаций, советы трудовых коллективов. По-моему, здесь есть над чем задуматься в преддверии XIX партконференции.

Н. БАТАЛОВ,
корреспондент «Тюменской правды»

КАК ИЗБЕЖАТЬ ЗЛОПОЛУЧНОЙ «ПОДМЕНЫ»

В один из политдней оказался я в лесном поселке Гаранинка. Таких у нас в Алапаевском районе десятки. Все это опорные пункты объединения «Алапаевсклес», занимающегося заготовкой и переработкой древесины. В поселке живут и работают около четырехсот человек. Это пока живут и работают! Что с ними будет через год, гадать не берусь.

С благословения Министерства лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР и в соответствии со спускаемыми сверху заданиями в объединении «Алапаевсклес» вот уже десять лет кряду идет переруб расчетной лесосеки. В среднем больше чем на триста тысяч кубов ежегодно. Думаю, и неспециалисту ясно, что такой переруб оборачивается запустением лесного нашего края. За эти 10 лет ликвидировано шесть лесных поселков, у роковой черты еще столько же. Злополучная ведомственность, по-своему толкуя государственный интерес, безжалостно вмешивается в судьбу жителей лесных поселков — всех этих Березовок, Муратовок, Гаранинок, будущее которых на министерских весах легко перевешивают вожаемые кубы деловой древесины, пиловочника, технологических дров...

В общем, старая погудка на новый лад: лес рубят — щепки летят. Но желание взять разом побольше кубов деловой древесины не может, не должно вступать в противоречие с интересами людей, которые эти кубы заготавливают. Вот почему совет трудового коллектива объединения давно живет идеей создать комплексную технологию выращивания, рубки и переработки леса. Соответствующие обоснования этого плана, разработанные совместными усилиями специалистов объединения, передовых рабочих, опытных производственников, известны в партийных, советских, хозяйственных органах города, в отраслевых отделах областного комитета партии, в соответствующих министерских кабинетах.

Долгое время эта идея воспринималась там как издержка местной инициативы, пустые мечтания, не учитывающие более масштабных и неведомых на местах отраслевых, государственных интересов. Но вот, видимо, под воздействием набирающих силу общественных перемен в конце 1985 года появился наконец приказ, подписанный министром товарищем Бусыгиным М. И., о создании на базе объединения «Алапаевсклес» постоянно действующего комплексного предприятия по заготовке и переработке древесины. Давняя мечта трудового коллектива тем самым становилась вроде бы реальностью. Но не тут-то было. Министерством и на 1987 год был спущен объединению план, предусматривающий переруб расчетной лесосеки на 117 тысяч кубометров древесины.

Здравый смысл подсказал моим землякам идею комплексной заготовки и переработки древесины. В самом деле, только в 1986 году объединение вывезло за пределы области 120 тысяч кубометров фанерного кряжа, щепы, технологических дров, для чего потребовалось около 3 тысяч железнодорожных вагонов. За одни лишь перевозки пришлось уплатить МПС 150 тысяч рублей. А в то же самое время для местного фанерного комбината, что в Верхней Синячихе, пришлось гнать такое же количество указанного сырья из-за пределов области, с предприятий, производящих ту же самую продукцию, что и объединение «Алапаевсклес».

Кстати сказать, мне как секретарю горкома партии довелось немало похлопотать, чтобы обеспечить мощности Верхне-Синячихинского фанерного комбината необходимым сырьем. А как быть, если система управления производством и его ресурсным обеспечением то и дело дает сбой? Не обрекать же людей на длительные простои? Поневоле становишься не партийным работником, а чем-то вроде «министра» территории, прибегая к приемам, весьма далеким от методов партийной деятельности, пуская в ход личные связи, звонки, нажим, уговоры. Такой подход к делу руководства экономикой предполагает и соответствующие методы воздействия, с которыми кое-кто не торопится расставаться: бесконечные «накачки», общие призывы «усилить», «повысить», категорические требования «немедленно принять соответствующие меры», мелочная опека хозяйственников... Однако все это довольно слабо влияет на реальный ход дела. Это с одной, как говорится, стороны. А с другой — подобный стиль руководства явно не на пользу воспитанию у людей самостоятельности, инициативы, предприимчивости. В условиях постоянного административного нажима крепнет психология иждивенчества, ожидание указаний сверху как бы освобождает работника от необходимости брать ответственность на себя.

Росту подобных настроений в немалой степени содействует странный способ разделения ответственности за порученное дело, укоренившийся в вышестоящих партийных органах. Скажем, вызывают в обком партии. Вопрос чисто хозяйственный. Естественно, на совещании присутствуют те, кто за него непосредственно отвечает. Однако для объяснений поднимают первого секретаря горкома. Наш брат, партийный работник, конечно, в ответе за все, что происходит в руководимой им организации. Но ведь и хозяйственник, допустивший тот или иной просчет, не малое дитя! Он способен и должен, думаю, сполна отвечать за свои действия и как руководитель, и как ком-

мунист. Мы же как бы выгораживаем провинившегося, не замечая, что одновременно унижаем его профессиональное, человеческое достоинство. Иные, освоив существующие правила игры, чуть что прячутся за спину партийного комитета.

И вот уже и я, следуя сложившемуся стереотипу поведения, приезжаю в совхоз и, минуя партком, располагаюсь в кабинете директора, по телефону принимаясь «выбивать» солому на зимовку скота у его коллеги, руководителя соседнего хозяйства, с кем рядом сидел на областном совещании по кормопроизводству. Директора, который не смог обеспечить совхозный скот кормами, мы в конце концов сняли. Но ведь всех не поснимаешь...

Парадоксальность нынешней ситуации, на мой взгляд, состоит в том, что перестройка требует от нас разгрузить партийную работу от всего, что ей несвойственно. Но те же интересы дела, связанные с заботой о комплексном социально-экономическом развитии района, о нуждах людей, к примеру, в том же лесном поселке Гаранинка заставляют нас по-прежнему выполнять функции, находящиеся целиком в компетенции местных Советов, органов хозяйственного управления. Вопрос, ясное дело, не новый, на недопустимость такого дублирования указывалось неоднократно, в том числе и в самое последнее время. Однако, честно говоря, тут пока мало что меняется. Этому есть, конечно, объяснение: старый хозяйственный механизм все еще действует, а новый только формируется, в системе управления экономикой централизм бюрократический еще далеко не до конца вытеснен централизмом демократическим. Самоуправленческим тенденциям, заложенным в Законе о государственном предприятии (объединении), еще предстоит расти и крепнуть. Местные Советы еще не научились и пока зачастую не осмеливаются в полную меру использовать предоставленные им права в решении насущных вопросов социально-экономического развития территории...

Вывод из всего сказанного выше может быть только один: надо сделать все возможное, все зависящее от каждого из нас, чтобы эти задачи, поставленные в повестку дня перестройкой, демократизацией партии и общества, были решены как можно скорее и рациональнее. В связи с этим хотел бы высказать ряд конкретных предложений.

Во-первых, для укрепления роли местных Советов следовало бы более четко и детально, чем это сделано в Конституции СССР, обозначить (может быть, даже

в каком-то специальном юридическом документе) круг вопросов, решение по которым принимает Совет, и только Совет. Чтобы нормы эти не остались, как бывало, благими пожеланиями, их следует подкрепить действенным юридическим и организационным механизмом, четко и ясно обозначить, где кончается власть ведомства и начинается власть местного Совета. Тогда появится гарантия, что Совет, не сумев или не захотев решать «свой» вопрос, не попытается переложить его на плечи партийных органов.

И, во-вторых, хочу высказать еще одно предложение, подсказанное конкретной ситуацией, прибавившей мне решимости написать в «Коммунист». Вскоре состоится сессия Алапаевского районного Совета народных депутатов, которая рассмотрит вопрос о перспективах развития объединения «Алапаевсклес». Можно не сомневаться: члены сессии примут решение о недопустимости переруба расчетной лесосеки. Но достаточной ли окажется реальная сила принятого решения? Посчитается ли с ним министерство? А почему бы не предоставить местным Советам в крайних случаях, в экстремальных ситуациях, когда, по существу, возникает реальная угроза перспективам социально-экономического развития целого региона, судьбам его населения, право «вето», приостанавливающее действие того или иного принятого ведомством решения, которое идет вразрез с интересами людей? Кто лучше депутатов и их избирателей знает местные условия, заботы?

Вот и надо, как мне представляется, развивая положения Основного Закона, юридически зафиксировать правовую основу, гарантии гармоничного сочетания интересов всего общества и местного населения, отдельных людей, о котором мы нередко говорим весьма абстрактно. Тогда осуществляемая ведомством во имя «общегосударственных» интересов рубка леса не будет сгонять моих земляков с земли.

Пока же закон молчит, будем готовиться к новой встрече в лесном поселке Гаранинка. И чтобы дать им ответ, которого они с нетерпением и с тревогой ждут, будем драться за расчетную лесосеку, за социальную справедливость, за защиту которой вправе рассчитывать жители маленького лесного поселка. Партийный долг призывает нас к этому.

Б. НЕУЙМИН,
первый секретарь
Алапаевского горкома КПСС
Свердловской области

УСКОРЕНИЕ И ПЕРЕСТРОЙКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

А. ГРАНБЕРГ

ЭКОНОМИКА СИБИРИ — ЗАДАЧИ СТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Результаты ускоренного развития производительных сил Сибири существенно зависят от выбранной стратегии структурной перестройки ее экономики. Перестройка, реализующая общую концепцию совершенствования общесоюзного территориального разделения труда, будет означать новый, отвечающий требованиям научно-технической революции этап в использовании ресурсного потенциала региона, приведет к существенным социально-экономическим переменам. Разработка стратегии перестройки требует комплексного подхода, привлечения к этой работе специалистов разного профиля. Особенно велика ответственность науки, в первую очередь экономической, за правильный выбор путей развития Сибири. Такой выбор должен осуществляться при участии широких кругов нашей общественности.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РОСТА И СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ЭКОНОМИКЕ СИБИРИ

В последние десятилетия темпы экономического развития Сибири в целом превышали среднесоюзные. С 1966 по 1985 год продукция промышленности увеличилась здесь в 3,6 раза, в то время как по стране — в 3,2 раза. Опережающими темпами развивались также строительство и транспорт. В результате удельный вес Сибири в общесоюзной экономике постепенно увеличивался и в начале 80-х годов превысил 10 процентов по производству валового продукта, национального дохода, продукции промышленности (при доле Сибири в численности населения страны — 8 процентов). По общему объему производства Сибирь сейчас в несколько раз превосходит все союзные республики, за исключением РСФСР и УССР. Производительность общественного труда в Сибири выше среднесоюзной в 1,2—1,3 раза.

Решающую роль в поддержании высоких темпов экономического роста в Сибири играет промышленное производство и связанное с ним промышленное строительство. Но в отличие от общей закономерности эволюции отраслевой структуры промышленного производства быстрое развитие Сибири достигалось в значительной мере за счет добывающей промышленности. Это стало особенно заметным со второй

половины 60-х годов, когда началось широкомасштабное освоение нефтяных и газовых ресурсов Западно-Сибирской равнины. В десятой и одиннадцатой пятилетках темпы прироста добывающей промышленности в Сибири превосходили темпы обрабатывающей; они были заметно выше темпов прироста всего промышленного производства страны и превышали годовые темпы всей добывающей промышленности СССР в 3—4 раза. Сейчас в Сибири доля добывающих отраслей в общем объеме продукции промышленности в 3 раза выше, чем в промышленности СССР в целом. Как оценить эту ситуацию с региональных и народнохозяйственных позиций?

Динамические и структурные особенности промышленного развития Сибири обуславливались в первую очередь происходившими в нашей стране радикальными сдвигами в территориальной структуре добычи топлива и сырья. Как известно, постепенное замедление прироста добычи топлива в европейской части СССР уже со второй половины 70-х годов сменилось абсолютным снижением ее уровня. Однако в этой, наиболее развитой экономической зоне страны по-прежнему сосредоточивалось три четверти потребления топлива и энергии. Сибирь стала покрывать всевозрастающую часть прироста общесоюзных потребностей, а по нефти и газу — не только весь прирост, но и компенсировать снижение добычи в других районах страны, достигавшее ежегодно 20—25 миллионов тонн условного топлива. К концу одиннадцатой пятилетки в Сибири было добыто уже 3,6 миллиарда тонн нефти (включая газовый конденсат). В настоящее время Сибирь дает почти две трети добываемой в стране нефти, более 60 процентов природного газа. Постепенное возрастание роли Сибири в общесоюзном производстве характерно и для ряда других отраслей добывающей промышленности, в частности угольной, лесозаготовительной. Велико значение Сибири во внешнеэкономических связях СССР. Широкую международную известность получили организация поставки природного газа странам Западной Европы, сооружение в рекордные сроки газопровода от Уренгоя к западным границам СССР в условиях экономического бойкота.

В общесоюзном территориальном разделении труда Сибирь сегодня реализует свое главное экономическое преимущество — наличие богатейших и эффективных энергетических, минерально-сырьевых, лесных, водных ресурсов. Именно поэтому по сравнению с общесоюзной структура промышленности Сибири смещена в сторону первичных и промежуточных стадий общественного производства, связанных с добычей и переработкой природного сырья. А диспропорции, существующие в структуре хозяйственного комплекса Сибири, вызваны не столько чрезмерным развитием топливно-сырьевых отраслей, сколько длительным отставанием: во-первых, производств по переработке топлива и сырья, во-вторых, комплекса обеспечивающих и обслуживающих отраслей (строительства и стройиндустрии, транспорта, черной металлургии и машиностроения, продовольственной базы и т. п.). Это отставание больно сказывается и на решении многих социальных вопросов (обеспечении населения жильем, развитии социально-бытовой инфраструктуры, качестве продовольственного снабжения, торгового и транспортного обслуживания), что обостряет проблему привлечения и закрепления кадров в трудодефицитных районах, противоречит принципу социальной справедливости.

Начиная с 70-х годов при общем замедлении темпов развития народного хозяйства в целом темпы региона снижались еще быстрее. Так, в промышленности в 70-х годах среднегодовой темп прироста производства Сибири опережал общесоюзный примерно в 1,1 раза; в одиннадцатой же пятилетке он еще более сблизился с общесоюзным.

Если же исключить нефтегазовую промышленность из расчета валовой (товарной) продукции промышленности, то обнаружится, что темпы развития в совокупности всех остальных отраслей промышленности Сибири сблизались с общесоюзными уже в девятой пятилетке и стали ниже общесоюзных в десятой пятилетке. Пятилетние планы по общему росту промышленного производства Сибири за последние четверть века не выполнялись ни разу!

К этому надо добавить, что круг отраслей, которые в Сибири развиваются быстрее, чем по стране, неуклонно сужается. Из него выпали черная металлургия, химическая промышленность, ряд подотраслей машиностроения. С большим опозданием выполнялись решения XXIII—XXVI партийных съездов о сосредоточении в Сибири энергоемких и водоемких производств, усилении комплексной переработки добываемого сырья. Более того, снижалась доля региона в общесоюзном производстве минеральных удобрений, пластмасс и синтетических смол, химических волокон, бумаги, ряда других видов продукции. С конца десятой пятилетки к перечню узких мест в сибирской экономике добавилась электроэнергетика, что выглядит особенно парадоксальным для региона, сосредоточившего более трех четвертей потенциальных энергетических ресурсов страны.

Причины появления тревожных тенденций в развитии экономики Сибири многообразны. Они не сводятся к отдельным ошибкам в планировании или реализации плановых решений. Во многих случаях эти причины выходят за границы сибирского региона, объясняются свойствами действовавшего хозяйственного механизма, несовпадением общегосударственных, ведомственных, местных интересов. О важности этой проблемы говорилось на июньском Пленуме ЦК КПСС. Остановлюсь на одном моменте.

При реализации пятилетних планов многие министерства и ведомства стремятся концентрировать свои ресурсы в уже освоенных районах. Такая тактика дает отрасли определенные выгоды. Можно меньше вкладывать ведомственных средств в производственную и социальную инфраструктуру, экономить на районных коэффициентах заработной платы, меньше заботиться о привлечении и закреплении рабочей силы. До сих пор ведомства лишь в незначительной степени возмещают затраты по природопользованию, особенно весомые в районах с высокой концентрацией производства и населения (изъятие сельскохозяйственных земель, водопотребление и т. п.). Для понимания причин сложившейся обстановки необходимо учитывать то, что перерабатывающие отрасли не вкладывают средства в развитие транспорта топлива, энергии, сырья. В результате ведомственный хозрасчет в обрабатывающей промышленности чаще перетягивает в пользу европейских районов страны. Тому же способствуют и отмеченные выше структурные деформации сибирской экономики, особенно нехватка строительных мощностей, слабая транспортная освоенность, временные трудности в энергоснабжении.

Поэтому нельзя считать случайным, что вопреки принимавшимся партийным и государственным решениям в европейской части страны создаются крупные мощности по энергоемким и водоемким производствам, усугубляющим дефицит энерго- и водоснабжения. Поток топлива, ежегодно передаваемого с востока на запад на расстояние до 2—4 тысяч километров, уже приблизился к рубежу одного миллиарда тонн (в условном топливе). А это требует многомиллиардных капитальных и эксплуатационных затрат на транспортировку, отвлечения дефицитных трудовых и материальных ресурсов. Например, капитальные вложения только в строительство магистральных газопроводов в одиннадцатой пятилетке превысили 20 миллиардов рублей, при соору-

жении одной нитки газопровода расходовалось в среднем 3 миллиона тонн металла.

Характерна ситуация в нефтехимической промышленности. Давно доказано, что в Сибири существуют наиболее благоприятные условия для глубокой и комплексной переработки углеводородного сырья. Это обстоятельство учитывалось, когда принималось решение о создании крупнейших Тобольского и Томского нефтехимических комплексов. Однако их строительство недопустимо затянулось. Например, на Тобольском нефтехимическом комбинате за 12 лет введены лишь товарно-сырьевая база, получающая с газоперерабатывающих заводов Среднего Приобья широкую фракцию углеводородов (нестабильный газовый бензин), и газофракционирующая установка мощностью 3 миллиона тонн, разделяющая исходное сырье на бутан, пентан, пропан и т. д. По проекту же должна быть создана цепочка производств вплоть до получения каучука и пластмасс. Для этого приобретено и хранится импортное оборудование на десятки миллионов рублей. Но сроки ввода новых мощностей все отодвигаются, а тем временем быстро построен продуктопровод стоимостью более 200 миллионов рублей для передачи сырья, предназначавшегося комбинату, заводам Поволжья.

В целом следует сделать вывод, что структурные изменения в экономике Сибири за анализируемый период дали неоднозначные результаты с позиций народнохозяйственной целесообразности и задач социального развития региона. С одной стороны, бесспорны достижения в формировании крупнейшей топливной и сырьевой базы страны, усилении роли региона в едином народнохозяйственном комплексе. С другой стороны, курс на ускорение развития сибирской экономики осуществлялся недостаточно последовательно и эффективно, без создания необходимых экономических и социальных предпосылок сохранения его в будущем. «...Чтобы поддерживать устойчивые темпы хозяйственного развития, — говорил М. С. Горбачев на совещании партийно-хозяйственного актива Тюменской и Томской областей, — необходима глубоко продуманная организация производства, учитывающая не только сегодняшние, но и перспективные задачи региона, потребности страны в целом».

О КОНЦЕПЦИИ СТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В СИБИРИ

Выбор структурной политики для такого крупного региона, как Сибирь, должен осуществляться в рамках долговременной стратегии развития народного хозяйства страны. Указанный методологический подход требует совместного рассмотрения и взаимоувязки многих потенциально осуществимых вариантов развития, «проигрывания» разнообразных ситуаций, которые могут возникать при тех или иных плановых решениях. В Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР для этого используется комплекс математических моделей «СИРЕНА» (синтез региональных и народнохозяйственных моделей), с помощью которого на ЭВМ рассчитываются и оцениваются варианты сбалансированного развития отраслей и регионов страны. В предплановых разработках учитываются предложения научно-исследовательских и проектных институтов, материалы Генеральной схемы размещения производительных сил и Комплексной программы научно-технического прогресса.

Проводившиеся исследования позволяют сделать вывод, что в интересах ускорения всего народного хозяйства важно и в перспективе поддерживать опережающий (то есть выше общесоюзного) темп развития экономики Сибири. Рассчитаны интервалы оптимального соотношения «сибирского» и общесоюзного темпов, а также обоснованы приоритеты в развитии отраслей, обеспечивающих опережающий эко-

номический рост. В соответствии с принятой динамикой ускорения темпов экономического развития СССР целесообразно в ближайшие годы довести «сибирский» темп по валовому общественному продукту и промышленному производству до 5—5,5 процента с последующим его повышением до 6—6,5 процента.

Рекомендуемые соотношения соответствуют партийно-государственным решениям о преимущественном развитии восточных районов страны. Однако они лишь частично реализованы в планах на двенадцатую пятилетку. Так, в Государственном плане экономического и социального развития РСФСР на 1986—1990 годы предусматривается прирост объема промышленного производства Сибири и Дальнего Востока на 24,7 процента, что хотя и превышает общий республиканский темп (23 процента), но все же ниже задания по объему промышленного производства СССР (прирост на 25 процентов).

Тезис о народнохозяйственной целесообразности опережающего темпа развития сибирской экономики не нов; он обосновывался и в прежних разработках СО АН СССР (см. «Сибирь в едином народнохозяйственном комплексе». Новосибирск, «Наука», 1980). Новым является подход к содержанию, качеству опережающего экономического роста.

Наличие в Сибири разнообразных природных ресурсов, которые по своим запасам и технико-экономическим характеристикам во многих случаях не имеют конкурентов в других регионах страны, и хорошие перспективы новых геологических открытий позволяют уверенно прогнозировать, что Сибирь сможет продолжать наращивать свой *сырьевой и энергетический потенциал*, концентрируя возрастающую долю общесоюзной добычи топлива и других минеральных ресурсов, древесины. Но по сравнению с предыдущими пятилетками ситуация принципиально меняется: добывающая промышленность в будущем уже не сможет обеспечивать достаточно высокие, а тем более преимущественные темпы развития экономики Сибири. На чем основан этот вывод?

Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года, утвержденные XXVII съездом партии, предусматривают, что к 2000 году прирост потребностей в топливе, энергии, сырье, материалах на 75—80 процентов будет удовлетворяться путем экономии. Это означает, что при увеличении конечного продукта (или национального дохода) на 4—5 процентов в год прирост потребления первичных материальных ресурсов должен составить примерно 1 процент в год. Уже в двенадцатой пятилетке в соответствии с принятым Государственным планом за счет экономии будет удовлетворяться на 65—70 процентов прирост потребностей в топливе, энергии, сырье, материалах. При увеличении объема промышленного производства за пять лет на 25 процентов в топливно-сырьевых отраслях планируется прирост на 11—13 процентов. Естественно, что доля последних в общем объеме промышленного производства будет неуклонно снижаться и эта общесоюзная тенденция окажет сильное воздействие на структурную политику в Сибири.

Как было отмечено, по ряду видов топлива и сырья Сибирь уже сейчас достигла высокой доли в общесоюзной добыче. Дальнейшее развитие соответствующих производств в Сибири все в большей степени будет определяться ростом народнохозяйственных потребностей, и поэтому снижение темпов их развития становится неизбежным. Ставка на добывающие отрасли становится несовместимой с курсом на ускоренное и преимущественное развитие Сибири в интересах народного хозяйства. Необходим перенос центра тяжести на более динамичные отрасли обрабатывающей промышленности.

Первым направлением структурной перестройки экономики региона является значительное ускорение развития производств по глубокой переработке добываемого сырья, сосредоточение здесь возрастающей доли общесоюзного производства энерго-, материало-, водоемкой продукции черной и цветной металлургии, химической и нефтехимической, микробиологической, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, эффективных строительных материалов.

Один из ключевых моментов структурной политики в Сибири — выдвижение на лидирующую роль *комплекса конструкционных материалов и химических продуктов*. Экономическая эффективность сосредоточения в Сибири перерабатывающих производств определяется прежде всего двумя факторами: во-первых, экономией на транспорте сырья, энергии, полуфабрикатов, во-вторых, возможностью комплексного использования различных добываемых природных ресурсов и ликвидации потерь при их добыче, транспортировке, переработке, потреблении.

В наибольшей степени указанные факторы характерны для нефтехимической промышленности, но здесь придется преодолевать инерцию прошлого. Пока же по сибирским предприятиям Миннефтехимпрома СССР (к которому относится и упоминавшийся Тобольский комбинат) на двенадцатую пятилетку запланирован очень незначительный прирост производства, а выделенные капитальные вложения почти в 40 раз меньше, чем для предприятий министерств нефтяной и газовой промышленности!

Ускорение развития перерабатывающих производств в Сибири должно стать неотложной задачей народнохозяйственного масштаба. При этом важно учитывать следующее. Еще некоторое время производство многих видов сырья в Сибири будет увеличиваться, и, следовательно, речь идет о распределении *приростов* добычи так, чтобы не уменьшая, как правило, поставок для уже сложившегося круга потребителей в других регионах, увеличивать долю потребления на месте. Но если упустить момент, дожидаться того времени, когда объем добычи стабилизируется или начнет сокращаться, эффективность отбора сырья для местной переработки резко снизится: возрастут трудности в обеспечении потребителей отдаленных районов, встанет вопрос о загрузке уже созданных транспортных коммуникаций (например, дорогостоящих трубопроводов, проложенных в западном направлении). Благоприятный момент будет упущен. Народное хозяйство потеряет еще десятки миллиардов рублей; существующее территориальное разделение труда между «сырьевыми» и «обрабатывающими» районами получит дополнительное оправдание. И вполне возможно, что через 15—20 лет сосредоточение в Сибири перерабатывающих мощностей в значительной мере потеряет свою экономическую эффективность. А в более отдаленном будущем, по мере завершения «эры сырьевых материалов», этот вопрос может быть вообще снят.

Второе направление структурных преобразований сибирской экономики связано с ускоренным ростом *машиностроения*. Это принципиальный элемент в концепции регионального развития, меняющий сложившийся стереотип. Ведь распространено представление, что эволюция отраслевой структуры региональной экономики (особенно формирование отраслей специализации) обычно происходит как последовательное восхождение по этапам народнохозяйственного технологического процесса: от первичных (сырьевых) к вторичным (перерабатывающим) производствам и так далее — до создания конечных продуктов, к которым, в частности, относятся машины и оборудование. Ускоренное же развитие отраслей машиностроения означает скачок (инверсию) в процессе формирования отраслевой структуры регио-

на. Разумеется, экономическое обоснование таких структурных сдвигов требует *дифференцированного* подхода к машиностроению, выделения в этом комплексе наиболее эффективных для данного региона подотраслей.

Увеличение вклада сибирского машиностроения в удовлетворение потребностей региона предполагает развитие и переспециализацию действующих предприятий, освобождение их от выпуска продукции, относительно трудоемкой и мало связанной с основной специализацией региона. Взамен ее необходимо искать возможности для расширения производства машин, оборудования, приборов, ускоряющих развитие важнейших отраслей сибирского хозяйственного комплекса. Экономически особо важным остается изготовление техники в «северном» исполнении, хотя данная проблема выдвигалась много лет назад. Проводимые по разным методикам расчеты позволяют утверждать, что ежегодные потери от применения неприспособленной техники составляют несколько миллиардов рублей; для ее восстановления и поддержания в работоспособном состоянии используются сотни тысяч человек.

Третью группу отраслей ускоренного развития в хозяйственном комплексе Сибири образуют традиционно отстававшая *производственная инфраструктура* (особенно строительная база и транспорт) и ряд обеспечивающих отраслей, прежде всего *аграрно-промышленный комплекс*.

До 2000 года строительная программа увеличится в регионе более чем в два раза, но, пожалуй, главным является не количественный рост, а техническое и организационно-экономическое преобразование материальной базы строительства, включая индустриализацию основной части строительного процесса, переход на новые типы строительных конструкций и материалов, формирование опорных строительных баз, применение новых архитектурно-планировочных решений. Намечена и широкая программа транспортного строительства, выходящая за пределы века. Близится окончание строительства БАМа, начато сооружение Амуро-Якутской магистрали (АЯМ), продолжается активное формирование транспортной системы на севере Западной Сибири.

Развитие аграрно-промышленного комплекса Сибири ориентировано на полное удовлетворение потребностей населения региона в основных продуктах питания за счет собственного производства. В структурной перестройке АПК приоритетное развитие получают отстававшие долгое время перерабатывающие и инфраструктурные отрасли.

Важным экономическим преимуществом Сибири, возрастающим на этапе скачкообразного научно-технического прогресса, является создание здесь за последние десятилетия крупной научной базы, включающей сибирские отделения АН СССР, ВАСХНИЛ, АМН, отраслевые научно-исследовательские и проектные институты, вузы, конструкторские бюро — всего более 500 организаций с общей численностью 200 тысяч человек. Опережающий рост «продукции» сферы научно-исследовательских, опытно-конструкторских и проектных разработок должен, на наш взгляд, рассматриваться как обязательное требование современной структурной политики. На этой основе приоритет в развитии получают *наиболее* наукоемкие производства, пронизывающие все отрасли хозяйства.

Деятельность Сибирского отделения АН СССР, особенно в рамках программы «Сибирь», направлена на становление и развертывание наукоемких производств, реализующих фундаментальные идеи науки. Примерами могут служить создание радиационных технологий и промышленных ускорителей Институтом ядерной физики, плазменной технологии — Институтом теплофизики, новых микропроцессорных

устройств и приборов — Институтом автоматики и электрометрии, горнопроходческой техники — Институтом горного дела, промышленных технологий, использующих энергию взрыва, — Институтом гидродинамики, биотехнологий и «продуктов» генной инженерии — Институтом цитологии и генетики и Институтом биофизики, ряда химических технологий, типов катализаторов, продуктов тонкого органического синтеза — институтами химического профиля и т. д. Экономический эффект от внедренных разработок СО АН СССР за последние десять лет превысил 2 миллиарда рублей.

Безусловно, распространение результатов научных исследований не ограничивается территорией Сибири, многие из них приобретают всесоюзное и даже мировое применение. Но непосредственный контакт коллективов научных работников, конструкторов, проектировщиков с производственными предприятиями создает в Сибири особо благоприятные возможности для развертывания производств новейших приборов, технологических установок, машин, химикатов, лекарственных препаратов и т. д. и осуществления технических, технологических, проектно-планировочных решений, адекватных природным и социально-экономическим условиям районов Сибири. Однако это требует значительного расширения опытно-производственной базы науки. Большие надежды возлагаются также на новые формы взаимодействия науки и производства: научно-производственные объединения, межведомственные научно-технические комплексы, инженерно-технические центры.

Цели структурной перестройки Сибири не ограничиваются ускорением развития и повышением эффективности сферы производства. Этот процесс тесно связан также с новым этапом *экологической и социальной политики*.

Совмещение экономических и экологических интересов происходит при решении проблем комплексного использования сырья, переработки разнообразных отходов и распространения безотходных производственных технологий, особенно в горной промышленности, энергетике, металлургии, химии, аграрно-промышленном и лесном комплексах. Эта деятельность приносит не только экономический эффект (получение дополнительной продукции, например, путем культивирования в промышленных масштабах особых бактерий, синтезирующих кормовой белок из нефтезагрязнений водоемов, уменьшение затрат первичного сырья на выпуск конечных продуктов), но и улучшение состояния воздушного и водного бассейнов, земельных угодий, в целом флоры и фауны. Некоторые направления изменения структуры производства непосредственно подчиняются задачам оздоровления экологической обстановки: перепрофилирование Байкальского целлюлозно-бумажного комбината, перевод электростанций в крупных городах на газовое топливо, производство технологического оборудования для очистных сооружений и т. д.

Решение социальных проблем в Сибири во многом зависит от строительного и аграрно-промышленного комплексов, транспорта, машиностроения, то есть отраслей, создающих социальную инфраструктуру и значительную часть товаров народного потребления и услуг. Активизация этой связи предполагает преодоление остаточного принципа в распределении производственных мощностей и других ресурсов на жилищное и социально-культурное строительство, более широкое участие отраслей тяжелой промышленности в формировании фонда потребления населения. Ряд товаров, производимых на сибирских промышленных предприятиях, и сейчас имеет общесоюзную известность (бердская радиоаппаратура, новосибирские магнитофоны,

красноярские холодильники и т. д.). Не исчерпаны возможности для расширения их межрегиональных поставок.

Диверсификация сибирской экономики, особенно создание передовых производств, является благоприятным фактором для решения такой важной социальной проблемы, как закрепление местных кадров и привлечение трудовых ресурсов из других районов. Нельзя не учитывать стремления трудящихся, особенно молодежи, к видам деятельности, стоящим на передовых рубежах научно-технической революции. Этот факт все в большей степени будет определять политику создания новых рабочих мест, а следовательно, влиять и на структуру производства. Во время бесед с трудящимися Дальнего Востока М. С. Горбачев неоднократно связывал две задачи, актуальные и для Сибири: крепче обживать этот край и перестать рассматривать его только как источник сырья, создавая здесь отрасли обрабатывающей промышленности. Расширение состава развивающихся отраслей ставит новые задачи и перед *системой образования* в Сибири, особенно если иметь в виду, что в Основных направлениях перестройки высшего и среднего специального образования в стране говорится о необходимости подготовки специалистов нужных профессий преимущественно внутри регионов. Вместе с тем для Сибири по-прежнему актуальной является политика ограничения трудоемких производств.

Наконец, специфическим для Сибири аспектом структурной политики является *совершенствование территориальной организации хозяйства*, дифференцированный подход к районам с различными природными, демографическими, экономическими условиями.

Известно, что период преимущественного развития в Сибири топливно-сырьевых отраслей был связан с широкомасштабным освоением природных ресурсов северных районов. Особенно большой скачок совершили нефтегазодобывающие северные районы Западной Сибири. Так, за 70-е годы объем промышленного производства на Ближнем Севере (основном районе нефтедобычи) увеличился в 5,9 раза, а на Дальнем Севере (основном районе добычи природного газа) — в 26,2 раза. Для сравнения отметим, что в южной части Западной Сибири промышленное производство за этот же период возросло только на 70 процентов, что было ниже темпов прироста промышленного производства в целом по СССР. В Восточной Сибири наиболее быстро развивались районы Ближнего Севера, где шло формирование нового крупного индустриального пояса (Нижнее Приангарье, Братско-Усть-Илимский ТПК, западная часть зоны БАМа).

Начиная с двенадцатой пятилетки акценты в политике развития отдельных регионов Сибири существенно изменяются. Ускоренное развитие отраслей обрабатывающей промышленности и аграрно-промышленного комплекса, упор на интенсификацию использования сложившегося производственного аппарата и имеющихся трудовых ресурсов создают условия для более быстрого развития южных районов, обладающих благоприятными возможностями для разнообразных видов хозяйственной деятельности. Об этом красноречиво говорят показатели планов экономического и социального развития на двенадцатую пятилетку, принятых местными Советами. Так, например, в нефтедобывающем Среднем Приобье (в границах Ханты-Мансийского автономного округа) предусматривается увеличить объем промышленного производства на 9 процентов, а в Новосибирской области — на 28 процентов, в Алтайском крае — на 30 процентов. По своей отраслевой структуре, а также факторам экономического роста южная зона Сибири будет сближаться с типичными районами европейской части СССР.

Северные районы Сибири сохранят свою общесоюзную специализацию на добыче нефти, газа, конденсата, алмазов, заготовке древеси-

ны, производстве цветных металлов. Учитывая многие удорожающие факторы и суровый климат, развитие производственной структуры этих районов целесообразно ограничивать такими направлениями, как уменьшение потерь сырья, формирование комплекса обслуживающих производств «ближнего действия», обеспечение собственных потребностей в моторном топливе, малотранспортабельных продуктах питания и т. п. Особой задачей является улучшение условий жизни и труда коренных народностей. Концепция развития Сибири предусматривает углубление экономического взаимодействия южных и северных районов. Здесь выделяются две главные задачи: расширение участия юга в хозяйственном освоении севера и создание на юге комплекса производств общесоюзного значения по переработке природных ресурсов севера, в первую очередь нефти, газа, конденсата.

Исключительно важной для ускорения и интенсификации экономики Сибири является газификация ее южных районов: использование газа в производстве химических продуктов, микробиологии, для интенсификации производственных процессов, в энергетике и коммунальном хозяйстве с целью оздоровления воздушного бассейна, на транспорте и т. д. До сих пор на юг Сибири (до Кузбасса) передавался в сравнительно небольших объемах только очищенный попутный (нефтяной) газ. Проектируемый сейчас газопровод тюменский Север — Омск — Новосибирск — Кузбасс (в «телескопическом» варианте, то есть с последовательно уменьшающимся диаметром) не решает серьезных проблем. В рекомендациях Всесоюзной конференции «Развитие производительных сил Сибири и задачи ускорения научно-технического прогресса» обоснована экономическая и социальная эффективность первоочередного строительства в южном направлении двух магистральных газопроводов максимальной пропускной способности. Но Госплан СССР и Мингазпром отодвигают эту задачу на неопределенное будущее, по-прежнему планируя сверхдальние газопроводы только в центральные районы страны, к западным границам, в Закавказье.

«Основные положения коренной перестройки управления экономикой», принятые июньским (1987 год) Пленумом ЦК КПСС, предусматривают усиление территориального аспекта в планировании и повышении комплексности планов экономического и социального развития автономных республик, краев, областей и крупных городов. Для реализации долгосрочной стратегии ускоренного и преимущественного развития экономики Сибири необходимо также усилить планово-экономическую деятельность в масштабах всего макрорегиона. Сейчас разрабатываемые планы по автономным республикам, краям, областям не сводятся в имеющие директивную силу планы по крупным экономическим районам; практически отсутствуют организационные и экономические рычаги управления их комплексным развитием. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии сформулирован серьезный наказ экономистам — ученым и практикам: «Заслуживает изучения вопрос об управлении народным хозяйством по крупным экономическим районам». Необходимо активизировать работу по настройке всех элементов нового хозяйственного механизма на особые условия восточных и северных районов. Следует также полнее использовать преимущества программно-целевого подхода в решении крупнейших территориальных проблем, включая и целевое ресурсное обеспечение. На наш взгляд, имеются достаточные логические основания и значительные научные заделы для разработки и реализации государственной долгосрочной комплексной программы развития производительных сил сибирского региона.

Е. ГАЙДАР

КУРСОМ ОЗДОРОВЛЕНИЯ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Итоги развития народного хозяйства в истекшем году уточняются. Многие важные для анализа показатели станут известны позднее. Но уже та информация, которой располагает Госкомстат СССР, позволяет сделать вывод: по ряду важнейших направлений повышения эффективности позитивные тенденции, наметившиеся в 1986 году, продолжали действовать. Выполнено напряженное задание по экономии энергоресурсов. Быстро снижалась себестоимость продукции в промышленности (0,7 процента в 1987 году против 0,3 в среднем за год в одиннадцатой пятилетке) и строительстве (0,8 процента в 1987-м, 0,25 — в 1981—1985 годах). В производственных отраслях впервые наблюдалось абсолютное высвобождение работающих. Только из промышленности было высвобождено 140 тысяч человек. В этой отрасли высокими темпами росла производительность труда. Резко ускорилось обновление продукции в машиностроении. Но сохранить высокие темпы роста национального дохода, промышленного и сельскохозяйственного производства, достигнутые в 1986 году, не удалось (см. таблицу).

ТЕМПЫ ПРИРОСТА (в процентах)

Показатели	Среднегодо- вые в 1981— 1985 гг.	Среднегодо- вые по плану двенадцатой пятилетки	1986 г.	1987 г.
Произведенный национальный до- ход	3,6	4,2	4,1	2,3
Продукция промышленности	3,7	4,6	4,9	3,8
Продукция сельского хозяйства	1,0	2,7	5,3	0,2

Само по себе снижение темпов роста объема производства не дает серьезных оснований для беспокойства. Опыт показывает, что краткосрочное повышение темпов за счет гипертрофированного накопления может сочетаться с консервацией архаичной структуры экономики. В то же время их снижение может быть естественным результатом структурной перестройки, сокращения производства ненужной потребителю, неэффективной продукции. Как сказался экономический рост на уровне жизни и в какой мере удалось обеспечить предпосылки долгосрочного ускорения социально-экономического развития? Ответ на эти вопросы принципиально важен для оценки того, что произошло в народном хозяйстве в 1987 году.

ГАЙДАР Егор Тимурович, кандидат экономических наук, редактор отдела политической экономики и экономической политики журнала «Коммунист».

I

На протяжении пяти пятилеток (с 1961 по 1985 год) низкими были темпы роста жилищного строительства. Среднегодовой ввод жилья в 1981—1985 годах увеличился по сравнению с 1961—1965 годами на 12,3 миллиона квадратных метров. Несмотря на остроту проблемы, среди хозяйственных руководителей высокого ранга было распространено убеждение, что значительно увеличить масштабы жилищного строительства нельзя. Опыт показал: возможности здесь велики, они превышают даже оптимистические прогнозы. Но для того чтобы их использовать, необходимо было решительно покончить с недооценкой социальной сферы, практикой остаточного выделения средств на ее нужды. В 1986 году ввод жилья увеличился на 6,8 миллиона квадратных метров. В 1987 году, по предварительным данным, этот показатель вырос на 10 миллионов квадратных метров. Еще в 1985 году мы строили значительно меньше жилья на душу населения, чем ГДР, НРБ. Сейчас это отставание преодолено.

Одновременно быстро росли капиталовложения в строительство школ, детских дошкольных учреждений, поликлиник, объектов культуры. Пока не по всем социально приоритетным направлениям достигнуты ожидаемые результаты. В частности, положение со строительством больниц в 1987 году даже ухудшилось. Однако в целом итоги года показывают: поворот к социальной сфере подкреплен реальными делами.

Вместе с тем, оценивая эти успехи, нельзя забывать об их несопоставимости с масштабами сформировавшихся диспропорций, проблем, которые еще предстоит решить. Только в городах и поселках городского типа к началу 1987 года на учете по улучшению жилищных условий стояло 12 миллионов 660 тысяч семей и одиноких граждан. В 1986 году 1 миллион 762 тысячи семей их улучшили. Можно быть уверенным, что в 1987 году число таких семей превысило миллион восемьсот тысяч. Но ведь много людей, живущих в крайне неблагоприятных условиях, пока не имеют права постановки на учет. Необходимо время для того, чтобы плоды усилий по ускорению жилищного строительства серьезно повлияли на оценку динамики уровня жизни в массовом сознании.

Средняя заработная плата рабочих и служащих увеличилась на 3 процента (план — 2,6). Медленнее, чем предполагалось, увеличивалась заработная плата в промышленности, особенно в машиностроении. В строительстве, где с широким внедрением коллективного подряда резко повысились темпы роста производительности труда, заработная плата увеличивалась несколько быстрее, чем было намечено. Значительные средства были направлены на повышение оплаты труда работников просвещения, здравоохранения.

Для того чтобы сделать рост денежных доходов реальным, необходимо было обеспечить соответствующее увеличение производства пользующихся спросом товаров народного потребления и объема оказываемых платных услуг. В 1986 году розничный товароборот вырос на 6 процентов. В 1987 году он должен был увеличиться (в текущих ценах) на 6,5 процента. Добиться этого не удалось. Прирост объема товарооборота составил лишь 2,8 процента. Для этого были определены объективные причины.

Первая из них связана с внешнеторговой конъюнктурой. Время, когда наша экономика была относительно независимой от мирового рынка, прошло. Внешнеэкономические связи позволяют обеспечивать потребности страны в разнообразных видах продукции, являются важнейшим источником доходов бюджета. Но вместе с тем любое ослабление наших позиций на мировом рынке прямо сказывается на положении в народном хозяйстве. В 1986 году вследствие снижения цен мирового рынка на энергоносители у СССР образовался дефицит в торговле с развитыми капиталистическими странами (2,7 миллиарда

инвалютных рублей). По данным за девять месяцев 1987 года, он сократился до 0,3 миллиарда. Однако, для того чтобы привести импорт в соответствие с экспортными ресурсами, пришлось существенно сократить внешнеторговые закупки, в том числе по товарам народного потребления.

Реализация спиртных напитков в государственной, кооперативной торговле и общественном питании (в пересчете на алкоголь) в СССР с 1984 по 1987 год снизилась более чем в 2 раза. Если судить по этим данным, потребление алкоголя на душу населения в нашей стране теперь заметно ниже, чем в развитых зарубежных странах — как социалистических, так и капиталистических. За 1986—1987 годы средняя продолжительность жизни возросла почти на 2 года. В значительной мере это следствие снижения смертности от несчастных случаев. Конечно, объективная оценка успехов в этой области требует и учета роста самогеноварения. Государственные «водочные» доходы в 1987 году оказались намного меньше намеченных по плану.

Зато продажа продукции животноводства значительно увеличилась. Как известно, производство мяса (в убойном весе) с 1975 по 1982 год почти не росло (увеличение за 7 лет на 400 тысяч тонн). Начиная с 1983 года здесь наметились позитивные тенденции. В 1987 году оно выросло на 600 тысяч тонн.

В обстановке острого дефицита мяса, мясопродуктов эти цифры могут вызвать недоверие. Притом вполне понятное. Однако те же благоприятные тенденции подтверждаются комплексом взаимосвязанных показателей (рост объема реализации, наличие запасов в оптовой торговле и т. д.).

Средняя цена реализации мяса на колхозных рынках в Костроме, Калинин, Горьком, Туле, Тамбове, ряде других городов, по данным Госкомстата РСФСР, оставалась высокой (примерно 6 рублей за килограмм), однако в целом по республике рост этих цен незначителен (увеличение на 0,5 процента). То, что даже значительное увеличение производства и реализации мяса, мясопродуктов мало повлияло на рыночную ситуацию, также понятно: объем неудовлетворенного спроса на эту продукцию при существующих государственных ценах слишком велик.

Примечательно, что производство животноводческой продукции увеличивалось при сокращении поголовья. Параллельно росла обеспеченность его кормами, а значит, и продуктивность. Сказалось позитивное влияние подрыда, содержания скота на личных подворьях. Конечно, с точки зрения предъявляемых обществом требований и международных сопоставлений результаты, достигнутые в животноводстве, еще весьма скромные. Возможности интенсификации производства за счет повышения продуктивности скота, высвобождения на этой основе рабочей силы, экономии кормов, капиталовложений используются пока слишком осторожно. Впрочем, важнее, что движение в нужном направлении продолжается.

Но никакой реально мыслимый рост производства животноводческой продукции не мог, конечно, закрыть брешь, образовавшуюся в товарообороте вследствие сокращения импорта ширпотреба и реализации спиртных напитков. Добиться этого предполагалось иным путем: резко увеличив объем производства промышленных товаров народного потребления. Однако соответствующие плановые задания, не подкрепленные реальным маневром ресурсами, остались пока, к сожалению, благим пожеланием. Компенсировать недостаток ресурсов административными мерами, сверхурочными работами не удалось. В целом торговле было поставлено продукции на 17 миллиардов рублей меньше, чем намечалось по первоначальному плану. Прирост поставок товаров культурно-бытового назначения и хозяйственного обихода составил не 12, а 6 процентов. Было недопоставлено более 700 тысяч телевизоров, около 600 тысяч магнитофонов, примерно 300 тысяч швейных машин.

В результате в торговле товарами народного потребления сложилось напряженное положение. Объем розничного товарооборота был

на 12,6 миллиарда рублей меньше, чем это предусматривалось планом. Запасы в розничной торговле сократились на 4,4 миллиарда рублей. Обострился дефицит многих товаров (обувь, отдельные виды швейных, трикотажных изделий, кофе, зубная паста и т. д.). Резкий рост реализации по ряду товарных групп свидетельствует о том, что потребители покупают и те товары, от которых отказывались. За этим скрывается снижение доверия к рублю.

Дальнейший рост несбалансированности платежеспособного спроса и предложения потребительских товаров может иметь весьма неблагоприятные последствия и привести в конечном счете к снижению стимулирующей роли оплаты труда.

II

Стержень структурной политики двенадцатой пятилетки — опережающее развитие отраслей машиностроительного комплекса. Нарастание выпуска современной, эффективной техники должно стать основой технической реконструкции всего народного хозяйства. Однако именно в машиностроении расхождение плана и фактически достигнутых результатов в 1987 году оказалось наиболее разительным. Темпы прироста производства продукции машиностроительного комплекса упали с 6,4 процента в 1986 году до 4,6 процента в 1987 году. Не выполнены задания по производству более $\frac{2}{3}$ важнейших видов продукции, учитываемых в срочной отчетности. Не обеспечено в установленных размерах опережающее развитие станкостроения, электротехники. Разливка стали на машинах непрерывного литья возрастала медленно, в том числе из-за недопоставок соответствующего оборудования. Темпы роста производства электростали, кислородно-конвертерной стали, дизелизации автопарка, распространения ряда других прогрессивных технологий оказались ниже предусмотренных пятилетним планом. Недопоставка современного оборудования металлургии ограничила возможность этой отрасли производить экономичные, высококачественные материалы, остро необходимые самому машиностроению.

Важнейший фактор, изменивший условия работы предприятий машиностроения в 1987 году, — введение в широких масштабах госприемки. Эта чрезвычайная мера, без сомнения, способствовала повышению внимания к качеству продукции. В среднем по промышленности органы госприемки не принимали с первого предъявления около 8 процентов продукции. Пожалуй, наиболее острой оказалась проблема подшипников. При недостатке специальной стали и сильной изношенности оборудования низкое качество этой продукции стало хроническим. Когда госприемка запретила выпуск подшипников, не соответствующих стандартам, их недопоставка потребителям составила свыше 24 миллионов штук. Резко обострился дефицит подшипников в станкостроении, автомобильной промышленности, тракторном и сельскохозяйственном машиностроении, других отраслях. Аналогичные трудности возникали с поставками резинотехнических изделий.

Далеко не полностью решены задачи обновления машиностроительной продукции, расширения выпуска ее эффективных видов. Однако было бы неправильно недооценивать сделанное. Госкомстат СССР выделяет группу высокоэффективных видов машиностроительной продукции. Ее производство росло примерно в два с половиной раза быстрее, чем продукции отрасли в целом. Например, доля генераторов единой унифицированной серии в общем производстве генераторов к паровым и газовым турбинам, по данным за 11 месяцев, возросла с 23 до 32 процентов, электродвигателей серии АИ в общем выпуске электродвигателей переменного тока — с 8 до 14 процентов. А ведь подобная структурная перестройка также замедляет рост объемных показателей.

Быстрое наращивание выпуска машиностроительной продукции предполагалось обеспечить на основе массированных капиталовложений, направляемых в эту отрасль. Сами по себе капиталовложения — это затраты. Для роста же производства продукции необходимо было получить от строителей и поставщиков оборудования результаты их трудов — добиться ввода основных фондов, производственных мощностей. Но в 1986 году при росте капиталовложений в машиностроение (по объектам производственного и непроизводственного назначения) на 15 процентов ввод основных фондов увеличился только на 3. Не удалось исправить положение и в 1987 году. Ввод производственных фондов в машиностроении был на 18 процентов меньше планового.

Попытки выполнить несбалансированный план, как правило, приводят к негативным последствиям. Это известное положение получило новое подтверждение в 1987 году. Административный нажим на предприятия, направленный на то, чтобы добиться повышения темпов роста объема производства, способствовал ухудшению выполнения обязательств по поставкам. Предприятиями машиностроительного комплекса было недопоставлено продукции на сумму 3,7 миллиарда рублей. В целом по промышленности объем недопоставленной в соответствии с заключенными договорами продукции увеличился за год в 1,3 раза.

III

Когда не выполняет план один завод, можно искать причину в слабости руководства. Но если результаты деятельности крупнейшего народнохозяйственного комплекса существенно отличаются от намеченных, это свидетельствует или о нереалистичности самого плана, его несбалансированности с наличными ресурсами, или о том, что не были созданы предпосылки, обеспечивающие повышение эффективности их использования. Что же не было предусмотрено в планах работы нашего машиностроения, почему капиталовложения не позволили добиться предусмотренных в плане результатов?

Для того, чтобы ускорить темпы экономического роста, в пятилетнем плане было предусмотрено увеличение доли фонда накопления в национальном доходе. Предполагалось, что резкое повышение эффективности капиталовложений, отдачи, которую приносит каждый рубль, вложенный в народное хозяйство, позволит, несмотря на сокращение доли фонда потребления, быстро повышать уровень жизни. Требовалось добиться устойчивого роста капиталоотдачи (прироста национального дохода на рубль производственных капиталовложений), которая в предшествующий период имела тенденцию к снижению. И действительно, в 1986 году капиталоотдача резко повысилась. Но, видимо, это отражало использование лишь организационных факторов, результаты борьбы против пьянства на производстве, а также сравнительно благоприятные для сельскохозяйственного производства погодные условия. Уже в 1987 году вновь произошло падение капиталоотдачи, по существу, нивелировавшее предшествующий скачок. Дальнейшее форсированное наращивание расходов, не приносящих запланированной отдачи, могло иметь тяжелые социальные последствия. В 1988 году темп роста капиталовложений снизится по сравнению с 1986—1987 годами.

Одним из факторов повышения эффективности капиталовложений должно было стать увеличение их доли, направляемой на реконструкцию и техническое перевооружение, за счет сокращения нового строительства, то есть предполагалось меньше тратить на новые корпуса и больше на новое оборудование. Цифры, казалось, свидетельствуют, что эта доля действительно резко возросла. Однако в данном случае показатели неточно отражают реальный процесс. Проведенное Госкомстатом РСФСР исследование показало: в ряде отраслей по объектам, учитываемым как реконструируемые, доля затрат на оборудование была даже меньшей, чем при новом строительстве.

Отсутствие прогресса в повышении эффективности капиталовложений на первый взгляд трудно объяснить — ведь в строительстве намечались явные позитивные сдвиги. Быстро растет объем строительно-монтажных работ, снижаются материальные затраты, увеличивается прибыль. Не вызывает сомнения позитивное влияние внедрения коллективного подряда, распространением которого в отрасли занимаются неформально.

В советской экономической литературе, публицистике существует целый эпос о долгострое. Кажется, уже всем известно, какой огромный ущерб мы несем из-за того, что строительство объектов производственного назначения нередко ведется десятилетиями. Причина долгостроя одна, и она предельно проста — это стремление одновременно строить больше, чем позволяют наличные ресурсы. О необходимости сузить фронт строительства, добиться на этой основе сокращения его сроков как минимум в два раза, привести их в соответствие с нормативными было четко сказано на XXVII съезде КПСС. Упоминалось и о том, что дело это непростое, для некоторых оно может быть весьма болезненным. Расчеты специалистов показывают, что сокращение срока строительства до нормативного уровня позволило бы повысить среднегодовые темпы роста национального дохода на 1,3 процентного пункта при снижении доли фонда накопления и соответствующем росте доли фонда потребления.

При планируемом на пятилетку увеличении объема строительно-монтажных работ, чтобы добиться двукратного сокращения сроков, необходимо было уменьшить фронт строительства примерно на 40 процентов. На практике полная сметная стоимость производственных строек, включенных в план, сократилась с 581,0 миллиарда рублей в 1986 году до 571,1 миллиарда в 1987 году (на 2 процента). Средние сроки строительства, оставшиеся до его завершения, сократились на 6 процентов (в значительной мере за счет роста объема капиталовложений), но в 2,6 раза превышали нормативные. Между тем сами нормативы, регламентирующие продолжительность строительства с точки зрения международных сопоставлений, нельзя назвать жесткими. Количество законсервированных объектов по плану на 1987 год увеличилось, но их стоимость составила лишь 3,2 процента от сметной стоимости одновременно осуществляемого строительства. В машиностроительном комплексе остаток сметной стоимости строек, включенных в план, вырос на 3 процента.

Уже сам план 1987 года не содержал предпосылок, обеспечивающих повышение эффективности капиталовложений. В нем не удалось преодолеть ведомственное и местническое сопротивление абсолютно необходимым для страны мерам по концентрации капиталовложений. По плану, предполагалось при росте объема строительно-монтажных работ на 8 процентов увеличить ввод основных фондов на 13 процентов. На деле прирост ввода в действие основных фондов составил лишь 5 процентов. Из 1109 важнейших производственных объектов было введено лишь 749.

IV

Есть надежный способ сделать экономику неуправляемой. Для этого вполне достаточно, чтобы принятые народнохозяйственные планы и другие решения центра превышали реальные возможности самого народного хозяйства. Именно тогда возникает ситуация, при которой ведомства, ссылаясь на эти решения, получают возможность реализовать лишь «выгодные» им проекты.

Яркий пример неуправляемости развития, формально опосредованного многочисленными централизованными решениями, — положение, сложившееся в электроэнерге-

тике. Минэнерго, сделавшее ставку на строительство гидроэлектростанций в Сибири, в течение нескольких пятилеток регулярно срывало планы создания на востоке мощностей по производству электроэнергии на базе дешевых углей Кузбасса, Экибастуза, Канско-Ачинского бассейна. Первый энергоблок на Березовской ГРЭС в Канско-Ачинском территориально-производственном комплексе должен был вступить в строй в 1984 году. Ввести его не удалось ни в 1985-м, ни в 1986 году. «Последний» срок ввода (август 1987 года) также был сорван.

Для передачи дешевой электроэнергии, получаемой на базе экибастузских углей, предполагалось построить мощную линию электропередачи постоянного тока Экибастуз — Центр. Срыв планов строительства теплоэлектростанций в Экибастузе и на востоке в целом привел к острому дефициту энергии в районе Урала. Сейчас ясно, что никакого избытка энергии в Экибастузе для передачи в центр в ближайшие десятилетия не будет. Наоборот, существует крупный поток энергии в обратном направлении. Госэкспертиза Госстроя СССР предложила приостановить строительство этой линии (сметная стоимость более 900 миллионов рублей, а по оценкам специалистов, с учетом сопряженных капиталовложений — 2 миллиарда рублей). Это позволило бы только в текущей пятилетке сэкономить 100 тысяч тонн сталеалюминиевого провода, 160 тысяч тонн металлоконструкций, 440 тысяч кубометров сборного железобетона. Но министерство не смогло отказаться от крупного и престижного проекта, решение по которому давно принято. Убедившись, что в Экибастузе нет энергии для передачи на запад, предложили... передавать электроэнергию в обратном направлении с атомных и теплоэлектростанций, расположенных в густонаселенных и бедных топливом районах — за тысячи километров на восток, а в период максимума нагрузки — в обратном направлении. При этом, как отмечает один из критиковавших проект специалистов, профессор И. А. Никулин, образуется тройная петля транспорта энергоресурсов: топливо с востока — на теплоэлектростанции северо-запада, электроэнергия с северо-запада — на восток по сетям переменного тока и линии постоянного тока Центр — Экибастуз, электроэнергия обратно из Экибастуза — на Урал, увеличивающая и без того значительные потери энергии.

Принципиальное на первый взгляд решение — отказ от пересмотра плана на деле позволяет ведомствам расходовать общественные ресурсы, не считаясь с общественными интересами. Это еще один пример, показывающий, что добиваться осуществления стратегического курса на повышение эффективности экономики можно, лишь проводя постоянный критический анализ принятых планов, уточняя их с учетом реальной ситуации.

План на двенадцатую пятилетку разрабатывался на начальном этапе перестройки, когда мы еще не могли или не сумели понять в полном объеме всю остроту и весь масштаб происходящих процессов и назревших проблем. Теперь, особенно после январьского, июньского, октябрьского Пленумов ЦК КПСС, мы видим их лучше.

Основная идея пятилетнего плана (инвестиционный маневр в пользу социальной сферы и отраслей, тесно связанных с научно-техническим прогрессом) не имеет разумной альтернативы. Но обеспечить такой маневр предполагалось лишь за счет роста капиталовложений, по существу, без их перераспределения. Однако опыт уже убедительно показал, что резко увеличить прирост капиталовложений не удастся. Отдача капиталовложений недостаточна для того, чтобы и осуществлять запланированный маневр, и поддерживать необходимые темпы роста уровня жизни населения. Кроме того, попытка быстро увеличить объем производства, не разгрузив экономику, не освободившись от неэффективных видов деятельности, вызывает серьезные трудности в работе базовых отраслей.

Анализируя негативные явления, проявившиеся в 1987 году, конечно, следует учитывать и тяжелые погодные условия начала года. Удар, который был нанесен народному хозяйству в те месяцы перебоями в работе транспорта, еще раз показал сильнейшую зависимость всей экономики от работы этой отрасли. Но одновременно он высветил критическое положение, в котором находятся наши железные дороги. В 1987 году отправление грузов железнодорожным транспортом сократилось на 0,2 процента. Железные дороги не отгрузили значительное количество лесоматериалов, металлоконструкций. На 5 часов возросло время оборота вагона, снизилась участковая скорость движения. До сих пор треть стрелочных переводов управляется вручную. Протяженность главных путей с рельсами, выработавшими свой ресурс, — 38 тысяч километров.

Еще одна отрасль, любые сбои в работе которой немедленно сказываются на ра-

боте всего народного хозяйства, жизни людей, — электроэнергетика. В целом в 1987 году объем производства здесь соответствовал плановым заданиям, отклонения частоты тока от нормативных значений стали более редкими. Однако это было достигнуто и за счет ограничения ремонта оборудования, замедления вывода устаревших мощностей.

V

Важнейший фактор роста производства эффективных видов продукции — перераспределение в их пользу ресурсов, высвобождаемых в других сферах.

С 1970 по 1986 год производство чугуна в США сократилось с 83 до 40 миллионов тонн, стали — со 122 до 75 миллионов тонн, в развитых капиталистических странах в целом соответственно с 280 до 229 и с 397 до 344 миллионов тонн. Параллельно увеличился выпуск наиболее эффективных видов металлургической продукции, материалов-заменителей. За те же годы производство чугуна в СССР выросло с 86 до 114 миллионов тонн, выплавка стали — со 116 до 162 миллионов тонн. В 1987 году предполагалось сократить производство чугуна. Удалось лишь его стабилизировать.

Ссылки на то, что ускорение структурных сдвигов в советской экономике невозможно в связи с отсутствием рынка капитала и соответствующих автоматических регуляторов, несостоятельны. Капиталистические страны именно в этой области активно используют государственное регулирование. Например, в рамках реализованной в 1978—1982 годах в Японии программы демонтажа и сдачи в металлолом устаревшего и ненужного оборудования были ликвидированы все мартены, сокращены мощности по производству мочевины, хлопчатобумажных тканей. Разработанная в ее продолжение и рассчитанная до 1988 года программа предусматривала ликвидацию значительной части мощностей по производству сахара, этилена, алюминия и т. д.

К сожалению, при обсуждении наших текущих экономических проблем не преодолен стереотип штурма, представление, что заминка в производстве той или иной продукции, тем более ее сокращение, неизбежно повлечет неисчислимы бедствия. Далеко не всегда это соответствует истине. В народном хозяйстве существуют значительные возможности эффективного перераспределения ресурсов. Приведем лишь два примера.

Известно, что наша страна занимает ведущее место в мире по объему выпуска многих видов сельскохозяйственной техники. Отставая от США в 1,4 раза по производству зерна, мы в 6,4 раза опережаем их по выпуску тракторов и в 16 раз — зерноуборочных комбайнов. Значительны потери от низкого качества многих видов сельскохозяйственной техники, ее небрежной эксплуатации. Чтобы произвести столько зерноуборочных комбайнов, сколько их стоит у нас в хозяйствах неисправных (на ноябрь 1987 года), американской промышленности пришлось бы работать 70 лет.

Эта ситуация, парадоксальность которой очевидна и неспециалисту, мало кого смущала до тех пор, пока затраты на закупки техники в той или иной форме покрывались за счет государственного бюджета или безвозвратного кредита. Даже первые шаги экономической реформы заставили колхозы и совхозы считать деньги. Как отмечалось на июньском Пленуме ЦК КПСС, заказы на комбайны сократились примерно на 30 процентов. Уменьшились заказы на отдельные виды тракторов и другой сельскохозяйственной техники, прежде всего устаревшей и малопродуктивной.

По данным Научно-исследовательского экономического института при Госплане СССР, сокращение на одну треть поставок тракторов и сельскохозяйственных машин в эту отрасль позволило бы высвободить 4,8 миллиона тонн угля, 6,77 миллиарда киловатт-часов электроэнергии, 2,4 миллиона тонн стали. Если учесть, что коэффициент износа основных фондов в черной металлургии в 1986 году составлял 47 процентов, что затраты только на капитальный ремонт, не считая текущего, в этой отрасли равны половине затрат на капитальные вложения, то легко понять — сокращение потребления металла дало бы значительный эффект, позволив вывести наиболее изношенное оборудование, сократить ремонтные расходы и увеличить выпуск высококачественных сталей, на недостаток которых резонно жалуются конструкторы и производители сельскохозяйственной техники, объясняя, почему удельная металлоемкость на единицу мощности отечественного колесного трактора на 30—35 процентов выше, чем в США. Естественно, при этом резко изменилась бы и структура выпуска сельскохозяйственной техники, можно было бы увеличить производство тех ее видов, которые пользуются спросом.

Однако Министерство сельскохозяйственного и тракторного машиностроения идет по другому пути. Оно предпринимает «героические усилия», для того чтобы увеличить производство не пользующейся спросом техники. Например, потребители ряда отраслей не хотят брать трактор Т-330, выпускаемый производственным объединением «Чебоксарский завод промышленных тракторов», жалуются на его низкое качество, ненадежность. Ну, а министерство доводит до предприятия напряженный план, требует резкого увеличения производства именно этих тракторов.

После Волжского автозавода в нашей стране не построено ни одного предприятия сопоставимого масштаба, работающего непосредственно на удовлетворение потребительского спроса. По производству легковых автомобилей мы почти в шесть раз отстаем от США. Крайне ограничено производство дешевых автомобилей, доступных среднеобеспеченным группам населения. Намечаемый выпуск 50 тысяч автомобилей «Ока» в год, конечно, ни в коей мере не может удовлетворить спроса на такую машину. В условиях острого дисбаланса на рынке потребительских товаров, казалось бы, естественное решение — вложить средства в резкое расширение соответствующих мощностей. Но нет, вместо этого начинается строительство нового крупнейшего тракторостроительного гиганта в Елабуге, сметная стоимость которого составляет 3,8 миллиарда рублей. Общая же стоимость строящихся производственных объектов сельскохозяйственного машиностроения (без бывшего Минживмаша) в 1987 году составляла 20 миллиардов рублей и превышала соответствующий показатель по Минэлектротехпрому, Минстанкопрому, Минприбору, Минхиммашу, Минстройдормашу, Минлеппищемашу и Минлеппрому СССР, вместе взятым.

Наращивая производство новых тракторов, ведомство вместе с тем равнодушно относится к судьбе тех, которые удалось сбить хозяйствам. Регулярно срываются поставки дефицитных запчастей, необходимых для их ремонта.

Важнейшим фактором, снижающим эффективность использования средств, направляемых в сельское хозяйство, является слабость производственной инфраструктуры, обеспечивающей транспортировку, хранение, переработку продукции. Протяженность дорог с твердым покрытием в нашей стране, занимающей шестую часть суши, и в Японии примерно одинакова. По общей протяженности автодорог нас обогнала Индия. Неразвитость дорожной сети приводит не только к потерям продукции — перерасходуется топливо, быстрее изнашиваются автомобили. Полагать, что без серьезного перераспределения ресурсов можно преодолеть наше отставание в этой сфере, — опасная иллюзия. И можно представить, откуда эти ресурсы можно взять.

В 1970 году общая площадь орошаемых земель в СССР была примерно в полтора раза меньше, чем в США. Вложив в эту сферу огромные средства, мы в 1986 году перегнали США по этому показателю. К сожалению, это не позволило сократить разрыв в производстве важнейших видов сельскохозяйственной продукции. Сокращение на $\frac{1}{3}$ капиталовложений в мелиоративное строительство позволило бы высвободить по всему кругу взаимосвязанных отраслей свыше полумиллиона работающих, 2,4 миллиона тонн угля, 3,3 миллиона тонн нефти, 3,4 миллиарда киловатт-часов электроэнергии, 2,1 миллиона тонн цемента, 2,4 миллиона тонн сборного железобетона.

В истекшем году полная сметная стоимость производственных строек Минводхоза СССР, включенных в план, составила 29,6 миллиарда рублей. При этом министерство практически даже не пытается объяснить, какова отдача вложенных в эту сферу средств. Приводимые же данные, что на мелиорированных землях производится треть продукции растениеводства, просто не имеют отношения к делу. Считать мелиораторов производителями всего выращенного на мелиорированных землях урожая так же неправомерно, как дорожников — создателями всей перевозимой по дорогам продукции. Но Минводхозу и не требовалось ничего доказывать. Принципиальное отличие этого министерства, например, от Минсельхозмаша — отсутствие необходимости продавать кому-либо свою продукцию. Оно само заказывает, само проектирует, само строит. Как известно, Минводхоз по-прежнему живет за счет госбюджета.

VI

Масштабы нашей страны порождают у многих представление о неисчерпаемости ресурсов государственного бюджета, о том, что за его счет можно покрыть любые потери, последствия любой бесхозяйственности. Реальное положение в стране далеко от этой картины.

Как известно, в настоящее время Министерство финансов СССР работает над программой финансового оздоровления. Обсуждая ее, полезно вспомнить резолюцию XI съезда партии «О финансовой политике», в которой отмечалось: «В борьбе с бюджетным дефицитом необходимо прежде всего исходить из ясного сознания, что у Советского государства нет достаточных экономических и, в частности, финансовых ресурсов для содержания всего того громадного административного и хозяйственного аппарата, с которым оно вышло из предшествующего периода и содержание которого в эту эпоху обеспечивалось методами, не применимыми в условиях нового периода...». Ставилась задача радикально и в кратчайший срок «разгрузить» Советское государство.

В самом начале реализации новой экономической политики В. И. Ленин обращал внимание на необходимость отказаться от любой

хозяйственной деятельности, для ведения которой нет необходимых условий, сконцентрировать ресурсы на предприятиях, поставленных наилучшим образом (см. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 258). При всем очевидном различии экономического положения в начале двадцатых годов и в настоящее время здесь проглядываются и очевидные параллели.

Можно долго создавать видимость движения вперед на фоне углубляющихся диспропорций, наращивать производство продукции, качество которой не соответствует самым скромным требованиям, отчитываться об увеличении национального дохода, не замечая, что все большая часть продукции мертвым грузом оседает в запасах товарно-материальных ценностей. Ряд мер, реализация которых продолжалась в 1987 году, — это горькие лекарства, необходимые для лечения экономики от старых болезней. Без них нельзя было создать предпосылки нормального экономического роста. Госприемка осложнила работу предприятий. Но ее введение уже сломало устоявшиеся предрассудки о неизбежности производства низкокачественной продукции. Если эта мера позволит серьезно повысить качество продукции, ее долгосрочные позитивные результаты, несомненно, компенсируют текущие потери. Политика ограничения кредитования заставила руководство предприятий всерьез задуматься и о финансовом положении, вопросах обеспечения платежеспособности, о цене, которой нередко достигается увеличение объема производства. В результате оборотные средства в запасах товарно-материальных ценностей в промышленности росли медленнее, чем объем продукции, их оборачиваемость повысилась. Эта тенденция наблюдается третий год подряд. До этого, в течение двух пятилеток, оборачиваемость в промышленности быстро снижалась. Сфера, которая поглощала значительную часть прироста продукции, начала отдавать накопленные ресурсы.

Начинающаяся экономическая реформа — это не чудо, позволяющее решить все проблемы. Она идет в реальном народном хозяйстве с его производственными фондами, диспропорциями, традициями, кадрами и не создает сразу дополнительных ресурсов. Но реформа уже ярко высветила наиболее острые проблемы, она позволяет наметить реальные пути их решения, создать предпосылки необходимого экономического маневра. Для того чтобы воспользоваться этим, нужна готовность отказываться от ошибочных решений, принятых в другое время и в иной ситуации. Финансовое оздоровление невозможно без общеэкономического. Нужно всемерно «разгрузить» экономику, освободить ее от балласта, резко ограничить все виды деятельности, не приносящие адекватного социально-экономического эффекта. Тогда, высвободив соответствующие ресурсы — а они у нас есть, и немалые! — можно будет достойно ответить на вызов, который сделала нам история.

ПЕРВЫЙ ШАГ К ЯДЕРНОМУ РАЗОРУЖЕНИЮ

Э. АРАБ-ОГЛЫ

РЕАЛЬНОСТИ НОВОГО МЫШЛЕНИЯ

ОТ КОНФРОНТАЦИИ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

По мере того, как вашингтонскую встречу Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева и Президента США Р. Рейгана отделяет от нас все большее время, еще очевиднее становится справедливость данного ей в декабре определения как беспрецедентной и исторической по своему значению. Беспрецедентной потому, что впервые обе великие державы пришли к соглашению не об ограничении гонки ядерных вооружений, а об их реальном сокращении. Исторической же потому, что итоги этой встречи способны открыть путь к поэтапной ликвидации ядерных вооружений, таящих в себе угрозу гибели жизни на Земле. Вот почему встречу в американской столице не без основания можно назвать прологом к безъядерному, ненасильственному миру.

1

Можно сказать, что практически встречи советского руководства с американской общественностью начались за неделю до официального открытия вашингтонских переговоров. Начало им было положено встречей миллионов американских телезрителей с советским руководителем, давшим интервью американской национальной телекомпании Эн-би-си. Когда на следующий день большая группа советских ученых-экспертов и журналистов прилетела в Вашингтон, то она сразу же обнаружила, какое большое впечатление это интервью произвело в США. Стоило нам заговорить с американцами, разговор неизменно переключался на интервью, предстоящую встречу и будущее наших отношений. Судя по этим беседам, в общественном сознании американцев все более утверждалась мысль: то, что их объединяет с советскими людьми, должно возобладать над тем, что их разъединяет. В статье, опубликованной газетой «Интернэшнл геральд трибюн» в те дни, приводилось даже такое, прежде «еретическое» в США, мнение: «Хотя имеется мало существенного сходства между идеалами пуритан и американских революционеров XVIII века и русских революционеров XIX и XX веков, их убеждения имеют если и не очевидное, то важное сходство, а именно — веру в то, что можно радикально изменить общество, придать новое направление деятельности людей и что можно избавиться от исторического наследия несправедливости, угнетения и лишений благодаря человеческой воле и усилиям».

Вскоре после приезда мы встретились с «патриархом» американской журналистики Джеймсом Рестом. В советско-американских отношениях, подчеркнул он, сейчас явно произошел перелом, переход от «холодной войны» к началу «новой, великой исторической эры сотрудничества». Вспоминая о том времени, когда он был корреспондентом в Москве в 1943 году, Рстон выразил надежду на восстановление советско-американского сотрудничества в решении настоятельных проблем современности. «Нашим обеим странам нужна философская повестка дня, чтобы в полной мере осмыслить, где мы хотим оказаться к концу столетия». На вопрос о перспективах для нового политического мышления в США Рстон с воодушевлением ответил, что, по его глубокому убеждению, в Америке существует самая благодатная почва для восприятия нового мышления, которое соответствует американской традиции к обновлению.

О стремлении американского народа к миру и ядерному разоружению свидетельствовал опрос общественного мнения, проведенный газетой «Вашингтон пост» и телекомпанией Эй-би-си. Согласно этому опросу, 52 процента опрошенных определенно высказались в пользу заключения Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности и лишь 8 процентов — против, тогда как 40 процентов сослались на недостаточную информированность, чтобы прийти к определенному мнению. Однако даже они в своем подавляющем большинстве склонялись в пользу договора. Каждый 3 из 5 опрошенных возлагали большие надежды на успех переговоров на высшем уровне, $\frac{3}{4}$ полагали, что они будут сопровождаться дальнейшими соглашениями о сокращении вооружений, $\frac{2}{3}$ считали, что обе страны одинаково выиграют от этого. Анализируя эти данные, «Вашингтон пост» отмечала: «Опрос показал, что поддержка договору опирается на широкую базу во всех регионах страны, причем как среди либералов, так и среди консерваторов». Вместе с тем газета предостерегала: «Некоторые результаты опроса также выявляют, что, хотя в целом преобладает положительное мнение о договоре, общественность пока недостаточно информирована о нем и поэтому легко может быть управляема; этими факторами могут воспользоваться противники договора в ходе дебатов о его ратификации в сенате».

По мере приближения открытия встречи на высшем уровне борьба между здешними сторонниками и противниками ядерного разоружения и улучшения советско-американских отношений за влияние на общественное мнение приобретала все более ожесточенный характер, достигнув своей кульминации непосредственно накануне и в дни совещания между Генеральным секретарем ЦК КПСС и Президентом США. Дипломатические условности, политический такт и внешняя сдержанность в высказываниях были отброшены многими американскими консерваторами сразу же после интервью, которое Р. Рейган дал 3 декабря комментаторам четырех ведущих телекомпаний США.

Причину острого конфликта в республиканской партии, а также более широко — между консерваторами и либералами в обеих ведущих политических партиях США, по отношению к Договору о ликвидации РСД и РМД, пожалуй, лучше всего разъяснил сам президент в упомянутом телеинтервью: «Я полагаю, что некоторые из тех людей, которые больше всего выступают против (договора. — Э. А.) и даже отказываются воспринять саму идею когда-либо достигнуть какого бы то ни было взаимопонимания, вне зависимости от того, отдают они себе в этом отчет или нет, эти люди по сути в глубине души исходят из того, что война неизбежна и что война между двумя сверхдержавами должна разразиться». Тем самым Рейган дал понять, что принципиальное расхождение, которое выявилось перед подписанием договора, вполне реально существовало и прежде. Это было глубокое различие в позициях между теми, кто видел в так называемом «двойном решении», принятом в 1979 году и приведшем к размещению в Западной Европе американских «Першингов» и крылатых ракет, а затем и в идее «нулевого варианта» средство для последующих переговоров о сокращении ядерных вооружений, и теми, кто уже тогда расценивал все это как ловкий пропагандистский маневр, заведомо рассчитанный на обман общественного мнения, а в действительности призванный добиться стратегического превосходства НАТО над Варшавским Договором.

Обвинение, брошенное Рейганом противникам договора главным образом в рядах его собственной партии, до предела накалило политические страсти. В печати появились статьи, сравнивающие встречу на высшем уровне с «новым Мюнхеном», с политикой «умиротворения агрессора» 7 декабря, когда в 46-ю годовщину вступления

США во вторую мировую войну демонстрировались кадры из документального фильма о японской бомбардировке американской военной базы в Пирл-Харборе в 1941 году, комментатор из лагеря правых считал уместным сравнить это трагическое в воспоминаниях американцев событие с подписанием Договора о ликвидации РСД и РМД, наносившего якобы столь же большой ущерб американской военной мощи. В газетах публиковались «открытые письма», обращенные к Рейгану, и так называемые «платные объявления», занимающие целую полосу, в которых от имени реакционных организаций и всякого рода комитетов воспроизводились вымыслы о «советской опасности», «коммунистическом экспансионизме» и прочие жупелы «холодной войны».

В том, что, по заверению «Нью-Йорк таймс», «Рейган лучше знает, что на уме у крайне правых, чем сенатор Доул», пытавшийся вступить за них, мы убедились накануне при посещении Совета американской безопасности — влиятельной консервативной организации. Руководитель Совета, он же — сопредседатель так называемой «Коалиции за мир с позиции силы» Джон Фишер вежливо, но откровенно изложил нам свое кредо: история, мол, учит, что мир может быть обеспечен не равновесием сил, не разоружением и контролем над ним, а лишь стратегическим превосходством одной из держав над остальными, которое заведомо предreshает исход войны. А стало быть, умозаклучил он, мир должен покоиться на американской силе — военной, экономической, политической. В этой доктрине воплотилась ностальгия по тем временам, когда правящие круги США мечтали об установлении на Земле «Рах атегисапа» (американского мира), в котором бы они повелевали судьбами других народов. Но времена для подобных иллюзий безвозвратно канули в прошлое.

2

В дни своей встречи руководители обеих держав не только вели интенсивные переговоры, но и многократно выступали с речами, в которых выражали свое взаимное стремление к взаимопониманию и доверию, убеждение в том, что построение лучшего мира как для США и СССР, так и для всего человечества — вполне реальная историческая перспектива, несмотря на то, что в наших странах существуют разные социальные системы.

Существенные различия в мировоззрении, в философских концепциях, в принципах социальной организации, которым привержены две великие державы, подчеркивалось на встрече в верхах, не должны служить препятствием для радикального улучшения советско-американских отношений. «Мы понимаем, — говорил М. С. Горбачев на церемонии открытия встречи, — нас разделяют не только океаны, но и глубокие различия исторического, идеологического, социально-экономического, культурного порядка». Однако, продолжал он, «мудрость современной политики — не использовать эти различия как предлог для конфронтации, вражды, гонки вооружений».

В основе начавшегося поворота от конфронтации к сотрудничеству обеих великих держав — непосредственно в их взаимоотношениях и на мировой арене в решении настоятельных глобальных проблем современности — лежит новое политическое мышление. Оно исходит из совершенно новой, беспрецедентной ситуации, сложившейся на исходе нашего столетия, из приоритета общечеловеческих интересов и ценностей, которые не требуют отказа ни одной стороны от своих убеждений и принципов, но предполагают при этом, чтобы они видели друг в друге не противников, а партнеров, объединенных прежде всего такой целью, как выживание человечества в условиях взаимно гарантированной безопасности для всех стран и народов.

В свое время В. И. Ленин провозгласил принцип мирного сосуществования, рассматривая его как прочную и наиболее благоразумную основу во взаимоотношениях государств, принадлежащих к разным со-

циальным системам, в современную эпоху. Если в первые десятилетия после Октябрьской революции он воспринимался в основном в качестве средства создания благоприятных внешнеполитических условий для строительства социализма в нашей стране (хотя и тогда его содержание далеко не исчерпывалось этим), то теперь стало очевидным, что мирное сосуществование — необходимое условие, *повелительный императив для выживания человеческой цивилизации в целом*, для сохранения жизни на нашей планете. Именно Ленину принадлежит исключительно проницательная мысль, всю глубину и значение которой мы постигаем лишь ныне. По свидетельству Н. К. Крупской, еще в 1918 году В. И. Ленин предвидел, что «будет такое время, когда война станет настолько разрушительной, что она вообще станет невозможной». Такое время наступило после создания ядерного оружия и чудовищного нагромождения его в арсеналах великих держав. Обеспечение мира с помощью военной силы, стремление к стратегическому превосходству и политическому диктату в создавшихся условиях стали абсурдными.

В публичных выступлениях руководителей двух великих держав в ходе их встречи содержалось немало поучительных исторических параллелей, впечатляющих метафор и оригинальных суждений, которые до сих пор воспроизводятся средствами массовой информации всего мира. Однако эти выступления были не состязанием в красноречии, но явились утверждением нового мышления в практике международных отношений. Перестройка и новое мышление, демократизация и гласность, хотя физически, быть может, и незримо, но тем не менее вполне реально и осязаемо принимали самое деятельное участие в вашингтонских переговорах. Придав нашему обществу могучий импульс к динамическому, революционному социалистическому обновлению, они дали знать о себе в полной мере и на международной арене, наглядно подтвердили тем самым, что внешняя политика является непосредственным продолжением политики внутренней. Для мировой и американской общественности стало очевидным, что в Вашингтоне происходила встреча не только с новым советским руководством, но и с Советским Союзом как великой державой современности, обновляющейся и не соответствующей стереотипным о ней представлениям.

Во время одного из приемов у меня состоялась продолжительная беседа с Ричардом Перлом, бывшим помощником министра обороны по вопросам международной безопасности, которого не без основания считают «архитектором политики с позиции силы». Речь зашла о его «Меморандуме президенту Рейгану», только что опубликованном во многих американских и других западных изданиях. В нем Перл выражал опасения, что подписание Договора о ликвидации РСД и РМД породит больше проблем, связанных с безопасностью в Европе, чем их разрешит. В итоге беседы мы все же согласились с ним, что самое важное в советско-американских отношениях состоит в том, чтобы проблемы, вновь возникающие между великими державами, были меньше тех, которые удастся разрешить в ходе переговоров.

Исключительно важное значение для успеха переговоров на высшем уровне в Вашингтоне имел принцип деидеологизации межгосударственных отношений, выдвинутый и обоснованный в вышедшей во многих странах, включая США, книге М. С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира». Этот принцип развивает ленинские идеи о мирном сосуществовании применительно к новым историческим реальностям ядерной эпохи и становлению во многом единого, взаимозависимого и целостного мира. Деидеологизация межгосударственных отношений отнюдь не означает отречения от социальных идеалов или отказа от классового подхода к международным

отношениям. Однако этот принцип противостоит все еще распространенным на Западе представлениям об идеологии как своего рода «светской религии», рассуждениям реакционных политологов, согласно которым различия в мировоззрении якобы неизбежно ввергают народы в кровопролитные «религиозные войны», подобные тем, которые велись в Европе в эпоху реформации.

За подобные представления продолжают цепляться многие противники прекращения гонки вооружений и оздоровления международной обстановки. Французский еженедельник «Экспресс», например, на обложку своего номера, посвященного сотрудничеству на высшем уровне в Вашингтоне, вынес афоризм известного французского философа Раймона Арона: «Мир невозможен, война невероятна» и истолковал его так, будто от встречи в верхах не приходится ожидать перемен в советско-американских отношениях. Журнал, однако, воздержался от того, чтобы привести более реалистическое суждение Р. Арона из его последней книги «Мемуары». В этой книге, написанной им незадолго до смерти, он предостерегал государственных деятелей Запада от опасности идеологии и политики «крестового похода» против коммунизма. Страны Запада, подчеркивал он, не могут позволить себе «игнорировать внутренний строй тех стран, с которыми они ведут переговоры, но они также не могут и тем более не должны предпринимать крестовый поход ради распространения своих социальных институтов». Ополчаться против такого общественного строя, который рассматривается как «социальное зло», заключал он, значит дать вовлечь себя в политические авантюры при наступательной тактике либо заведомо обресть себя на поражение при тактике оборонительной. Из этих рассуждений отнюдь не левое французского философа многим на Западе и сегодня можно было бы извлечь для себя полезное поучение.

Большое значение для будущего советско-американских отношений имели встречи Генерального секретаря ЦК КПСС с лидерами конгресса США, с представителями деловых кругов, с руководителями ведущих средств массовой информации, а также видными деятелями американской общественности, учеными, писателями, артистами, которые оказывают влияние на формирование и политики, и образа мыслей, и настроений в обществе.

Всемирно известный экономист, автор многих книг, изданных и в нашей стране, Дж. К. Гэлбрейт подчеркнул в беседе с нами исключительно плодотворный характер состоявшейся встречи: она обнадеживает, что будет устранена угроза мировой термоядерной войны, в результате которой «никто не смог бы отличить пепел капитализма от пепла коммунизма». Пора нашим странам перестать экономически разорять себя во имя нереальных целей и переключиться на мирные созидательные цели.

С. Козн, автор работ по истории советского общества, в том числе биографии Н. И. Бухарина, сказал, что состоявшаяся встреча на него произвела весьма благоприятное впечатление. Мы должны лучше знать историю друг друга. Освобожденная от «белых пятен» и искажений история наших стран поможет как американцам, так и советским людям избавиться от взаимного предубеждения и лучше понять друг друга, а это приведет к их сближению. Меня как специалиста по истории советского общества, подчеркнул Козн, особенно радуют происходящие в вашей стране радикальные перемены, перестройка и гласность, которые побуждают смотреть в будущее с оптимизмом.

На Советском Союзе и Соединенных Штатах лежит особая ответственность за предотвращение мировой термоядерной войны и сохранение мира на нашей планете. Пропорционально своему политическому весу и международному авторитету эти страны призваны внести наибольший вклад в укрепление глобальной безопасности, в решение региональных конфликтов, во взаимопонимание и мирное сотрудничество всех государств. Не только советский и американский народы, но и люди доброй воли всего мира возлагали большие надежды на встречу в верхах. И она их оправдала, радикально изменив в целом международный политический климат к лучшему.

В одной из речей в ходе встречи Р. Рейган сказал: «150 лет назад выдающийся француз Токвиль мудро предсказал, что наши две страны станут крупнейшими и важнейшими государствами в мире. История, география, богатые ресурсы и упорный труд наших народов сделали это возможным». Как известно, основоположники марксизма высоко ценили теоретическое наследие французских историков эпохи реставрации, которые многое сделали для понимания сути общественного прогресса. Одним из них был и А. Токвиль, подчеркнувший в своей книге «О демократии в Америке», что человечество, несмотря на все зигзаги истории, продвигается вперед.

Уместно также напомнить, что за три десятилетия до Токвиля аналогичные мысли об историческом сходстве и общности судеб наших стран были высказаны выдающимся русским просветителем-демократом В. Ф. Малиновским, который, кстати, был автором одного из первых проектов «Вечного мира» (наряду с Ш. Сен-Пьером и Ж.-Ж. Руссо, И. Кантом и Дж. Бенхамом). В предисловии к переведенному им в 1807 году сочинению «О пользе мануфактур» Александра Гамильтона, одного из «отцов-основателей» Соединенных Штатов, он обращал внимание на разительное сходство, которое существует между Россией и США, «как в рассуждении пространства земель, климата и натуральных произведений, так и в рассуждении несоразмерного пространству населения и той младости, в которой находятся разные общепользные заведения».

История наших стран на протяжении двух столетий во многом подтвердила такие предвосхищения. Советский и американский народы никогда не воевали друг с другом. И во время борьбы американских штатов за независимость, и в годы Гражданской войны в США в середине прошлого века Россия занимала по отношению к ним позицию благожелательного нейтралитета. Отмена крепостного права в России и отмена рабства в США хронологически почти совпали. Обе наши страны были союзниками и в первой, и во второй мировых войнах, и даже десятилетия «холодной войны» не могли вытравить из сознания наших народов связанное с тем периодом взаимное расположение друг к другу.

Сходство между нашими странами, впрочем, далеко не исчерпывается лишь историческими воспоминаниями и формальными аналогиями. Как советский народ, так и американский являются многонациональными общностями людей. Каждая из этих метаэтнических (по определению этнографов) социальных общностей сформировалась, конечно, своеобразным историческим путем. Культура наших обеих стран в основном принадлежит к общей для них европейской цивилизации и восходит своими истоками к античности. Непреходящее влияние на духовную жизнь как советского, так и американского народов продолжает оказывать наследие эпохи гуманизма и просвещения. И советский и американский народы разделяют такие близкие им социальные ценности, как право каждого человека на свободу и стремление к счастью, идеалы социального равенства и способности народа к самоуправлению, придают важное значение личной инициативе, предприимчивости и изобретательности людей. Но вместе с тем очевидно, что нельзя умалять, тем более отрицать тех глубоких расхождений, которые существуют между нашими обществами относительно средств, способных воплотить в жизнь эти идеалы, а также социальных механизмов соединения личных и общественных интересов.

Новое мышление несовместимо с неприязнью народов друг к другу, с отравляющими их взаимоотношения недоверием и подозрительностью, с «образом врага», который приписывается иной стороне, с психологией «враждебной окружающей» и «осажденной крепости». И в этом отношении встреча в верхах также стала важным историческим достижением, в значительной мере рассеяв взаимные предубеждения.

После этой встречи, как отмечала «Интернэшнл геральд трибюн», призрак «советской опасности» и «советского экспансионизма» утрачивает в сознании американской общественности свою правдоподобность. В отношении американского народа к Советскому Союзу произошел определенный сдвиг: «Историки со временем оценят всю иронию, которая содержится в том факте, что после семи лет интенсивного наращивания вооружений, направленного на предотвращение предполагаемой советской угрозы, американцы отнюдь не склонны рассматривать русских как наибольшую опасность». Среди них пробивают себе путь иные настроения по отношению к СССР, надежды на потепление советско-американских отношений.

3

Успешное проведение совещания на высшем уровне в Вашингтоне внесло непривычное размежевание в традиционную расстановку сил политических конкурентов — республиканцев и демократов, а также консерваторов и либералов внутри обеих партий. Рейган, которого последнее время, после скандала «Иран-контрас», многие считали «хромой уткой» (так на американском политическом жаргоне называют президента, утратившего реальную власть в стране), вновь обрел прежний престиж и популярность в глазах общественности. Однако республиканская партия оказалась расколотой как никогда в прошлом.

Сейчас в условиях практически начавшейся избирательной кампании, которая обещает быть особенно напряженной и острой, на политической арене США сложилась во многом парадоксальная ситуация. Хотя, согласно опросу общественного мнения, среди рядовых избирателей-республиканцев явно преобладают сторонники советско-американского Договора о РСД и РМД, в верхних эшелонах партии отношение к нему иное. Из пяти претендентов, добивающихся своего выдвижения в кандидаты от республиканской партии на предстоящих осенью 1988 года президентских выборах, лишь один — вице-президент Дж. Буш — неизменно поддерживает этот договор; лидер республиканцев в сенате Р. Доул вплоть до встречи в верхах занимал весьма уклончивую позицию, тогда как остальные претенденты подвергли договор резкой критике. Рядовые избиратели-демократы, если верить опросам, проявляют несколько меньше энтузиазма в отношении договора, тогда как руководство партии и подавляющее большинство сенаторов его активно поддерживают.

Путь к встрече на высшем уровне в Вашингтоне был труден и тернист. Он пролегал сложными географическими и головоломными политическими маршрутами, важными вехами которых стали Женева и Рейкьявик. Договор о ликвидации РСД—РМД, а также другие важные договоренности, достигнутые в итоге переговоров на высшем уровне, стали возможными благодаря новому мышлению и смелым внешнеполитическим инициативам Советского Союза. Мы не собираемся умалять также встречные инициативы и шаги другой стороны. Не только для того, чтобы ввергнуть мир в войну, но и для международной конфронтации достаточно злой воли даже одной стороны, тогда как взаимопонимание и сотрудничество предполагают добрую волю с обеих сторон. Вот почему было бы наивно полагать, что для успешного осуществления договоренностей, достигнутых на встрече в верхах в Вашингтоне, и для последующих крупных шагов на пути к ядерному разоружению и радикальному улучшению советско-американских отношений достаточно лишь нового мышления с нашей стороны — оно жизненно необходимо обеим великим державам. Мы и в дальнейшем рассчитываем, что к нему чем дальше, тем больше будут восприимчивы и наши партнеры в международных отношениях.

У администрации Рейгана, как известно, имеется своя версия сути и истоков переговоров, завершившихся подписанием Договора о ликвидации РСД и РМД, которая усматривает их начало в «нулевом варианте», предложенном президентом еще в 1981 году. Поскольку за океаном этой версии придается столь важное значение как вескому доводу в пользу ратификации договора сенатом США, оспаривать ее было бы неуместно, хотя для нас она выглядит малоубедительной. Во всяком случае, не столь уж важно, кто первым употребил выражение «нулевой вариант». Несравненно более важно обратить внимание на то, что подписанный в Вашингтоне Договор о РСД и РМД идет несравненно дальше по пути сокращения ядерных вооружений двух великих держав, чем первоначально предложенный «нулевой вариант», ибо он предусматривает ликвидацию не одного, а двух классов ракет, то есть представляет собой «двойной ноль», причем не только в Европе, но и на всей территории СССР и США. Иначе говоря, является «глобальным нулевым вариантом» для обеих ядерных держав. Более того, этот договор предусматривает такие меры контроля над процессом ядерного разоружения, которые были немыслимы еще несколько лет назад. Эти меры проверки и контроля не просто увеличивают доверие во взаимоотношениях великих держав, но и представляют собой согласованный между ними механизм, значительно облегчающий процесс дальнейшего ядерного разоружения, а также последующей ликвидации химического оружия и сокращения вооружений обычного типа.

Среди важных соглашений и принципиальных договоренностей, достигнутых на встрече в верхах в Вашингтоне, — взаимное обязательство ускорить и интенсифицировать переговоры о сокращении на 50 процентов стратегических наступательных ядерных вооружений с тем, чтобы соответствующий договор мог быть подписан во время визита президента Рейгана в Москву в первой половине 1988 года.

Руководители СССР и США пришли к соглашению, что процесс ядерного разоружения должен происходить в условиях сохранения стратегической стабильности и при строгом соблюдении Договора 1972 года по ПРО на согласованный и взаимно приемлемый срок. В совместном советско-американском Заявлении на высшем уровне М. С. Горбачев и Р. Рейган подтвердили свое стремление к радикальному улучшению взаимоотношений между СССР и США и к предотвращению военной конфронтации между ними, будь то ядерной или обычной: «Они убеждены, что тем самым они будут также способствовать — совместно с другими странами и народами — построению более безопасного мира в период, когда человечество вступает в третье тысячелетие».

Встреча в верхах наглядно подтвердила, что программа поэтапной ликвидации ядерного оружия к 2000 году, выдвинутая два года назад в Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС, — это не утопия, а вполне достижимая, реальная цель. Выступая на пресс-конференции для журналистов, освещавших встречу в Вашингтоне, М. С. Горбачев сказал: «Когда мы выступили с Заявлением от 15 января и представили свой план поэтапной ликвидации ядерного оружия и снижения военного противостояния во всех сферах, многие говорили — иллюзия. Теперь жизнь посрамила этих прогнозистов».

К тому времени, когда выйдет этот номер журнала, процесс ратификации Договора о ликвидации РСД и РМД в сенате США уже начнется и, как ожидают, продлится до марта — апреля. Сейчас даже наиболее воинственные противники договора, тщательно взвешивая предпочтения сенаторов, не рассчитывают на то, что сенат отклонит этот договор, но они все еще надеются, что в ходе ратификации им удастся сопроводить его дополнениями и по возможности «убийственными» оговорками, которые потребуют последующего возобновления переговоров по нему между СССР и США. Более благоразумные противники договора вроде Б. Скаукрофта, бывшего советника Белого дома, однако, предостерегают, что его отклонение сенатом привело бы к катастрофическому падению политического престижа США в глазах как их союзников, так и мировой общественности. Другие поборники политики «с позиции силы», вынужденные примириться с договором, заклиная администрацию Рейгана рассматривать его не как «первый», а как «последний шаг» в деле сокращения ядерных вооружений.

Тем не менее поворот к улучшению советско-американских отношений в результате вашингтонской встречи в верхах, несомненно, наметился. Он получает одобрение народов обеих великих держав и международной общественности. Процесс ратификации Договора о ликвидации РСД и РМД, обсуждение последующих шагов, направленных на радикальное сокращение ядерных вооружений и оздоровление международной обстановки в целом, будут в текущем году происходить не только в стенах законодательных учреждений СССР и США или в залах для переговоров, но и на мировой арене в общем контексте внешней политики той и другой державы. Вступление договора в силу будет зависеть от взаимного доверия обеих стран, от их активного содействия справедливому мирному решению острых региональных конфликтов на базе национального примирения, от их возрастающего взаимопонимания и сотрудничества в решении глобальных проблем человечества, наконец, от учета ими коренных интересов других народов, всего мирового сообщества.

Вашингтон — Москва.

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАКТИКА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕСТРОЙКИ

Продолжаем публикацию ответов на вопросы «Коммуниста» (см. №№ 14, 15, 18 за 1987 год)

В. В. ЛАЗАРЕВ, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры Академии МВД СССР

1. Обсуждение на страницах журнала «Коммунист» актуальных вопросов развития юридической науки и практики свидетельствует о признании общественной значимости и остроты существующих здесь проблем. Перестройка в юридической сфере — важнейшая предпосылка дальнейшей демократизации нашего общества и одна из главных ее гарантий.

К сожалению, ни в статье Института государства и права АН СССР, ни в предложенных к обсуждению вопросах не акцентируется внимание на государстве как объекте юридических наук. Государствоведение и государствоведческая практика вроде бы и не имеют отношения к юридической науке. Виною тому, видимо, реально существующее положение дел. Ведь бытовую ныне практику решения государственных дел чаще всего без участия правоведов иначе как курьезом не назовешь. Наша пропаганда до сих пор наивно полагает, что компрометирует в глазах трудящихся американский конгресс, указывая на большое число избранных в него юристов. Самые широкие массы трудящихся в состоянии и должны управлять социалистическим государством, но для эффективного правотворчества и умелого применения права работникам, в этом участвующим, необходимо иметь специальную юридическую подготовку.

Между тем органы государственной власти и органы государственного управления, эти основные узлы государственного механизма, еще недостаточно, на мой взгляд, опираются на юридическую науку. Реализация концепции социалистического правового государства на деле должна затрагивать деятельность всех государственных органов, а не сводиться, как это нередко случается, лишь к традиционным требованиям соблюдать законность в работе правоохранительных учреждений.

Поэтому мы не сможем правильно оценить роль законодательства в общест-

венном переустройстве, определить оптимальные направления перестройки юридической сферы, найти средства обеспечения законности и т. д., не решив по крайней мере вопросы, касающиеся: 1) характера реальной государственной власти на разных этапах социалистического строительства; 2) времени и политико-правовых форм завершения построения общенародного государства; 3) соотношения профессионального и общественного начал в деятельности социалистического государства, управленческих и самоуправленческих форм и институтов, законодательной, исполнительной и судебной властей.

И в теории, и на практике хотелось бы видеть более сбалансированную оценку роли законодательства в перестройке экономики и других сфер общественной жизни. Полагаю, что профессор С. С. Алексеев изрядно преувеличивает роль закона и юридических механизмов, говоря, что именно они «способны придать перестройке необратимый характер», «являются незаменимым инструментом, способным сломать механизм торможения» («Коммунист», 1987, № 15, стр. 89). Закон — инструмент сильный, но не все- сильный.

2. Идею общей правовой реформы принимаю с большим опасением. Разумеется, чистить авгиевы конюшни и приводить законодательство в соответствие с новыми общественными потребностями необходимо. Однако всякий раз вопрос упирается в проведение законов в жизнь. Кем и как оно будет осуществляться?

Самое радикальное направление перестройки юридической сферы, по глубокому моему убеждению, — переход, образно говоря, от «государства законов» к «государству философов» — знающих, компетентных и вместе с тем высоконравственных людей, способных утвердить социальную справедливость в каждом конкретном случае. Увы, уровень общей, политической и правовой культуры сегодня таков, что переход этот может отодвинуться в весьма отдаленную перспективу.

Чаще всего, и не без оснований, реформы в праве связывают с внедрением принципа «дозволено все, что не запрещено». Этот принцип в последнее время настойчиво звучит в выступлениях ученых, публицистов, партийных и государственных деятелей. Но никто из специалистов пока не проанализировал, к сожалению, его реальное воплощение в различных сферах общественной жизни, применительно к разным участникам социалистических правовых отношений. А ведь действие названного принципа не может быть безграничным. Во-первых, деятельность государственных органов, должностных лиц, организаций в силу особого их положения и выполняемых функций строится в основном исходя из другого принципа: «дозволено то, что разрешено». Во-вторых, сфера гражданско-правовых отношений покоится, как известно, на возможности использования аналогии в толковании закона и в правоприменительной практике. Поэтому считается вполне правомерным и допустимым запретить гражданину те или иные действия и даже привлечь его к гражданско-правовой ответственности, если существует норма, запрещающая действия, аналогичные рассматриваемым. Существование пробелов в нашем законодательстве, однако, совершенно не учитывается сегодня, к примеру, большинством комментаторов Закона об индивидуальной трудовой деятельности. Безоговорочное утверждение принципа «дозволено все, что не запрещено», далее, полностью лишило бы смысла институт прав и свобод граждан, в том числе основных: зачем их перечислять, если дозволено все, что не попадет под запрет?

3. Необходимо разработать и принять единый нормативный акт, упорядочивающий контрольно-надзорную деятельность, ее основания, порядок, формы, круг полномочных субъектов. Концепция акта: тотальность контроля за общественно значимой деятельностью, гласность, отсутствие закрытых зон, демократизм, единство целей и принципов.

Вершиной контрольно-надзорной деятельности может стать конституционный контроль за обеспечением законности в деятельности всех органов и учреждений. Общий надзор прокуратуры — это теперь становится все более очевидным — оказался бессильным перед лицом ведомственного беззакония.

4. Действительная, а не мнимая автономия правоохранительных органов, равновесие и взаимное сдерживание, подчинение их только закону и высокая ответственность перед законом — главные гарантии неукоснительного соблюдения законности в каждом деле.

С принятием закона о судебном обжаловании неправомερных действий должностных лиц во многом меняется место суда в системе отношений граждан — государство. Другие правоохранительные органы также должны активизировать свою деятельность по защите законных прав и интересов граждан.

5. Юридическое образование, оторванное от жизни, от практики, — схоластическое образование. Но образование, как и наука, не может плестись в хвосте практики. Коль скоро наше общество занялось перестройкой и озабочено ускорением своего развития, образование на полшага, а наука на полный шаг призваны опережать государственно-правовую практику. Они должны быть диалектично критичными по отношению к тому, что делается в органах власти и управления, в суде или органах внутренних дел. Высшее юридическое образование в отличие от среднего специального нельзя делать узкопрофилированным. Высокая степень гуманитаризации, широта, глубина исторического и политического подхода — неперемѐнные условия подготовки современного специалиста.

6. Все разумные и доступные в данный момент средства хороши для повышения правовой культуры. В. И. Ленин предупреждал о невозможности декретировать необходимый культурный уровень законом. Рост культуры общества — процесс естественный, объективный. Если образ жизни людей сориентирован на высокие идеалы и ценности, если в обществе созданы условия, в которых без соответствующих знаний и умения человек не в состоянии занять высокое служебное положение, если узость мировоззрения и скудость интеллекта неизбежно приводят к жизненному фиаско, — можно быть уверенным, что и должностные лица, и рядовые граждане найдут каналы приобщения к культуре, в том числе и правовой. Настаивая на обязательности юридического всеобуча, мы рискуем скопрометировать хорошее дело. Поэтому я за факультативы в школе и институтах, на предприятиях и курсах повышения квалификации всех категорий советских служащих. Правовое просвещение эффективно, если оно связано с общими и профессиональными интересами самих обучающихся.

А. А. АГЗАМХОДЖАЕВ, член-корреспондент АН Узбекской ССР, доктор юридических наук, заведующий кафедрой административного и финансового права юридического факультета Ташкентского госуниверситета имени В. И. Ленина, В. Н. СТАСЬКО, кандидат юридических наук, доцент той же кафедры

2. В статье «Юридическая наука и практика в условиях перестройки» («Коммунист», 1987, № 14) справедливо отмечается необходимость глубокого переосмысления многих устоявшихся положений юридической науки и сложившейся практики.

Преувеличение достигнутого, стремление выдать желаемое за действительное, к нашему общему сожалению, нашли свое отражение и в Конституции СССР. Можно ли полностью согласиться с тезисом о том, что в СССР уже построено развитое социалистическое общество, в котором существуют зрелые социали-

стические отношения? В какой мере эти положения соответствуют новой редакции Программы КПСС? Отвечают ли они реальному положению дел? Представляется, что решаемые в ходе нынешних революционных преобразований задачи, а также лежащие в их основе политические установки должны получить свое закрепление в Основном Законе страны. В нем должна получить отражение и идея общей правовой реформы.

Конституция СССР (статья 6), как известно, провозглашает, что КПСС, являющаяся ядром политической системы советского общества, существует для народа и служит народу. Это высшее законодательное установление впервые дополнительно положением партийной программы о том, что «партия и дальше будет действовать в духе высокой ответственности перед народом». Таким образом, реальным отражением роли КПСС могла бы стать такая конституционная формула: «КПСС существует для народа, служит народу и ответственна перед ним». Кстати, вполне уместно, на наш взгляд, ввести конституционную норму о присяге на верность народу, принимаемой руководителями высших органов государственной власти и управления при вступлении в должность.

Ныне действующая Конституция далеко не исчерпала своего законодательного потенциала. Нельзя, например, не заметить, что некоторые ее нормы не получили адекватного воплощения в актах высших органов государственной власти. Неясна, в частности, судьба закона о референдуме, а также перспектива полноценной реализации статьи 58 Конституции СССР. Закон от 30 июня 1987 года «О порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан», еще не будучи введенным в действие, уже претерпел изменения. Предвидятся они и в дальнейшем. Думается, в ряду причин такого положения — недостаточный учет вариантов решений, предлагаемых юристами — учеными и практиками. Вообще надо отметить, что рекомендации правоведов довольно часто остаются вне поля зрения правотворческих органов. А не покончив с этим, вряд ли можно говорить о перестройке в юридической сфере.

Далее. Основной Закон гарантирует, в частности, свободы собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций (статья 50). Но некоторые исполкомы местных Советов приняли по этому поводу свои решения. Подобную практику нельзя признать нормальной. Думается, порядок реализации названных фундаментальных свобод не подлежит «местному истолкованию». Он должен определяться законодательным актом Союза ССР. В условиях дальнейшей демократизации общественной жизни, развития гласности может потребоваться и закрепление в Конституции СССР права гражданина на получение информации, касающейся его прав, свобод и законных интересов.

Конституционное регулирование основ общественного строя и политики, взаимоотношений личности и государства должно осуществляться с учетом целей и задач современного этапа развития советского общества — революционной его перестройки.

В. И. ЧЕРНЫШОВ, *председатель президиума Ульяновской областной коллегии адвокатов*

4. В настоящем отклике отражена позиция президиума Ульяновской областной коллегии адвокатов, обсудившего помещенные в 14-м, 15-м и 18-м номера журнала за 1987 год материалы под рубрикой «Дискуссии и обсуждения».

Нас, юристов-практиков, по роду своей деятельности призванных защищать права граждан, обвиняемых в правонарушениях и преступлениях, особенно волнует проблема соблюдения законности по каждому без исключения уголовному делу.

Сейчас наступает своеобразный перелом в подходе судов к оценке доказательств, представляемых работниками дознания и предварительного следствия. Свидетельством тому являются примеры надзорной практики 1986—1987 годов, о которых мы знаем и по роду своей работы, и из центральной печати: отменяются приговоры с последующим прекращением уголовных дел в отношении людей, незаконно осужденных кто три, а кто и пять лет назад на длительные сроки лишения свободы за преступления, которых они не совершали.

Материалы этих уголовных дел показывают, что на начальном этапе расследования почти все привлеченные к ответственности за совершение тягчайших преступлений признавались в том, в чем не были виноваты. В судебных заседаниях, а затем в своих жалобах некоторые из них сообщили, как из них выбивали (в прямом смысле) «признания». Однако никакой реакции в адрес «выбивальщиков» признаний в то время не последовало.

Никто не ответил за незаконные осуждения и сейчас, после отмены приговоров и освобождения невиновных из колоний, если не считать увольнения с работы одного из следователей. Но ведь не один же он повинен в содеянном! Кто ответит за то, что невиновные люди годами томилась в заключениях, что искореняли их судьбы, что они потеряли веру в справедливость и законность? Таких фактов по стране слишком много, чтобы не обращать на них внимания.

В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан» отмечается, что «каждый случай нарушения законности, кем бы он ни допускался, должен получать принципиальную острую оценку, подвергаться суровому осуждению, а лица, виновные в этом, по всей строгости наказываться».

Закрепление этого политического тре-

бования в законодательном порядке самым серьезным образом повлияет на укрепление законности в деятельности органов милиции, суда и прокуратуры. Последовательное проведение в жизнь принципа персональной ответственности за нарушение законности способно остудить горячие головы тех, кто в погоне за высоким процентом раскрываемости преступлений сам нарушает закон. Это, несомненно, разбудит от бюрократической спячки тех должностных лиц суда и прокуратуры, которые еще и по сей день продолжают штамповать ответы на надзорные жалобы, ссылаясь при этом на отсутствие оснований для опротестования незаконных приговоров, будучи уверены в том, что если впоследствии такие основания и будут найдены, то уж лично они не понесут никакой ответственности за допущенный формальный подход к рассмотрению жалоб.

В настоящее время на страницах центральной печати широко обсуждается вопрос о том, с какого момента адвокат должен участвовать в уголовном процессе. Идеальный вариант, на наш взгляд, — его участие с момента первого допроса лица, подозреваемого в совершении преступления. Иначе будет повторяться ситуация, которая довольно широко распространена в настоящее время, например, при ведении дел несовершеннолетних, не находящихся под стражей. Их, как правило, допрашивают в качестве свидетелей в течение почти всего времени расследования уголовного дела. А за два-три дня до окончания срока расследования, предъявив обвинение, допрашивают уже в качестве обвиняемых и в тот же день объявляют об окончании расследования. Это сводит роль защитника к минимуму — поучаствовать в одном допросе, в кратчайший срок попытаться изучить все материалы дела и заявить необходимые ходатайства, которые следователи, кстати, зачастую ничтоже сумняшеся отклоняют, ссылаясь на нехватку времени для их удовлетворения.

Говоря о расширении прав защиты, нельзя обойти молчанием выступление профессора А. Д. Бойкова в 18-м номере «Коммуниста». Его ссылка на обобщение практики семидесятих годов для подтверждения низкого качества работы адвокатов является малоубедительной, так же как и рассуждения о необходимости балансировать заработную плату адвокатов и других юристов, в том числе прокуроров. Зарботок адвокатов складывается из средств клиентов, и государство здесь никаких расходов не несет. Бесспорно, что ограничение в зарплате адвоката, особенно на предварительном следствии, уменьшает его заинтересованность и возможности для активизации своего участия на этой стадии уголовного процесса, что, вероятно, на руку именно противникам расширения такого участия. Нельзя не отметить в порядке реплики А. Д. Бойкову, что оклады части прокурорских работников значительно выше,

чем заработная плата адвокатов. Что же касается нагрузки, которую испытывает работающий в одиночку защитник по сравнению с работником влиятельного прокурорского коллектива, обеспечиваемого поддержкой всех государственных служб, то она достаточно велика.

Расширение прав адвокатуры в уголовном процессе — вопрос очень серьезный, сложный и важный, и мы надеемся, что в ходе предстоящих изменений уголовно-процессуального законодательства он найдет положительное решение.

Работники адвокатуры кровно заинтересованы в создании своего общественного союза. Сама жизнь, думается, подвела их к этому решению. Мы представляем себе Союз советских адвокатов как общественную организацию, свободную от громоздкого бюрократического аппарата, обладающую правом законодательной инициативы и оперативно решающую или помогающую решать все наболевшие вопросы адвокатуры, сплотившую на демократической основе все коллегии адвокатов страны.

Ведь не секрет, что в настоящее время адвокатура получает от Министерства юстиции в своей повседневной деятельности самую мизерную помощь. Коллегии адвокатов сами как-то «кооперируются», обмениваются методическими пособиями, рекомендациями, текстами лекций и т. п., делятся опытом работы. И все это, как правило, без участия министерства.

5. Сегодня современным требованиям явно не отвечает прежде всего уровень подготовки юристов-заочников. Приходится зачастую этих специалистов доучивать «на ходу». Пора, видимо, вообще задуматься и решить: а можем ли мы держать на ответственных должностях юристов, имеющих в своем дипломе сплошные «тройки», то есть в лучшем случае знающих право только на «удовлетворительно»? Ведь именно такие «спецы», попав на работу в суд или прокуратуру, допускают больше всего ошибок, плата за которые — изломанные судьбы, а то и жизни людей. Было бы, полагаем, справедливо запретить слабо подготовленным юристам (а это можно выяснить, не только взглянув в их диплом, но и в ходе аттестации) занимать должности следователя, судьи, прокурора или адвоката. Поработали бы несколько лет, допустим, юрисконсультами на производстве, восполнили бы пробелы в знаниях. И лишь затем, в зависимости от итогов проверки их знаний и квалификации специальной комиссией из ведущих юристов области или края, они могли бы получить допуск к ответственной работе в органах юстиции. Такой порядок стал бы серьезной гарантией предотвращения зачастую невосполнимого ущерба, который причиняется обществу действиями малограмотных юристов.

А. Ф. ЗЕЛИНСКИЙ, доктор юридических наук, профессор Харьковского юридического института

2. В условиях демократизации и гуманизации нашего общества бесспорно следует пересмотреть некоторые положения уголовного и исправительно-трудового законодательства. При этом полезно помнить о сравнительно недавнем прошлом. Действующий Уголовный кодекс РСФСР, к примеру, вступил в действие 1 января 1961 года, а уже 25 июля 1962 года многие его статьи подверглись существенным изменениям. Работа эта продолжается по сей день, и от первоначального варианта осталось немного. То же наблюдается во всех союзных республиках.

Некоторые важнейшие нормы перекраивались по несколько раз. Например, возможности условно-досрочного освобождения от отбывания наказания то расширялись, то, наоборот, сокращались. Недавно права на условно-досрочное освобождение лишились некоторые категории осужденных. Не могут они рассчитывать теперь и на перевод в колонию-поселение. Вряд ли это будет способствовать их исправлению. По моему глубокому убеждению, гуманности и педагогическому оптимизму, присущим советской исправительно-трудовой политике, противоречит практика официального признания отдельных осужденных особо опасными рецидивистами. Это напоминающее средневековые клеймение преступников выглядит в конце XX столетия нелепым анахронизмом, противоречит гуманной сущности социализма. А главное, подобная мера препятствует адаптации в обычных условиях жизни «на воле» и провоцирует новые преступления.

Колонии-поселения с некоторых пор широко используются для исправления осужденных к лишению свободы за неосторожные, а также многие умышленные преступления, не являющиеся тяжкими. Большинство обитателей таких колоний не нуждается в длительном исправительно-трудовом воздействии. Вместе с тем отрыв от семей и привычных занятий в течение продолжительного времени, малоквалифицированный труд, неблагоприятный нравственно-психологический климат и фактическая бесконтрольность поведения создают реальную опасность превращения «разового», если можно так сказать, преступника в рецидивиста. Перечень осужденных в недавнем прошлом довольно сомнительных нововведений, часто совершенно неожиданных, можно было бы продолжить.

Во многом это объясняется тем, что долгие годы в уголовно-правовой теории господствовал схоластический подход к действующему законодательству, догматический метод исследования. Вряд ли сегодня нам удалось избавиться от названных «недугов». Думаю, только комплексные исследования проблем преступления и наказания, личности преступника и средств его исправления с применением социологических и психологических методов помогут создать проекты хороших законов.

В статье, подготовленной Институтом государства и права АН СССР, справедливо указывается на необходимость решительной перестройки юридического мышления. Одно из направлений такой перестройки — изменение отношения юристов к психологической науке. Очень долго упрек в чрезмерной «психологизации» правовых явлений воспринимался как серьезное обвинение, хотя никто еще не показал, чем угрожает праву и законности изучение психических закономерностей поведения человека и в каких случаях углубление юриста в сферу психологии следует считать чрезмерным.

Обладающая всеми правами гражданства нынешняя психологическая база учения о преступлении и наказании явно устарела. Унаследованное от старой классической школы, это учение все еще остается на уровне представлений XIX века. Как и в стародавние времена, преступное поведение рассматривается как обязательно осознанное и волевое. Авторы выходящих в свет монографий и курсов лекций упорно не замечают, что в наше время большинство так называемых ситуативных правонарушений носит импульсивный характер. Этому способствуют некоторые новые проявления современного мира, порождающие нервно-психические расстройства, алкоголизм и наркоманию. Отождествление сложной и противоречивой человеческой психики с сознанием, давно отвергнутое в психологии, приводит к попыткам рассматривать индивида как кибернетическую систему. А это, в свою очередь, является основанием для ориентации на кару, наказание как на меры, дающие общепреventивный эффект. Отсюда и теоретическое оправдание отказа от применения кратких сроков лишения свободы — испытанного средства воздействия на преступника «случайного», не нуждающегося в ресоциализации. Эти и другие вопросы требуют сегодня новых подходов.

В. Т. ГЕРАСИМОВ, *пилот I класса, кандидат технических наук, член Советской ассоциации международного права*

2, 3. Одним из главных направлений в перестройке нашей правовой системы является тщательный анализ существующих и разработка новых, более совершенных, отвечающих современным требованиям правовых норм, связанных с эксплуатацией техники. Хотелось бы обратить внимание на один из аспектов ведомственного нормотворчества, о большом вреде которого в последнее время много и справедливо говорится и пишется.

Целесообразно, думается, предусмотреть меры уголовной ответственности за некачественные, вредные рекомендации, содержащиеся в документах по эксплуатации техники, в результате применения которых может возникнуть и развиваться аварийная ситуация. Сделать это тем более необходимо, что цена ошибки человека — оператора современного машинно-

го комплекса постоянно растет. И потому вероятность ошибки, от которой в принципе не застрахован ни один человек, должна быть, таким образом, сведена к минимуму либо действиями других людей, либо надежным техническим решением. И то, и другое должно быть предусмотрено в соответствующих документах. Насколько насущны все эти требования, сужу по близкой мне области — авиации.

Так, при расследовании большинства авиационных происшествий выявляются существенные недостатки в эксплуатационных документах, которые содействовали, способствовали, а иногда и стали главной причиной происшествия. Эти документы разрабатываются и утверждаются в высших эшелонах управления отраслью, то есть там же, где производится разбор происшествия и готовится приказ по итогам этого события. Поэтому руководители и активные участники ведомственного нормотворчества остаются «за кадром», а посему продолжают и далее без должной ответственности, как свидетельствует практика, относиться к разработке инструктивных документов. К тому же суды чаще всего наказывают, так сказать, непосредственного виновника происшествия, то бишь «стрелочника», а он зачастую является не только (и не столько) преступником, сколько жертвой технически некачественной инструкции. Поэтому истинная причина аварии остается в тени, а значит, происшествия повторяются.

В обращении с техникой возникает множество сложных психологических ситуаций, изучение которых находится еще в зачаточной стадии. Лимит или дефицит времени, психологический груз большой ответственности за принимаемые решения и последующие действия, максимальная концентрация внимания и интенсивность мышления, высокая степень готовности к нестандартным решениям и действиям или, напротив, монотонность операций, снижающая порог бдительности, так называемая психология скуки — все это реально существует в повседневной практике, и не учитывать влияния этих факторов нельзя. Пока же мы в достаточной мере не знаем о механизме их действия. А без этого знания невозможна успешная профилактика происшествий.

Уповать здесь на запреты и репрессии — значит совершать большую ошибку. Что касается пилотов, то большинство государств, как известно, воздерживается от их привлечения к уголовной ответственности, считая, что это может

иметь серьезные отрицательные последствия для безопасности полетов. Аналогичной точки зрения придерживается и Международная организация гражданской авиации (ИКАО), членом которой является и Советский Союз.

6. В профилактике нарушений большая роль принадлежит правовой пропаганде, правовому воспитанию граждан. В этой важной и ответственной работе просматриваются три основных направления.

Во-первых, повышение качества подготовки юристов, более тесная увязка ее с практикой, развитием науки и техники. Овладение современной техникой, вопросы взаимодействия с ней человека — неперемное условие доброкачественного надзора за соблюдением правил безопасности, повышения эффективности осуществляемых профилактических мероприятий, точного определения степени виновности участников происшествия и справедливости их наказания. Достичь этого можно лишь при наличии постоянного и делового взаимодействия юристов с органами ведомственного и вневедомственного контроля.

Во-вторых, требуется повысить правовые знания руководителей. Особенно важно добиться этого в отраслях, где действует Устав о дисциплине, в частности гражданской авиации. Целесообразно ввести обязательную правовую подготовку руководителей всех рангов по специальным программам первоначального обучения, а затем периодически повышать уровень этой подготовки. Заниматься этим должны специалисты научных организаций Министерства юстиции и Прокуратуры СССР, юристы министерств и ведомств.

В-третьих, необходим правовой всеобщ, дабы ликвидировать юридическую малограмотность населения. Каждый гражданин обязан владеть хотя бы элементарными юридическими знаниями. Прав и обязанности, ответственность за нарушение правил поведения в обществе, соблюдение техники безопасности в быту и на производстве, нормативные акты и государственные законы — все это следует обязательно изучать каждому гражданину, особенно непосредственно обслуживающему сложнейшую современную технику. Учить этому надо постоянно, целенаправленно, с детства. Тогда нормы, регулирующие поведение работника, не будут ему в тягость, а их соблюдение войдет в привычку. Обернутся же правовые знания и затраты на их приобретение тысячами спасенных жизней.

А. ХАММЕР

ЛЕНИН: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ И ЧЕЛОВЕК

...1921 год. Газеты многих стран сообщают о голоде и эпидемиях в России. Молодой американский врач и бизнесмен Арманд Хаммер, успевший составить в свои двадцать три года миллионный капитал, был потрясен до глубины души, как он сам писал, этими сообщениями. И он принимает решение, удивившее многих: отправиться в Россию, чтобы оказывать врачебную помощь больным.

Приехав в Москву, Хаммер подарил народному комиссариату здравоохранения хирургические инструменты на большую сумму. Затем побывал на Урале с группой иностранных представителей в сопровождении председателя Главметалла Людвига Мартенса. Именно во время этой поездки у него родилась мысль начать с русскими торговлю, а также помочь в восстановлении уральской промышленности. Узнав об этом, В. И. Ленин с глубокой заинтересованностью отнесся к предложению американского бизнесмена. Он счел необходимым сообщить о нем членам Политбюро ЦК РКП(б), а затем 22 октября 1921 года принял Хаммера для беседы. В ходе этой встречи была достигнута договоренность о том, что Хаммер возьмет концессию на разработку месторождения уральского асбеста.

Этому делу Владимир Ильич уделял большое внимание. Ознакомившись с текстом договоров о поставках хлеба и о концессии, он дал распоряжение взять их под строгий контроль и постоянно следить за тем, как выполняется его поручение. Перед отъездом Хаммера из Москвы Ленин писал ему: «Это начинание крайне важно. Я надеюсь, что оно будет иметь огромное значение» (Полн. собр. соч., т. 53, стр. 324).

Полученная Армандом Хаммером концессия развивалась успешно. Позднее, в 1925 году, молодой бизнесмен взял и другую концессию — на этот раз по производству и сбыту канцелярских товаров, которую возглавлял до 1930 года. Деловые отношения с нашей страной Хаммер активно возобновил в 1972 году, когда его компания заключила соглашение на поставку минеральных удобрений, покупая взамен аммиак и мочевины. А сейчас, когда в условиях перестройки у нас стали создаваться смешанные предприятия с привлечением иностранных фирм, возглавляемый Хаммером концерн проявил серьезную заинтересованность в этом новом деле.

Впервые о своей встрече с В. И. Лениным Арманд Хаммер рассказал в 1926 году на страницах издававшейся в Ленинграде «Красной газеты». В последующие годы он не раз возвращался к событиям тех давних дней, дополняя первоначальный рассказ новыми подробностями. Наиболее полно он пишет о встрече с В. И. Лениным в мемуарах, изданных в Нью-Йорке в 1987 году¹.

Ниже публикуется реферат главы, посвященной В. И. Ленину.

В своей книге Хаммер повествует о том, как, вернувшись из поездки на Урал в октябре 1921 года, он был поражен теми переменами, которые произошли в Москве в его отсутствие — если прежде улицы города были пустыми, то теперь кишели людьми. Везде он видел рабочих, срывающих доски со входов в магазины, вставляющих стекла в разбитые витрины, красивших и штукатуривших здания.

«Мои спутники-пассажиры, — пишет в мемуарах Хаммер, — которые были удивлены не меньше меня, начали наводить справки. «Нэп, нэп», — отвечали им. Это была новая экономическая политика,

только что введенная Лениным, несмотря на значительную оппозицию со стороны некоторых из его коллег. Только сам Ленин мог стать инициатором этой политики, обозначившей одну из наиболее драматических и решительных перемен в истории нашего века; и Ленину пришлось опереться на колоссальные резервы доверия к нему, на всю свою магическую силу убеждения товарищей. Если бы нэп был предложен кем-либо еще, этого человека, наверное, расстреляли бы как предателя революции.

Декрет, вводивший нэп, был опубликован в Москве 9 августа. Казалось, что он означает не что иное, как отказ от коммунизма и восстановление капиталисти-

¹ Armand Hammer with Neil Lindon. Hammer. New York, 1987, 544 p.

ческих методов. Как заявил Ленин тогда и как это подтвердили события позднее, нэп не был признанием полного провала, как его называли критики и враги Советов. Он означал скорее государственный социализм, чем коммунизм, и сохранял контроль государства над промышленностью, над всем хозяйством. Однако он открыл двери частной инициативе, разрешив людям работать, делать бизнес старым образом — ради денег — и получать соответственно деньгами, а не талонами, как было принято раньше.

Непосредственным результатом введения нэпа стало огромное количество самых разнообразных товаров, появившихся как по волшебству. Полки только что пустых магазинов были полны вещей, которых люди не видели с момента большевистской революции 4 года назад...

Понадобилась магия нэпа, чтобы доставить все эти товары из тайников в подвалах, амбарах, тайных закутков. На своем начальном этапе нэп предоставил частным лавочникам гораздо более широкое поле деятельности, чем они имели позднее, и не будет преувеличением сказать, что эта мера дала первый толчок экономическому восстановлению России. Одним решительным шагом Ленин спас революцию» (стр. 112—113).

Описывая перемены, происшедшие после введения нэпа, Хаммер не обходит и теневых сторон, говорит о том, что наряду с достоинствами возрожденной энергии пришли проституция, азартные игры, всевозможные незаконные сделки. Те, кто наживался и богател в новой обстановке, вызывали немало нареканий. Отмечает он и то, что по Москве начали циркулировать шутки и анекдоты по поводу ненавистных нэпманов.

Через день после возвращения в Москву Хаммера срочно вызвали в Наркомат иностранных дел. Там ему объяснили, что получили телефонограмму из приемной Ленина, в которой говорилось, что он хочет немедленно с ним встретиться.

«...Я вошел в большую комнату, — пишет далее автор мемуаров, — полную людей, работавших за конторками, подобно тому, как это делается в любой большой американской компании, и был проведен к двойной двери, которая вела в кабинет Ленина, его секретарем Марией Игнатьевной Гляссер (секретарь СНК. — *Прим. ред.*). Она знала самые большие секреты «красного диктатора», пользовалась его полным доверием и никогда ни в коем случае не использовала свое служебное положение для собственной выгоды или ради своих друзей.

Ленин поднялся из-за письменного стола, чтобы встретить нас у дверей. Он был меньшего роста, чем я полагал, — плотный небольшой человек ростом 5 футов три дюйма с большой головой и рыжеватой бородкой, носивший темно-серый костюм с белым воротничком и черным галстуком. Его глаза искрились дружеским теплом, пока он пожимал нам руки и проводил нас к кожаным креслам воз-

ле большого письменного стола. Мы сидели так близко друг к другу, что наши колени почти соприкасались» (стр. 115).

Вкратце описав обстановку комнаты, в которой происходила встреча и которая хорошо известна ныне миллионам людей, посетившим этот кабинет, Хаммер подробно вспоминает о разговоре с Лениным.

«В течение часа с небольшим, — пишет он, — пока продолжался наш разговор, я был абсолютно поглощен личностью Ленина. Его сила концентрации была колоссальной. Когда он говорил с вами, он заставлял вас чувствовать себя самой важной личностью в его жизни. Он приближал свое лицо близко к вашему, прищуривая левый глаз, а правым вглядываясь в вас так, как будто пытался прощупать вас до глубины души. К концу нашей беседы я чувствовал себя настолько покоренным им, что мог бы довериться ему до конца» (стр. 116).

Беседа шла на английском, ибо после вопроса Ленина, на каком языке предпочитает разговаривать гость, тот сказал, что пока еще предпочитает родной язык. Первое, на что обращает внимание автор мемуаров, был вопрос о взаимоотношениях Советской Республики с США.

«Наши две страны — Соединенные Штаты и Россия, — пояснял Ленин, — дополняют друг друга. Россия — отсталая страна с громадными природными богатствами. Соединенные Штаты могли бы найти у нас сырьевые материалы и рынки для машин, а позднее и для готовых изделий. Россия прежде всего нуждается в американской технологии и методах работы, в американских машинах, инструментах и наставниках. Ленин взял в руки журнал «Сайентифик америкэн».

— Смотрите, — сказал он, быстро проглядывая журнал. — Вот что сделал ваш народ. Вот что означает прогресс: здания, изобретения, машины, механические помощники человеческих рук. Нам нужны знания и дух, которые сделали Америку такой, какая она сегодня.

Несколько раз во время разговора нас прерывали секретари с бумагами. Ленин отсылал их.

— Вы путешествовали по России? — спросил он вдруг.

Я ответил, что провел почти месяц на Урале и в районе, где был голод.

Его лицо изменилось. Живость в глазах погасла, появилось выражение бесконечной печали. В этот момент я понял, какой груз ответственности лежит на плечах этого человека.

— Да, — сказал он медленно. — Голод... Я слышал, что вы хотели заняться оказанием медицинской помощи... Да... Это хорошо, мы в этом очень нуждаемся, но... у нас достаточно своих врачей. Что нам нужно — это аме́й канские бизнесмены, которые могут работать, как вы умеете. Вы посылаете нам корабли с зерном, чтобы спасти жизни мужчин, женщин и маленьких детей, которые иначе погибли бы этой зимой. Эти бедствующие люди благодарят Вас, и я присоединяю мою скром-

ную благодарность от имени правительства.— Ленин внезапно остановился, очевидно, пытаясь справиться с нахлынувшими слезами.

— Что нам действительно нужно? — Его голос окреп, а глаза вновь оживились.— Это американский капитал и техническая помощь, чтобы колеса нашей экономики вновь начали вращаться.

Я сказал, что видел на Урале много сырья и рабочей силы, что многие фабрики в лучшем состоянии, чем я ожидал.

Ленин кивнул головой.

— Да,— сказал он,— это так. Гражданская война все приостановила, и нам теперь надо начинать заново. Новая экономическая политика требует развития наших экономических возможностей. Мы надеемся ускорить этот процесс путем создания системы промышленных и коммерческих концессий иностранцами. Перед Соединенными Штатами откроются большие возможности. Думали ли Вы обо всем этом?

Я ответил, что один из моих попутчиков по поезду, горный инженер, хотел заинтересовать меня асбестовыми рудниками в Алапаевске, у которых как будто неплохое будущее. Я добавил несколько слов о том, что моя фирма незначительна.

Ленин остановил меня.

— Дело не в этом,— сказал он.— Здесь Вы не правы. Кто-то должен взломать лед. Почему Вы сами не возьмете асбестовую концессию?

Я был поражен в этот момент той исторической возможностью, которую Ленин предлагал мне. Инстинктивно я ощущал скептицизм насчет возможности начать такую работу. Из того, что мне удалось наблюдать в делах русских, казалось, что только подготовка подобной сделки займет много месяцев. И я сказал что-то об этом.

Ленин мгновенно схватил мою мысль.

— Бюрократия,— сказал он,— это одно из наших проклятий. Я все время говорю об этом. Вот что я теперь сделаю. Я назначу специальную комиссию из двух человек, один из которых будет связан с комиссариатом рабоче-крестьянской инспекции, а другой — с Всероссийской чрезвычайной комиссией (известная в обиходе как «Чека»), чтобы решать вопросы и оказывать Вам всю необходимую помощь. Вы можете быть уверены, что они будут действовать без промедлений. Мы сейчас же сделаем это.

Так на моих глазах был создан зародыш того, что позднее выросло в Концессионную комиссию Советского Союза (Главный концессионный комитет при СНК.— *Прим. ред.*).

— Вы будете договариваться обо всем с ними,— продолжал Ленин быстро.— И когда Вы достигнете какого-то предварительного согласия, дадите мне знать. По нашему мнению мы должны создать ус-

ловия, которые позволят концессионерам делать в России деньги.

...В заключение он сказал: «Не беспокойтесь слишком много о деталях, я прослежу, чтобы с Вами обошлись справедливо. Если Вы что-нибудь захотите, пишите или сообщайте мне. Когда Вы заключите временный контракт,— продолжал он,— мы без задержек одобрим его в Совете Народных Комиссаров. То, что мы решаем,— осуществляется. Это Вы понимаете.— И опять он сделал решительный, подчеркивающий жест правой рукой.— Вообще же, если необходимо, я даже не буду дожидаться заседания Совнаркома. Такого рода дело легко решить по телефону».

Ленин в точности выполнил свое обещание. В неимоверно короткий срок я оказался первым американским концессионером, обязавшимся начать перестройку промышленной отрасли, о которой я не имел никакого представления.

Вглядываясь в даль лет, вспоминая это памятное интервью, я изо всех сил пытаюсь выделить самое впечатляющее в нем. Я думаю, вот в чем оно состояло: перед тем, как войти в кабинет Ленина, я в такой мере находился под впечатлением колоссального уважения, которое он вызывал среди своих сторонников, что почему-то ожидал увидеть сверхчеловека, необычную и грозную личность, одинокую и отъединенную от человечества. Но все оказалось наоборот. Разговаривать с Лениным было все равно что разговаривать с близким другом, с другом, который понимает тебя. Его заразительная улыбка и живая речь, его искренность и естественность совершенно обезоружили меня.

Ленина называли беспощадным фанатиком, жестоким и холодным. Я отказываюсь в это верить. Как раз его необычайная человечность, его теплый личный магнетизм и полное отсутствие самолюбования, самоутверждения и делали его великим, помогая ему успешно объединять, приводить к общему знаменателю сильные и соперничающие устремления его коллег» (стр. 116—118).

В главе «Ленин» изложены впечатления Хаммера о Владимире Ильиче, его оценки вождя русской революции. Но и в следующих главах автор мемуаров еще не раз возвращается, хотя и отрывочно, к Ленину, снова и снова говорит о значении нэпа для страны. Рассказывает он и о том, как Ленин помогал ему преодолевать различные бюрократические рогаки, возникшие при организации первой концессии. Еще и еще раз он отмечает, что встреча с Лениным направила по другому пути весь ход его жизни. «Слегка коснувшись моей жизни,— пишет он,— Ленин диаметрально перевернул ее. Такое под силу лишь великим лидерам» (стр. 121).

ЖИВОЙ ВОПРОС ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Революция в сфере национальных отношений, давшая простор расцвету и сближению наций и народностей СССР, имеет всемирно-историческое значение. Это выдающееся достижение социализма — предмет нашей законной гордости. Но социализм не стоит на месте, он развивается, продолжая дело Великого Октября. Необходим дальнейший прогресс и межнациональных отношений. Он тесно связан с решением все новых и новых экономических, социальных и культурно-воспитательных задач. Требуется постоянное внимание и комплексный подход к осмыслению данной проблематики и к разработке и проведению в жизнь практических мер.

Такая активная позиция была исходным пунктом работы республиканской научно-практической конференции, проведенной в прошлом году в Алма-Ате. Материалы конференции изданы отдельной книгой¹ и, несомненно, представляют интерес для нашего читателя. Известные декабрьские события 1986 года были правильно оценены республиканской партийной организацией. Они послужили толчком не только к принятию неотложных конкретных мер, но и к тщательному, всестороннему, осуществляемому в широком историческом контексте анализу реального состояния межнациональных отношений в республике, достижений и упущений в их развитии, а также уровня организационной и идейно-воспитательной работы партийных комитетов, советских и хозяйственных органов, учреждений образования и культуры, общественных организаций, творческих союзов. Такой многоплановый разбор, очевидно, нужен при решении любой актуальной, назревшей проблемы, и это подтверждает постановление ЦК КПСС о работе республиканской партийной организации Казахстана, имеющее принципиальное, общепартийное значение.

Успешному решению национального вопроса, отмечается в книге, способствовало обоснованное В. И. Лениным органичное соединение борьбы за социализм с борьбой за демократию. «В основу ленинской национальной политики при этом были положены два взаимосвязанных принципа: во-первых, величайшая забота о всемерной свободе и развитии наций и народностей страны, оказание им всяческой помощи, максимальное внимание к их нуждам и запросам; во-вторых, осуществление политики сближения пролетариев и полупролетариев разных наций в совместной революционной борьбе, обеспечение тесного сплочения народов в интересах социалистического преобразования общества, преодоления сопротивления свергнутых эксплуататорских классов, поддер-

живаемых всей мощью международного капитала» (из доклада секретаря ЦК КП Казахстана *З. К. Камалиденова*, стр. 4—5). Ленинская национальная программа охватывала широкий круг вопросов, в том числе: обеспечение свободы развития больших и малых народов; развитие национальных отношений на основе полного равенства и добровольного сотрудничества народов; равное право народов на создание своей национальной советской, социалистической государственности, помощь больших развитых наций малым нациям и народностям в ликвидации фактического неравенства — в экономической, политической и культурной областях; обязательное и последовательное проведение демократического централизма в государственном строительстве в условиях многонациональной страны.

Развитие всех сторон жизни социалистического общества требует продуманной, настойчивой работы, опирающейся на глубокое научное осмысление реальности, новых ее явлений и процессов. Самотек социализму противопоказан. Однако, отмечается в докладе, «многие из нас, в том числе и ученые, в свое время придерживались мнения, что построение социализма автоматически снимает проблемы национальных отношений. Говорить о них считалось попросту неприличным. Из нашего лексикона постепенно исчезли такие слова и понятия, как «национализм», «борьба против феодально-байских пережитков», и т. п. Реальная же действительность наших дней убеждает: социалистическая революция создает объективные предпосылки для решения национального вопроса. Но его успешное решение зависит от последовательного претворения в жизнь ленинских принципов национальной политики» (стр. 6). Любая вялость, пассивность в решении этих проблем, тем более искажения (например, в кадровой политике, в социальной сфере) неизбежно создают условия для негативных явлений в отношениях между людьми разных национальностей, для оживления националистических настроений. «Интернационализация общественной жизни наций и народностей — это объективная закономерность развития нашего общества, — говорил проректор Алма-Атинского ВПШ *А. С. Колдашов*. — Однако, если развитие национальных отношений, как и других, не будет регулироваться сознательной деятельностью людей, то в них будет возрастать стихийное начало. Об этом со всей жестокой определенностью напомнили нам декабрьские события в Алма-Ате, одним махом покончившие с нашим благодушием в этом отношении» (стр. 83).

В докладе и выступлениях участников конференции подчеркивалась важность осуществления выработанной партией активной социальной политики, в частности, для преобразования тех сторон быта, ко-

¹ «Ленинские принципы национальной политики КПСС и актуальные задачи интернационального воспитания». Алма-Ата, изд-во «Казахстан», 1987, 180 стр.

торые хранят консервативные, чуждые социализму элементы организации жизни людей, традиции и привычки. «...Быт и бытовые отношения характеризуются достаточно выраженной преемственностью. Она проявляется в исторически сложившихся формах и способах удовлетворения материальных и духовных потребностей за пределами производства и общественно-политической деятельности, в характере взаимоотношений и взаимосвязей людей в этой сфере, в комплексе обрядов, традиций и нравов, составляющих внутренний уклад жизни социальных групп, наций и народностей.

Становление и развитие интернациональных черт в духовной сфере быта (традиции, обряды, праздники) происходят медленнее и сложнее, чем процессы в его материальной стороне» (стр. 9). Поэтому в центре внимания всегда должны находиться «дальнейшее развитие всего прогрессивного в жизни народов СССР, в том числе прогрессивных традиций в сфере быта, преодоление всего того, что тормозит движение вперед, всемерное укрепление единства и сплоченности наций и народностей, формирование и развитие интернациональных черт образа жизни» (стр. 9—10).

Национальное и интернациональное не противостоят друг другу, поскольку речь идет о социально-нравственных и культурных ценностях, обогащающих общественную жизнь, способствующих прогрессу и единству социалистических наций. Но нельзя допустить, когда «национальной спецификой» прикрываются отжившие, чуждые социализму явления. «Мы должны,— говорилось на конференции,— объявить беспощадную войну традициям и пережиткам, которые находятся в явном противоречии не только с традициями советского образа жизни, но и с законом, а в нравственном плане оскорбляют достоинство и честь человека» (стр. 10). Подчеркивалось, что факты выдачи замуж несовершеннолетних девушек, несовместимые с трудовым образом жизни религиозные традиции, «калым», подкуп ценными подарками, закармливание молодежи, выработка у нее пренебрежительного отношения к физическому труду, пьяные застоли и т. п. идеологически и нравственно чужды нашему обществу, они наносят большой вред делу совершенствования социалистического образа жизни еще и тем, что при отсутствии должного отпора могут воспроизводиться, заражать все больше людей.

«Формирование и рост национального самосознания как момент развития интернационалистического — прогрессивное явление,— пояснил заведующий кафедрой философии Казахского пединститута имени Абая К. Ш. Шулембаев.— Но при этом важно помнить, что отрыв становления и расцвета национального от интернационального может привести к тенденциям обособленности, национальной кичливости, неуважительному отношению к другим нациям и народностям, то есть поро-

дить национализм и даже шовинизм» (стр. 157).

Попытки преподнести пережитки, негативные явления под «национальной» оболочкой встречаются пока еще нередко и, как правило, они демагогичны. «Носители националистических пережитков порой умело маскируются, а свои ошибочные взгляды, действия выдают за «правду», за политику партии. У таких людей недооценка общения с братскими народами может выглядеть как желание использовать до конца свои возможности, проявление местничества — как стремление добиться благополучия своего края, недоверие к инонациональным кадрам — как законное стремление выращивать свои собственные кадры. Сложность этих явлений состоит в том, что они могут быть как следствием заблуждения, так и следствием лицемерия» (стр. 18). Маскировка националистических шатаний вынуждена: они противоречат делу социализма. У них нет классовых корней, нет и не может быть в нашем обществе и массовой поддержки. «Но при глубоком рассмотрении проблемы,— отметил заведующий отделом Института философии и права АН Казахской ССР М. М. Сужиков,— можно установить, что в решающие моменты революционной борьбы за совершенствование социализма в условиях искажения деятельности определенных групп людей социальной и национальной политики, снижения роли идейно-воспитательной работы происходит деформация общественных отношений, в том числе и межнациональных. Все это порождает общие и специфические причины появления рецидивов национализма» (стр. 31—32). И далее: «Местничество, национальный эгоизм, кичливость, тщеславие есть конкретные виды, формы проявления национализма, они означают проповедь национальной исключительности, пренебрежение к другим нациям, противопоставление интересов отдельной национальности другим и в целом интересам советского народа. Они также проявляются в идеализации дореволюционного исторического прошлого, в отказе от принципа партийности при освещении вопросов культуры, литературы и искусства, общественных наук, в сохранении и восхвалении вредных, архаических бытовых, родовых обычаев, обрядов, отождествлении религиозного с национальным» (стр. 32).

Нередко ведется настоящая спекуляция на естественно возросшем интересе людей к историческому прошлому, причем занимаются этим не только идеологи религии. Проявляют не критическое отношение ко всему, что было в прошлом, порой представители интеллигенции вполне «светской». Вот как это оценил К. Ш. Шулембаев: «Каждый народ с уважением относится к своим традициям. Но когда изменяет чувство меры в их соблюдении, то добрая традиция превращается в свою противоположность. Некритическое отношение к религиозной оценке истории,

нравственно-духовных ценностей народа может привести к глубоким заблуждениям, из-за чего уважение к истории способно на определенном этапе превратиться в своеобразный культ, потеряв свое позитивное содержание» (стр. 156). Иначе говоря, корни националистических предразсудков уходят в историю, однако произрастать они могут в условиях социалистического строя только при искаженном отношении к прошлому, при смещениях в оценке духовных ценностей, при серьезных недостатках и ошибках в политической, идеологической работе. Вредное влияние оказали, как отметил заведующий отделом Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР *М. К. Козыбаев*, «застойные тенденции, чуждые социализму явления. К их числу следует отнести бюрократические, несоциалистические по сути акции культа личности, субъективизма и волюнтаризма, культа «должности», протекционизм, взяточничество и другие лики перерожденчества» (стр. 162).

Подобные грубые ошибки и обнаружались в работе прежнего руководства республики. Они усилили застой в экономическом развитии, болезненно сказались на нравственно-политической атмосфере и духовной жизни. Анализ положения в различных ее сферах, критика недостатков и предложения мер по их преодолению содержались в выступлениях второго секретаря правления Союза писателей Казахстана *А. Кекильбаева*, председателя Казсовпрофа *Э. М. Жакселекова*, заведующей сектором национальных отношений Алма-Атинского обкома КП Казахстана *В. Г. Ушаковой*, секретаря парткома Казахского государственного университета имени *С. М. Кирова В. В. Чеснокова*, заместителя министра просвещения Казахской ССР *Л. З. Рустемова*, директора Института языкознания АН Казахской ССР *А. Т. Кайдарова*.

По оценке директора Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР *Р. Б. Сулейменова*, «глубокий спад в развитии культуры и науки Казахстана объяснялся многими причинами — это и амбициозность, необъективность оценки достигнутых успехов, и отсутствие гласности, свертывание критики недостатков и пороков, превращение ее в орудие борьбы с противниками протекционизма, и невнимание к глубокой разработке проблем развития национальных отношений, которое обернулось усилением тенденции изолированности и национальной замкнутости, настроений национального чванства. Былые широкие контакты и связи в науке, искусстве, литературе все более сужались и формализовывались. Международные, всесоюзные и региональные научные, литературно-художественные и т. п. конференции, симпозиумы и съезды, устраиваемые в республике, приобретали помпезный, неделовой характер» (стр. 63—64). Отсюда и явления застоя в общественной мысли, в общественной науке республики. «В казахстанской науке, — свиде-

тельствует *М. М. Сужилов*, — не исследованы вопросы: каковы на сегодняшний день конкретная природа национализма, взаимосвязи и взаимопереходы национализма и шовинизма, каковы конкретные формы проявления национализма, общие и специфические их причины, конкретный уровень интернационалистского сознания населения республики, степень зараженности национализмом в разных социальных слоях и национальностях, какие реальные пути преодоления национализма, какова конкретная роль в этом литературы и искусства, средств массовой информации, общественных наук и т. д.» (стр. 30—31).

Нельзя не учитывать, что подобные недостатки в развитии духовной жизни возникли тогда, когда неимоверно возросли усилия враждебной пропаганды из-за рубежа, одним из главных направлений которой как раз и является попытка разжечь националистические (прежде всего антирусские) настроения, вбить клин в отношения между нациями и народностями нашей страны, подорвать ленинскую дружбу народов СССР. Буржуазная пропаганда, говорилось в выступлении заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КП Казахстана *В. А. Аумана*, «на все лады кричит, что 70-летний опыт СССР не служит расцвету социалистических наций и народностей, а тормозит развитие национальной культуры, языка, самосознания, используется численно преобладающей русской нацией в качестве инструмента для «эксплуатации» других народов, входящих в состав Союза ССР. Формы подобных лживых утверждений варьируются нашим противником в зависимости от того, на какую союзную или автономную республику направлено их пропагандистское жало. В соответствии с этим подбирается набор аргументов, фактов, призванных вызвать недовольство русскими» (стр. 141).

Участники конференции констатировали, что социализм прочен, что даже в годы застоя измышления буржуазной пропаганды не могли поколебать дружбу народов. И все-таки опасность здесь существует; негативные явления в этой сфере подогревают надежды врагов социализма. «Защищали ли участники массовых беспорядков интересы нашего общества, интересы казахского народа? — задает вопрос заведующий кафедрой истории КПСС Казахского политехнического института имени *В. И. Ленина А. Е. Ержанов* и отвечает: — Отнюдь нет. Организаторы и подстрекатели этих событий имели или националистические, или узкогрупповые интересы и цели. Обманутые молодые люди в силу своей политической незрелости и наивности оказались лишь рупором корыстолюбивой группы, не служили своему народу, не защищали его честь, а вредили ему» (стр. 45). Характер этих событий и особенно «теневых», групповых, корпоративных интересов тех, кто за ними стоял, требует в решении многих идейно-теоретических, культурно-воспитательных и

других практических вопросов более строго, последовательного проведения классового подхода, научно обоснованной, опирающейся на глубокий анализ реальности политической оценки явлений и процессов современной общественной жизни.

При этом речь идет не только об идеологии, культуре, духовной жизни в целом и не только о настроениях людей, общественной психологии. В последние годы ощущались существенные деформации социально-экономического развития республики. Вот некоторые данные, приведенные в выступлении заместителя председателя Совета Министров республики, председателя Госплана Казахской ССР *К. А. Абдуллаева*. При увеличении основных фондов производительность труда почти не росла, а в сельскохозяйственном производстве даже снизилась (за одиннадцатую пятилетку — на 9 процентов). Доля машиностроения и металлообработки в промышленной продукции упала до 17 процентов. «Отставание в развитии социальной сферы сдерживает рост производительности труда и как следствие этого национального дохода» (стр. 59).

За последние десятилетия обнаружили существенные перекосы социальной структуры населения Казахстана, налагающие отпечаток и на межнациональные отношения. Индустриализация заметно преобразила жизнь республики, ее коренного населения. «К середине 30-х годов среди рабочих предприятий крупной промышленности республики казахи составляли 46,5 процента, — отметил заместитель директора Института истории партии при ЦК КП Казахстана *Г. Я. Козлов*. — В дальнейшем, однако, развитие социально-культурной структуры казахской нации приняло такой характер, что лица коренной национальности, большую часть которой традиционно составляет крестьянское, сельское население, стали пополнять главным образом ряды интеллигенции, специалистов и служащих, «минуя» дорогу в рабочий класс, школу пролетарской закалки. И если в целом по стране рабочий класс является сейчас не просто самым многонациональным классом, но и большинством трудового народа, то большинство занятого казахского населения оказалось в непроизводительной сфере. Это сказалось и на социальном составе нашей парторганизации» (стр. 76—77). В книге приводятся и такие данные: на начало 1983 года лишь 17,9 процента ра-

бочих промышленности составляли казахи, а в отдельных отраслях и того меньше. Так, в машиностроении и металлообработке — 12 процентов, черной металлургии — 6,3, угольной промышленности — 8,5 процента (см. стр. 21).

Нельзя не согласиться с выводом *Г. Я. Козлова* о том, что «правильное формирование национального отряда рабочего класса, социально-классовой структуры Казахстана — это вопросы огромного социально-экономического и нравственно-политического значения. От их решения во многом зависит четкое регулирование классовых и национальных отношений в республике, успешное проведение ленинской национальной политики, интернациональное воспитание трудящихся. Многонациональные трудовые и прежде всего рабочие коллективы — это именно та среда, где лучше всего воспитывается интернациональный дух, укрепляются братство и дружба народов СССР. Развитие национального отряда рабочего класса позволит также повысить качественное состояние социальной базы Компартии Казахстана» (стр. 77).

«Коль скоро диагноз нам известен, — подвел итоги работы конференции первый секретарь ЦК КП Казахстана *Г. В. Колбин*, — то надо перейти от разговора по интернациональному воспитанию к работе по настоящему воспитанию, потому что до сих пор мы долго-долго подменяли ее лишь обсуждением этих проблем» (стр. 169).

Подчеркивалась, в частности, необходимость проявлять заботу прежде всего о развитии двуязычия и языка коренной национальности, имя которой носит республика. «Сегодня повсеместно началась реализация решений по языкам: и по русскому, и по казахскому. Это сближает людей. И большинство русских людей, находящихся на партийной, советской, хозяйственной работе, сегодня с удовлетворением изучают казахский язык, а многие и хорошо им владеют» (стр. 171).

В конце книги опубликованы выработанные участниками конференции рекомендации (стр. 174—177), в которых отражено направление работы по рассмотренным вопросам. Постоянное внимание к развитию национальных отношений, целенаправленная, последовательная идейно-воспитательная и практическая работа в этой сфере, несомненно, помогут добиться желаемых результатов.

Н. МОИСЕЕВ

В. И. ВЕРНАДСКИЙ И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНАЯ ТРАДИЦИЯ

Творческое наследие В. И. Вернадского в последние десятилетия оказалось в центре внимания как научных кругов, так и широкой мировой общественности. В марте этого года будет отмечаться 125-летие со дня рождения выдающегося советского ученого. Научная, гуманистическая позиция В. И. Вернадского, его прогноз развития взаимоотношений человека и окружающей среды приобретают все более весомый авторитет, существенно влияют на формирование не только обширных исследовательских программ, но и нового философского мышления.

I

Стремление вообразить себе Вселенную в целом, в ее развитии, определить, какое место занимает в ней человек, возникло, вероятно, еще на заре человеческой мысли. Были периоды, когда больше всего ценились конкретные знания о конкретных фактах. Но наступали и иные времена, когда науку начинали волновать общие, синтетические конструкции, позволявшие судить о мироздании в целом, и тогда она особенно активно влияла на мировоззрение, приводила к коренному пересмотру представлений об окружающем мире.

Важнейшие события в науке, справедливо называемые революцией, связаны с именами Н. Коперника, Г. Галилея и И. Ньютона. Они разработали систему взглядов, в рамках которой происходило последующее развитие физики и других естественных наук. Становление нового научного мировоззрения, преодоление средневековой схоластики, открытие новых горизонтов познания и развития сопровождалось одновременно и определенными потерями — исчезло представление о единстве человека, Земли и космоса, свойственное античным грекам и лежавшее у истоков европейской цивилизации.

В XIX веке произошла революция в биологии — возникло учение об эволюции. Победа дарвинизма, появление новой картины развития живого мира означали и формирование научного мировоззрения в тех областях естествознания, которые не охватывались физикой. И здесь главенствующими стали общие идеи движения. Дарвинизм породил множество споров, не утихающих по сей день. И многое, наверное, будет еще уточнено в первоначальных схемах эволюционного процесса, предложенных Ч. Дарвином. Но что бы ни случилось, как бы ни развивались дальше знания, теперь уже невозможно рассматривать

живой мир иначе, как эволюционирующим. Хотя сегодня нам еще неведомы все механизмы эволюции, определяющие мировой процесс развития жизни, хотя не всегда можно найти объяснения фактам, наблюдаемым естествоиспытателями, мы, однако, уверены, что имеет место процесс непрерывного развития, что он определяется изменчивостью, наследственностью и отбором. И новые данные не только не перечеркивают понятых истин и разработанных теорий, но часто получают свою интерпретацию именно в их свете.

Благодаря Дарвину постепенно возникло понимание единства всех эволюционных процессов природы, осознание необходимости и, что еще важнее, возможности создания некоего общего языка, позволяющего описывать развитие материи как единого целого. Но путь к такому пониманию был долгим и трудным. Сам дарвинизм противоречил той научной парадигме, которая утверждалась в XIX веке. Напомним, что приблизительно в то же время было открыто второе начало термодинамики, согласно которому происходит неизбежное разрушение всяких структур материи и неуклонное движение к хаосу любых замкнутых систем. Из эволюционного же учения следовало как раз обратное: по мере развертывания процесса развития возникают все новые и новые, все более сложные организованные материальные «конструкции», идет непрерывное усложнение связей, взаимодействие всех и всяческих форм живого мира.

Итак, эволюционное учение выдвигало перед научной и философской мыслью XIX века ряд сложнейших научных и гносеологических проблем, которые казались тогда непреодолимо трудными. Да и сегодня мы, вероятно, находимся лишь на пороге объединения идей физики и биологии, без чего невозможно создать единую картину развития и единый язык описания природы. И тем не менее в середине прошлого века ключевые слова были произнесены: изменчивость, наследственность, отбор — основа языка описания всех процессов, происходящих в живом веществе и, с некоторыми существенными оговорками, в неживой природе и в обществе.

Известны слова Л. Больцмана о том, что если бы пришлось связать XIX век с именем кого-либо из ученых-естествоиспытателей, то его надо было бы назвать веком Дарвина. Согласимся с Больцманом. Итак, XVII—XVIII века закономерно считать веками Ньютона. XX столетие мне кажется уместным связать в научном плане с именем В. И. Вернадского, ибо в этом столетии также произошла смена представлений, разрушившая некоторые традиционные границы между естественными и общественными науками. И в основе этой революционной смены лежит учение Вернадского о ноосфере, о возможности постепенного перехода биосферы в качественно новое состояние.

II

В. И. Вернадский был естествоиспытателем-энциклопедистом. Он работал на стыках нескольких наук — минералогии, геологии, химии, биологии и геохимии. В конце XIX века Вернадский заложил основы биогеохимии — нового направления в естествознании, ставшего фундаментом его последующих исследований.

К началу нынешнего века выяснилось, что в создании лика Земли, ее атмосферы, толщ осадочных пород, структуры ландшафтов и химизма океанов огромная роль принадлежит жизни, живой материи. Сегодня мы знаем, что жизнь на нашей планете возникла почти (по космическим масштабам) одновременно с формированием ее как космического тела. Эти две точки на временной шкале разделяет едва ли более чем полмиллиарда лет.

Появление жизни кардинально повлияло на характер эволюции

Земли. Используя внешнюю энергию, прежде всего солнечную, живое вещество резко ускорило все процессы, протекающие на поверхности планеты, и привело к превращению ее верхней оболочки в биосферу. Вернадский был убежден: жизнь — явление космическое. Пользуясь современным языком, можно сказать, что он рассматривал ее возникновение как один из процессов самоорганизации материи. В то же время он всегда считал экспериментально оправданным принцип: живое появляется только от живого вещества.

В своих исследованиях ученый прослеживал историю взаимодействия живого и косного, то есть неорганического, вещества, историю развития биосферы. В ходе этих работ естественно встал вопрос о роли человека в едином общепланетарном процессе. Собственно говоря, данная проблема — ключевая в учении о ноосфере.

Возникновение разума — еще один революционный рубеж развития нашей планеты, качественно изменивший весь характер земной эволюции. С появлением человека и общества происходит новое ускорение эволюционных процессов. Создавая более совершенные технологии, человек вовлекает в свою жизнедеятельность все новые и новые ресурсы планеты и одновременно извлекает из круговорота химических элементов в природе все большее и большее количество вещества. Таким образом, ныне человек становится «геологообразующей силой» Земли, мощным фактором дальнейшего развития планеты.

Поскольку в первую очередь человечество определяет дальнейший ход развития биосферы, поскольку оно само является ее частью и вне ее (во всяком случае, при нынешнем уровне техники и технологии) существовать не может, оно с необходимостью должно принять на себя ответственность за последующую эволюцию биосферы. Будущность цивилизации во многом зависит от нашей способности превратить биосферу в сферу Разума, то есть ноосферу.

Учение Вернадского о постепенном переходе биосферы в ноосферу складывалось постепенно на протяжении всей его творческой деятельности. Как всякое развивающееся учение, оно не было (и не могло быть) сформулировано им в окончательном виде. После смерти ученого его биосферно-ноосферная концепция стала привлекать внимание все более широкого круга специалистов самого различного профиля — главным образом естествоиспытателей. В результате возник ряд толкований учения о ноосфере, часто весьма далеких, на мой взгляд, от того смысла, который вкладывал автор в свою концепцию. Наиболее распространено упрощенное объяснение самого этого понятия по аналогии с термином «биосфера». Биосфера — сфера жизни, то есть часть Земли, заполненная жизнью или продуктами жизнедеятельности. Точно так же рассматривают иногда и сферу разума — как часть биосферы Земли, доступную (подверженную) осознанному воздействию человека. В такой трактовке ноосфера выступает как часть биосферы, которая формируется вместе с разумной деятельностью человека, отождествляется с техносферой, и биосферно-ноосферная концепция сводится к постепенному освоению человеком биосферы. Подобное толкование свойственно многим последователям Вернадского.

Я придерживаюсь иной трактовки учения Вернадского, больше, как мне кажется, отвечающей его идеям.

Вернадский говорит о всевозрастающей антропогенной нагрузке на природу, о человечестве как природообразующем факторе, о необходимости соизмерять воздействие на природу с ее возможностями, то есть о том, что мы сегодня называем коэволюцией человека и биосферы. Одновременно через все его рассуждения красной нитью проходит мысль об ответственности человека за будущее биосферы, о том, что нужна такая организация общества, которая позволила бы ему разумно

направлять эволюцию биосферы. Ноосфера, как я думаю, представлялась Вернадскому таким состоянием биосферы и общества как ее неотъемлемой составной части, когда обеспечены условия для процветания человечества.

Вот почему я полагаю более уместным вести речь не о ноосфере, а об эпохе ноосферы. И переход в эпоху ноосферы не может произойти сам собой. Это будет трудный и болезненный процесс, который потребует от человечества не только громадных усилий и перестройки организационной структуры общества, но и воспитания новой морали, нравственности. Перед человечеством однажды со всей остротой встанет дилемма: либо вступление в эпоху ноосферы, либо путь постепенной, более или менее медленной деградации. Такая трактовка учения Вернадского, на мой взгляд, гораздо больше соответствует всему духу его творчества, чем чисто естествоведческое объяснение смысла самого термина «ноосфера».

Таким образом, Вернадский отчетливо понимал те трудности, которые человечеству предстоит преодолеть для вступления в эпоху ноосферы. Вместе с тем он весьма оптимистически оценивал будущее, полагая, что история развития общества подтверждает его возможности справиться с любыми превратностями, которые могут его ожидать. Об этом он в той или иной форме говорил уже в тридцатые годы, размышляя о характере общественной организации, необходимой для создания сферы разума. В конце 1944 года, незадолго до своей кончины, он в ряде высказываний связывал приближение победоносного окончания войны, разгром фашизма с наступлением эпохи, которая позволит реализовать принципы такой общественной организации.

III

Изложенная трактовка может служить исходной позицией для формирования научных программ, определения конкретных целей исследований, имеющих важнейшее общечеловеческое значение, то есть глобальных, если пользоваться современной терминологией. Учение о ноосфере и эпохе ноосферы — это естественнонаучный фундамент глобалистики, и, как мы увидим ниже, не только естественнонаучный.

Переход в эпоху ноосферы потребует перестройки многих устоявшихся традиций и принципов, обуславливавших функционирование общественных институтов, взаимоотношения отдельных людей, классов, стран, регионов, отношения между человеком и природой. Понадобятся новые знания, потребуются постепенное превращение учения о ноосфере в теорию развития ноосферы.

Такая теория представляется сложнейшей синтетической конструкцией, объединением естественных и общественных наук. Она явится воплощением мысли, высказанной Марксом более ста лет назад, — мысли о неизбежности объединения наук об истории и наук о природе в единую науку о человеке. И теория развития ноосферы станет частью науки о человеке, ибо займется изучением проблем его выживания в условиях возрастающего технического и энергетического могущества. Для дальнейшего прогресса цивилизации жизненно необходимо научиться соизмерять наши действия с возможностями биосферы, изменять ее характеристики не в ущерб, а на благо человечества. И, конечно, теория развития ноосферы, опираясь на достижения наук об обществе, должна изучать варианты стратегии взаимоотношений между людьми и народами, предлагать организационные структуры человечества, способные обеспечить коэволюцию человека и биосферы.

Учение о ноосфере — не только научная позиция, но и предостережение человечеству. Вероятно, Вернадский не предполагал, сколь

бесконечно актуальными, практически необходимыми окажутся его взгляды уже к концу столетия.

Итак, естественным развитием идей Вернадского должны стать исследования программы в самых разных областях человеческого знания, программы изучения проблем, не имевших прецедента в истории, заставляющие рассматривать многие вопросы в ракурсах, чуждых традиционной науке.

О каких же проблемах идет речь? Их перечень, а тем более обсуждение далеко выходят за рамки статьи. На двух программах тем не менее считаю нужным остановиться.

Первая из них, по моим представлениям, должна предусматривать изучение биосферы как единого целого. Такую задачу Вернадский ставил еще в начале своей научной деятельности. В статье «Гете как натуралист» он писал: «Синтетическое изучение объектов природы — ее естественных тел и ее самой как «целого» — неизбежно вскрывает черты строения, упускаемые при аналитическом подходе к ним, и дает новое». Сейчас настало время и появились возможности реализовать этот завет выдающегося ученого. Более того, определились цели комплексного изучения биосферы, и первая, наиболее важная среди них сегодня — выяснение, что человеку не позволено, какой черты он не должен переступать ни при каких обстоятельствах.

Есть понятие бифуркации, которому А. Пуанкаре придал специфический смысл (после работ Р. Тома чаще употребляется термин «катастрофа»). Под воздействием медленно возрастающей внешней нагрузки система постепенно эволюционирует, сохраняя, однако, свои основные свойства. Но существует предельная величина нагрузки, по достижении которой линейный ход развития нарушается. Система быстро переходит в качественно новое состояние. И однозначно предсказать, в какое именно, теоретически невозможно. Невозможно в принципе! Оно зависит от бесчисленного множества случайных факторов. Простой пример: на сколько кусков и какие именно разлетится палка, если, изгибая ее за концы, мы однажды превысим ту нагрузку, которую она может выдержать?

Точно так же и биосфера. До поры до времени она выдерживает все возрастающее антропогенное давление. Но в какой-то момент может произойти бифуркация биосферы или ее важнейших фрагментов. Превысив по тем или иным параметрам предельно допустимые нагрузки, мы дадим начало необратимым процессам, которые приведут биосферу в совершенно новое квазистабильное состояние. И точно описать заранее все его конкретные свойства невозможно в принципе. Нельзя и предсказать, будет ли новая биосфера пригодна для обитания рода людского.

Принципиальная непредсказуемость дальнейшей судьбы биосферы, а следовательно, судьбы человечества и тот риск, с которым связан рост антропогенных нагрузок, заставляют нас считать проблему определения критических значений одной из важнейших проблем (если не важнейшей!) из тех, что встали сегодня перед обществом. Для ее решения нужно создать новое, нетрадиционное направление научных исследований, требующее объединения усилий специалистов самого разного профиля, новой методологической и методической основы.

Программ подобных исследований пока нет, но разработка их, по существу, уже началась. Очевидна роль методов, базирующихся на имитации биосферных процессов с помощью компьютеров. Этим методам суждено стать каркасом таких исследований. В самом деле, эксперименты глобального масштаба недопустимы, однако, имея в распоряжении модели, имитирующие реальность, можно путем компьютерных экспериментов изучать возможные последствия тех или иных

крупномасштабных воздействий на окружающую среду. Примером подобных исследований служит изучение советскими и американскими специалистами последствий ядерной войны. Его итогом стали оценки, опирающиеся не на качественный анализ, а на точные количественные расчеты. Широко известные ныне выражения «ядерная зима» и «ядерная ночь», стоящая за ними достоверная картина катастрофических последствий термоядерного конфликта — один из результатов, полученных с помощью соответствующих систем математических моделей.

В 70-х годах в Вычислительном центре АН СССР на основе компьютерных моделей было начато исследование биосферных процессов глобального масштаба. Изучение возможных последствий ядерной войны — лишь один из эпизодов осуществляемой работы. Но оно дало уже серьезные (и не только в научном плане) плоды. Найдена, в частности, одна из точек «запретной черты». Мы знаем сегодня, какое количество саж, оказавшейся в атмосфере, приведет к качественной перестройке биосферы.

Сделаны лишь первые шаги по определению последствий крупномасштабных воздействий на биосферу. Но путь здесь уже просматривается. Эти работы постепенно приобретают фундаментальный характер. Уверен: они станут важнейшим вкладом в будущую теорию развития ноосферы.

Итак, одна исследовательская программа должна быть нацелена на изучение границы допустимого. Хотя бы потому, что без всякого злого умысла, либо по невежеству, либо из-за алчности, либо в силу укоренившихся традиций и мышления люди могут открыть шлюз резкому изменению собственной среды обитания. Но параллельно с этой программой естественнонаучных исследований должна непременно возникнуть и программа изучения процессов, протекающих в обществе.

Развитие общества, общественных отношений — непрерывная цепь разрешения противоречий. Это исходная истина диалектико-материалистического понимания исторического процесса, основа любого анализа общественной эволюции. На протяжении всей истории человечества огромную роль играли противоречия антагонистические — классовые, государственные. Если пытаться определить их математически строго, они бескомпромиссны: что хорошо одним — плохо другим. И разрешение антагонистических противоречий оставило в мировой истории длинную цепь подлинных драм и трагедий. Теперь ситуация меняется. Среди множества противоречивых целей, преследуемых людьми, появляется общая — обеспечить возможность прогресса цивилизации, коэволюцию человека и биосферы. Естественные науки (программа определения «запретной черты») смогут дать необходимые знания о том, что ни при каких обстоятельствах не дозволено. Обществоведы должны найти пути, которые позволят соразмерить действия жителей планеты с возникающими на ней объективными ограничениями. Общая составляющая в интересах людей, принадлежащих к разным классам, разным странам, создает объективные условия для компромиссов. Ибо для достижения общей цели каждый должен чем-то поступиться. Такова теперь реальность.

Сегодня еще очень немногие сознают качественные изменения обстановки на Земле, большинство не отдает себе отчета в том, что она стала совершенно иной, чем была несколько десятков лет назад. Тем не менее исследования в данной области начаты. Правда, они носят пока довольно абстрактный характер. Но все-таки о некоторых результатах уже можно говорить. Построены математические модели, помогающие анализировать конфликтные ситуации. В рамках этих моделей найдены подходы к отысканию компромиссов, возможных именно в связи с наличием в спектре противоречивых целей конфликтующих

сторон важной совместной цели — не оказаться за «запретной чертой». Эти результаты позволяют предположить, что уже теперь в повестку дня можно включить создание международных групп компетентных специалистов, способных исследовать конфликтные ситуации и предлагать варианты компромиссов — взаимовыгодных кооперативных соглашений. Мне хочется назвать такие группы «институтами согласия».

Однако, повторю, эти исследования пока еще не вышли за рамки построения абстрактных моделей и, к сожалению, практически неизвестны людям, непосредственно занимающимся данными (важнейшими!) проблемами современности.

IV

Выше я попытался показать то самое главное, что, как мне кажется, пришло в науку с творчеством В. И. Вернадского, те новые направления мысли и научных изысканий, которые возникли под влиянием его идей. Но значение деятельности Вернадского, его школы и последователей в разных отраслях знания отнюдь не исчерпывается новыми, нетрадиционными исследовательскими программами, разрабатываемыми в последнее время. Эта деятельность закономерно ведет к смене самой естественнонаучной традиции, глубоко влияет на перестройку философской мысли. И потому полагаю целесообразным вернуться к вопросу, обозначенному в первом разделе.

История естествознания свидетельствует, что характер его развития всегда был тесно связан с общей картиной мира, которая формировалась наукой и культурной традицией, была общепринятой в ту или иную эпоху. Эта картина, по сути, определяла шкалу научных ценностей, позиции исследователей и главные стремления мысли. Естественнонаучная традиция неизменно переплеталась с традицией культуры, представлением о гуманизме как системе общественных идеалов.

Огромное воздействие на развитие европейской культуры оказали взгляды античных греков и созданная ими общая картина мира. Древние эллины не разделяли Космос, то есть Небо и Землю. Они видели их в неразрывном единстве. Небо населяли боги, удивительно похожие на людей, со всеми их пороками и достоинствами. Мир, Вселенная, Космос — это не только Земля и Небо, но и люди и боги, способные влиять на ход событий, активно в них вмешиваться. Такой картине соответствует оптимистическое, радостное восприятие бытия и непрерывное взаимодействие людей и богов, которые могли покарать человека, но могли также сделать его равным себе, во всяком случае, были готовы ему и помочь.

Древнегреческая культура, взгляды Аристотеля и идеи христианства на протяжении более чем тысячи лет в первую очередь определяли развитие естествознания и представлений о Вселенной. Но вот однажды европейский мир шагнул в эпоху Возрождения.

Эпоха Возрождения — это не только переосмысление культурного наследия, но и формирование научного метода, утверждение критицизма. Пересмотру подлежит все. Без исключения! Никаких лишних гипотез для объяснения существующего. Принцип «лезвия Оккама» становится общепринятым. Коперник, Галилей, Ньютон — преддверие рационализма и энциклопедизма. Это был грандиозный шаг вперед на пути объективизации истины. Но диалектика жизни такова, что всякие приобретения обычно сопровождаются потерями — картина мира утрачивает ту целостность, которую ей придали древние греки. С развитием научного метода происходит неизбежное — человек в представлении новой науки покидает Вселенную, Космос. И в этом Космосе возникают свои законы, подобные законам действующего автомата.

В результате научной революции Коперника — Галилея — Ньюто-

на возникла традиция, многократно оправдавшая себя в научной и инженерной деятельности и окончательно утвердившаяся в XIX столетии. Таким образом, в науке прошлого века, с ее стремлением к прозрачным и ясным схемам, подобным схемам Канта — Лапласа, с ее глубокой убежденностью, что мир в своей основе достаточно прост, человек превратился в стороннего наблюдателя, изучающего мир «извне». Возникло странное противоречие — человек все же существует, но существует как бы сам по себе. А космос, природа — тоже сами по себе. И объединялись они, если это можно назвать объединением, только на основе религиозных воззрений.

Дарвинизм не преодолел этой разобщенности, более того, еще сильнее раздвинул пропасть между тем видением мира, которое давала классическая физика, и феноменом человека.

Однако в середине XIX века возникло иное умонастроение, и ему суждено было спустя несколько лет сыграть выдающуюся роль в появлении новой традиции, которая служит сегодня основой другой, совсем не ньютоновской картины мира, возвращающей нас на новом витке познания к воззрениям древних греков, представлению о единстве космоса, то есть природы и человека. Но это, конечно, не просто возвращение. Оно обогащено приобретениями опыта, использовавшего научный метод. Постепенно человек снова становится действующим лицом, неотделимым от космоса, его составляющей. И теперь он изучает природу «изнутри», не как наблюдатель, а как участник событий, понимая, что даже изучение способно влиять на их ход, сознавая свою причастность к процессам, протекающим в космосе. Такое умонастроение получило название русского космизма. Убежден, что это очень важный вклад в сокровищницу европейской культуры, вклад, к сожалению, мало известный не только широкой публике, но и специалистам, причем как за рубежом, так и у нас в стране.

Одна из особенностей русской философской школы XIX века — глубокий синтез естественнонаучной и философской мысли, самое сильное их взаимное влияние. Особенно заметно воздействие философских воззрений на характер работы естественников, выбор направлений их деятельности, оценку результатов. Порой очень непросто разграничить рассуждения естествоиспытателя и философский (или, лучше сказать, натурфилософский) анализ. Это своеобразный феномен, и он заслуживает, безусловно, специального рассмотрения, которое я оставляю профессионалам в области истории естествознания и философии.

Реакция на европейский рационализм XVIII века, на попытку свести все наблюдаемое к предельно простым схемам — конечно, не чисто русское явление. Но если на Западе этот критицизм в основном был присущ философам, то в России он оказал существенное влияние на формировавшуюся отечественную школу естествоиспытателей.

Можно по-разному излагать историю естествознания в России, оценивать ее место в общем прогрессе науки, но бесспорно, что начиная со второй трети XIX века у нас появляется плеяда ученых, ориентировавшихся на создание системных конструкций. Прежде всего заметим, что именно в России учение Дарвина нашло особенно благоприятную почву для своего развития и глубокое понимание его основы.

Среди русских естествоиспытателей второй половины XIX века хотелось бы выделить два имени. Прежде всего И. М. Сеченова. Его взгляды и сейчас имеют многочисленных последователей. Он считал, что необходимо изучать человека в единстве его психики, физиологии и окружающей среды, как продукт окружающей среды, способный оказывать на нее активное воздействие.

Второе имя — С. Н. Виноградский, один из создателей микробиологии. Открытие им хемосинтеза, без сомнения, относится к замеча-

тельным достижениям второй половины XIX века — оно заставило увидеть проблему жизни в совершенно новом свете. Сама постановка вопроса о том, может ли существовать жизнь, не имеющая в качестве основы явления фотосинтеза, жизнь, использующая другие источники энергии, уже представляется невероятно смелой.

В этом ряду можно назвать еще несколько имен выдающихся ученых. Всем им были свойственны поразительная широта взглядов, стремление изучить явление в целом, увидеть его место в потоке фактов. Хочу обратить внимание, что во второй половине XIX века в России произошло известное переосмысление содержания и целей научных исследований, утвердившихся в XVIII веке. И это было всюду — в химии, биологии, геофизике. В этом русле и развевалась научная деятельность В. И. Вернадского.

Так случилось — подчеркну еще раз, — что одновременно и в естествознании, и в философской сфере возникла определенная реакция на западноевропейский рационализм. Можно по-разному относиться к кружку Любомудров и течению славянофилов, но именно Иван Киреевский сказал очень важные слова о том, что холодный рассудочный рационализм эпохи Просвещения привел к утрате единства представлений о мире. Он увидел разрыв и противоречия между рациональным видением мира, возникшим в XVIII веке, и иррациональностью человеческого «я». И, конечно, не он один. Вряд ли допустимо забывать и не учитывать рассуждения Н. Ф. Федорова об «общем деле» — о том, что будущее человечества и будущее природы неразрывны и общее дело всех людей — научиться управлять природой в своих интересах, а не безрассудно растрачивать ее ограниченные ресурсы.

Русский космизм — своеобразное течение мысли, умунастроение, но отнюдь не школа со своими принципами и догмами. Это всего лишь общее представление о деятельности, разделяемое широкими кругами интеллигенции, к которым принадлежали люди самых разных политических и философских пристрастий — от естествоиспытателей, убежденных материалистов, каким был Вернадский, до идеологов православия. В рамках русского космизма преодолевались противоречия эпохи Просвещения, и картина мира, как и прежде, обретала цельность и единство. Человек снова становится частью природы, включается в систему ее законов, которые еще предстояло определить. Развитие мысли, согласно воззрениям космистов, — столь же естественный для природы процесс, как и движение светил. Мысль — это важнейшая составляющая мирового эволюционного процесса. Природа, космос — вот кто рождает человека, кому он обязан разумом. Человек должен изучать природу, изучать себя и место своего разума в ней. И не с позиции стороннего наблюдателя, как биолог исследует под микроскопом движение бактерий, а как участник всего процесса эволюции природы, не только испытывающий на себе влияние космоса и природных процессов, но и, будучи носителем разума, способный оказывать на них воздействия, в том числе целенаправленные.

V

Я постарался описать ту интеллектуальную атмосферу, в которой формировалось мировоззрение В. И. Вернадского — естествоиспытателя, материалиста, философа. От напряженной деятельности в этой атмосфере до учения о ноосфере один шаг. Но этот шаг требовал осмысления огромного экспериментального материала и преодоления тех естественнонаучных традиций, которые определяли развитие естествознания прошлого века. Это прежде всего выход за узкодисциплинарные рамки и переход к исследованиям междисциплинарного характера.

И первые работы Вернадского по геохимии уже показали, куда устремлено его научное творчество. В становлении его взглядов, в их последовательной логике мы легко обнаруживаем естественнонаучную и философскую традицию русской мысли второй половины XIX века, о которой рассказано выше.

Учение о ноосфере оказалось как раз тем звеном, которое позволило связать картину, рожденную современной физикой, с общей панорамой развития жизни — не только биологической эволюции, но и общественного прогресса. Объединение этих трех начал в единую систему особенно впечатляюще в контексте идей современного синергизма. Очень многое нам еще неясно и скрыто от нашего взора. Тем не менее сейчас перед нами разворачивается грандиозная гипотетическая картина процесса самоорганизации материи от «Большого взрыва» до современного этапа, когда материя познает себя, когда ей становится присущ разум, способный обеспечивать ее целенаправленное развитие.

Современная физика дает нам возможность увидеть непрерывный процесс саморазвития неживой (косной, по выражению Вернадского) материи. Ее состояние далеко от равновесия. Из хаоса возникают квазистабильные образования — целые миры, галактики и метagalактики, между которыми непрерывно происходит обмен веществом и энергией. Они распадаются, гибнут, превращаясь снова в хаос, давая материал для новых образований. И что очень важно — в процессе этой грандиозной перестройки имеет место действительное развитие. Появляются новые, все усложняющиеся формы организации материи. Как будто бы природой заготовлено некое множество организационных структур существования материи, соответствующих ее законам, и постепенно все большее и большее их число оказывается «задействованным».

Этот процесс самоорганизации не только понят, но и прослежен во многих деталях физиками и химиками. Работы последних десятилетий, посвященные эволюции биологических макромолекул, подвели нас к «порогу жизни». Однако у нас нет еще никакой модели, которая объясняла бы, каким образом он был перейден мировым эволюционным процессом. Но остается гипотеза, столь же фундаментальная, как и гипотеза о «Большом взрыве»: жизнь — явление космическое. Это естественный этап самоорганизации материи. И то, что жизнь возникла на Земле, не отвергает, а подкрепляет данную гипотезу.

С появлением жизни резко интенсифицируется процесс обмена энергией, а следовательно, и процессы переработки жизнью вещества. Разум — это еще один рубеж на пути мирового эволюционного процесса, еще один его важнейший этап, еще одна качественная его перестройка, в результате которой начинает стремительно возрастать воздействие разумных форм жизни — человечества — на природу. И мировой эволюционный процесс подходит к новому порогу — к эпохе ноосферы, эпохе направленного развития. Но свершится ли переход? Он не может произойти автоматически — мы это уже понимаем. Человечество само должно выбрать из арсенала возможных организационных форм своего существования такие, которые способны обеспечить этот переход.

А. ЕРШОВ

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ: ОТ КОМПЬЮТЕРНОЙ ГРАМОТНОСТИ УЧАЩИХСЯ К ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ ОБЩЕСТВА

I

Информатизация — слово, сравнительно новое в современном научно-техническом лексиконе. Появившись в начале 80-х годов в научной литературе, оно употреблялось попеременно с понятиями «кибернетизация», «компьютеризация» и «электронизация», пока не встало в ряд с такими символами научно-технического и социального прогресса нашей страны, как электрификация, коллективизация и индустриализация.

Информатизация — это комплекс мер, направленных на обеспечение полного использования достоверного, исчерпывающего и своевременного знания во всех общественно значимых видах человеческой деятельности. Информация, то есть совокупность знаний о фактических данных и зависимостях между ними, становится при этом стратегическим ресурсом общества в целом, во многом обуславливающим его способность к успешному развитию. Техническим средством освоения такого ресурса все в большей степени выступают электронные вычислительные машины и средства связи.

Информатизация — всеобщий и неизбежный период развития человеческой цивилизации, период освоения информационной картины мира, осознания единства законов функционирования информации в природе и обществе, практического их применения, создания индустрии производства и обработки информации. Современные системы обработки и передачи информации формируют своего рода нервную систему живого организма человеческого общества, придавая этому организму небывалую пластичность и способность к развитию.

Философское и конкретно-научное осмысление роли информации в естественных и социальных процессах — дело главным образом последних десятилетий. Что же до истории развития человечества, то в нем информационные процессы изначально играли важнейшую роль, уходя своими корнями в самую природу живого и далее — в механизмы постоянства и изменения, развития и научения, рефлексов и инстинктов, поведения и общения. Уже чисто человеческие способности — речь и мышление, производство предметов потребления и искус-

ЕРШОВ Андрей Петрович, академик, заведующий отделом информатики и программирования Вычислительного центра Сибирского отделения АН СССР, председатель научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Кибернетика».

ства, сознание и познание — вызвали к жизни многообразные и сложные процессы накопления, запоминания, передачи и обработки информации. Исторические истоки информатизации прослеживаются и в создании искусственных средств хранения и передачи информации. Главными вехами на этом пути стало появление письменности, книгопечатания, почты, периодической печати, телеграфа, телефона, фотографии и — уже в наше время — радио, телевидения и ксерографии.

II

При таком богатом прошлом, естественно, возникает вопрос: почему же только сейчас мы говорим об информатизации как об особом факторе развития цивилизации?

Ответ на него содержится в двух взаимосвязанных явлениях нашего времени.

Первое — рождение в середине столетия и феноменальный рост электронной вычислительной техники. Использование ЭВМ с программным управлением радикально изменило возможности человечества в обработке информации. Человеческий мозг — по-прежнему непревзойденное творение природы по своей способности к обработке информации. Следует, однако, различать по крайней мере два вида информационных процессов в мозгу человека. Один из них — процессы, полностью или частично управляемые программами подсознательной деятельности, как «встроенными» от рождения, так и складывающимися под воздействием опыта. Это программы управления зрением, запоминанием, развитием тренируемых способностей; программы, ведающие определенными сторонами нашей интуиции, речевой деятельности и т. п. Природа большинства из них еще не познана, и по эффективности их выполнения человек превосходит любой компьютер. Но есть и другой вид информационных процессов, контролируемых человеческим дискурсивным мышлением: они направлены на достижение известной цели и требуют рассуждений. К ним относится подавляющее большинство трудовых навыков. Эти процессы четко разбиваются на отдельные логические шаги и протекают со скоростью не более нескольких таких шагов в секунду. Именно в данных процессах компьютер оказывается многократно быстрее человека, осуществляя в секунду от нескольких сот тысяч логических шагов в микропроцессорах и персональных ЭВМ до нескольких миллиардов в так называемых супер-ЭВМ. Компьютер, однако, сможет реализовать свою способность к сверхбыстрой обработке информации только тогда, когда человек передаст ему свое знание дела в виде программы и задаст обрабатываемую информацию в форме, представимой в памяти ЭВМ.

Второе явление — неуклонное возрастание роли информационных процессов в жизни общества. У нас постоянно в ходу привычное, несколько расплывчатое понятие «служащий». Читая о капиталистических странах, мы встречаем выражения «белые воротнички» и «клерки». Из истории берем и употребляем полусерьезно слово «чиновник». С самыми разными оттенками отношения думаем об администраторах. И, наконец, всем нам ненавистна фигура бюрократа.

Если отвлечься от эмоциональной окраски этих понятий, то мы увидим, что за ними стоит многочисленная категория людей, которые не создают материальных ценностей, как заводские рабочие, строители и земледельцы, не работают с людьми, как врачи, артисты, учителя, а имеют дело с информацией в ее, так сказать, «чистом виде», постоянно решая свою главную задачу: представить нужные сведения нужному человеку в нужное время.

Служащие постепенно становятся всё более многочисленной категорией активного населения. В США в начале 80-х годов их доля в общем количестве работающих по найму превысила 50 процентов. В СССР аналогичный показатель вырос с 1939 по 1986 год с 16 до 30 процентов. Нам еще предстоит разобраться в природе и причинах этой нарастающей тенденции, пока же заметим, что экстенсивное развитие сферы обслуживания информационных процессов в обществе близко к исчерпанию возможностей и превращается в источник противоречий и увеличивающейся неэффективности. В тех же США производительность труда работающих в промышленности в период с 1970 по 1980 год выросла почти в 2 раза, а у служащих — только на 4 процента. Снять это противоречие, присущее предшествовавшему периоду развития производительных сил, и призвана так называемая третья промышленная революция, стержнем которой является информатизация, а главным оружием — компьютер.

Необходимость информатизации обуславливается тысячами конкретных причин, которые все-таки можно сгруппировать вокруг главного и обостряющегося противоречия между способами, какими удовлетворяет свои потребности растущее человечество, и ограниченностью ресурсов среды его обитания. И дело не только в численности, то есть в увеличении физических объемов потребления. Имманентным свойством искусственной среды обитания человека в соединении с естественной природой Земли является ее возрастающая сложность, иначе говоря — умножение ее частей и их взаимозависимостей. При увеличивающемся числе и разнонаправленности всякого рода технических и социальных сил резко снижаются надежность и устойчивость среды обитания и самой структуры мирового сообщества. Объективная сущность законов управ-

ления требует выработки у человечества системы упреждающего динамического регулирования своего развития на всех уровнях проявления нашей активности — от индивидуальной деятельности до общечеловеческих институтов. Человечество посредством миллиардов актов отражения содержит в себе некую информационную модель мира, которая, однако, погружена, растворена в нем самом, движется и реализует себя в виде однократного и неповторимого исторического опыта.

Информатизация позволяет человечеству «абстрагировать» от себя эту информационную модель, погрузить в совокупную память ЭВМ и подвергнуть ее опережающему предсказательному и многовариантному исследованию, а значит, и контролю, с помощью доступного знания, воплощенного в программах и банках данных сети ЭВМ.

Развивая метафору информатизации как строительства нервной системы человеческого сообщества, сравним эволюцию животного и растительного мира. Одно из их коренных различий здесь — наличие нервной системы в одном и отсутствие ее в другом. Оба мира представлены в нашем настоящем, но растения остались, грубо говоря, такими же, как и сотни миллионов лет назад, а мир животных развился через тысячи промежуточных форм до человека, который сам теперь в значительной мере управляет эволюцией живого, включая и самого себя.

III

Вернемся, однако, к более конкретному рассмотрению информатизации. Обратимся, в частности, к опыту США, где данный процесс уже сложился, приобрел размах, позволяющий не только усмотреть горизонты полной информатизации, но и определить некоторые временные параметры этого глобального явления.

Как и всякое структурное изменение, своего рода фазовый переход, ускоренная информатизация общества имеет свое начало, период стремительного развития и, наконец, выход на предельные показатели насыщения.

Начало информатизации в США следует отнести к 40-м годам нашего столетия, когда успехи радиовещания продемонстрировали и утвердили небывалую ранее силу средств массовой информации, когда сплошная телефонизация страны была объявлена национальной программой, когда сложилась новая научно-техническая область — радиоэлектроника и на ее основе появились первые ЭВМ.

Выдающимся достижением 70-х годов, позволившим говорить о конечных формах информатизации, стало создание и массовое производство так называемых сверхбольших интегральных схем — электронных устройств для обработки и хранения информации. Разработанные на их базе микропроцессоры и портативные персональные компьютеры можно в конечном счете встроить в любую машину и тем самым обеспечить любое рабочее место практически неограниченной информационно-вычислительной мощностью. Попутное развитие сплошной коммуникационной среды на основе спутниковых и оптоволоконных систем связи придает информации небывалую подвижность и потенциальную вседоступность.

Материальный фундамент радикальной информатизации составляет иерархия средств вычислительной техники и связи, пронизывающих всю среду обитания человека. Оценим ее объем, отнесенный к таким регионам, как СССР, Западная Европа или США, с общественно активной частью населения, составляющей 200—300 миллионов человек. Эта «нервная система» уходит своими окончаниями в «техносферу» — совокупность всех машин, обслуживающих человека: от наручных часов до авиалайнера. В среднем таких машин приходится по десять на человека. Практически в каждую из них будет встроен микропроцессор мощностью в пределах одного миллиона операций в секунду: в общей сложности около 2—3 миллиардов микропроцессоров. Другая низовая структура — входы во всеобщую систему связи, попросту говоря, телефонные аппараты. С учетом подвижности населения и для обеспечения связи «каждый с каждым» количество входов в систему составит примерно полмиллиарда телефонов. К этой системе связи будут также подключаться персональные ЭВМ, как домашние, так и профессиональные, то есть на рабочих местах. Их средняя мощность — от одного до нескольких миллионов операций в секунду, а общее число — 300—400 миллионов штук.

Этот нижний слой индивидуального обеспечения информатизации группируется вокруг «малых» машин мощностью 10—20 миллионов операций в секунду, размещаемых в первичных ячейках хозяйственной и прочей организованной активности. Таких ячеек в развитом обществе будет порядка 10 миллионов. Следующий уровень иерархии — территориальные и подотраслевые вычислительные центры коллективного пользования (ВЦКП), где группируются соответствующие информационные фонды и поддерживается внутри- и межтерриториальный транспорт информации. ВЦКП обслуживаются крупными машинами мощностью от сотни миллионов операций в секунду и выше. Количество таких центров пропорционально произведению числа отраслей на количество территориальных единиц и составит сотни тысяч.

Всю эту пирамиду замыкают около тысячи супер-ЭВМ предельной производительности, которая на обозримый период может быть оценена в 10 миллиардов операций в секунду.

Построенную инфраструктуру, которую в дополнение к технической сфере уместно назвать инфосферой, можно охарактеризовать таким показателем, как удельная информационная вооруженность, то есть суммарная вычислительная мощность, отнесенная к численности населения. Указанный объем инфосферы дает в качестве оценки удельной информационной вооруженности величину 10—20 миллионов операций в секунду на человека.

Полученная оценка помогает определить временной диапазон ускоренного движения к полной информатизации. Начальное развитие вычислительной техники, достигающее информационной вооруженности порядка 10 операций в секунду на человека и совпадающее с созданием автоматической междугородной телефонной связи, образует «критическую массу», позволяющую повышать информационную вооруженность в 10 раз каждые восемь—десять лет. СССР вышел на исходные позиции информатизации в начале 70-х годов, что, по моим оценкам, дает возможность говорить о достижении при благоприятных обстоятельствах полной информатизации в нашей стране в 30—40-е годы XXI века.

Конечно, вся пирамида вычислительных, запоминающих, передающих устройств и оконечной аппаратуры — еще только механизмы, инструменты и транспортные сети информатизации. Инфосфера обретает жизнь после того, как ее память загружена всем информационным богатством человечества, механизмы приведены в действие управляющими программами, а оконечная аппаратура вовлечена в постоянную связь с пунктами возникновения и потребления информации, рассеянными по всем сферам мира людей и машин.

Информационные ресурсы человечества естественным образом делятся на личную информацию человека, социальную память людских сообществ и оперативную информацию, возникающую непрерывно и постоянно в процессах восприятия и осознания человечеством всего происходящего в мире.

Личная информация гнездится в голове у человека, является его индивидуальным достоянием и если и обособляется от него в виде записей и архивов, в том числе и в машинной форме, то все равно продолжает быть объектом его суверенного владения.

Социальная память человечества — это накапливающаяся и, так сказать, дважды социализированная информация. Во-первых, она обособляется от своего источника, будучи зафиксирована в виде документа. Во-вторых, имеет определенный статус, обеспечивающий ее доступность либо обществу в целом, либо той или иной социальной группе.

Информационный ресурс человечества при всей кажущейся его необозримости поддается количественной оценке и составляет в наше

время в расчете на одного человека несколько сот миллионов знаков информации, то есть несколько сотен книг средней величины.

В загрузке и активизации информационного фонда человечества в глобальной компьютерной сети, собственно, и заключается задача информатизации в ее техническом содержании. Наиболее очевидная, лежащая на поверхности задача — это электронное «фотографирование» информационного фонда, его перенос с бумаги на так называемые машинные носители, позволяющие хранить информацию в памяти ЭВМ, мгновенно ее копировать и передавать по линиям связи со скоростями телеграфа, телефона, радио- и телевизионного вещания.

Этот перенос, однако, должен сопровождаться коренной перестройкой информационного фонда, делающей человеческое знание доступным для использования вычислительными машинами, роботами и кибернетическими устройствами. Иначе говоря, информационный фонд человечества необходимо перестроить в базы данных, базы знаний и программные средства.

Базы данных — это фактографические знания, перечисление и описание свойств всего сущего. Базы знаний — концептуальное, понятийное, общее знание: определения понятий, законы природы, правила и установления. Программные средства — операционное знание (как сделать, как решить задачу, как достигать цели), выраженное в форме строгих правил, рецептур и алгоритмов, допускающих автоматическое исполнение.

При всей своей масштабности строительство инфосферы является секторальной задачей для специалистов, которые хотя и составляют внушительную армию из 2—3 миллионов математиков, информатиков, программистов, электронщиков, связистов и представителей многих специальных наук, но тем не менее остаются лишь небольшой частью трудоспособного населения. Наиболее трудоемким процессом, составляющим саму сущность информатизации и по своей всеохватности сравнимым с объемом народнохозяйственной и социальной активности общества в целом, будет процесс «стыковки» живой ткани общества с прорастающей внутри него нервной системой. Он включает в себя смену поколений машин и технологий, формирование новых трудовых навыков и умений, перестройку десятков миллионов рабочих мест, изменение формы, а зачастую и содержания миллиардов актов экономического и административного управления. Таким образом, информатизация неразрывно связана с общим ходом научно-технического прогресса в стране, являясь в значительной степени его стержнем.

В заключение этого раздела отметим, что суммарная стоимость строительства инфосферы за полувековой период составит порядка двух-трех годовых бюджетов региона, что для США, например, сравнимо со стоимостью автотранспортной инфраструктуры.

IV

Если в этом месте читатель прервет чтение и оглядится по сторонам, то ему бросится в глаза кажущаяся несообразность нарисованных перед ним воздушных (хотя и дорогостоящих) замков инфосферы и очевидной неустроенности нашей жизни, особенно в ее повседневных грязеваниях. Посредственное благополучие примитивной уравниловки, трудности с продовольственным обеспечением и жильем, перенапряжение и тревожные признаки дегенерации энергетической и транспортной инфраструктур, нечисто высокая доля низкоквалифицированного и физического труда — и вся эта «реальная жизнь» требует мгновенных действий, немедленной концентрации всех доступных ресурсов. Не являются ли в этой «пожарной обстановке» разговоры о

полувековой программе еще одной «...зации» очередным технократическим волюнтаризмом и философствующим прожектерством? Все эти вопросы слишком реальные и серьезные, чтобы их оставить без внимания.

Сразу заметим, что категорического, «в последней инстанции» ответа на вопросы такого рода нет. В предпосылках к нему всегда существует субъективный социально-политический фактор, определяемый самосознанием общества, *выбором* его исторического пути. Далее, никакое отдельное исследование не может претендовать на исчерпывающий анализ в поисках ответа на эти вопросы. Поэтому последующее обоснование информатизации будет, во-первых, носить неполный характер и, во-вторых, исходить из той позитивной установки, что мы не только хотим навести порядок в собственном доме, но и считаем своей интернациональной задачей укрепить и обновить социализм, распространить гуманизм на все сферы общественной деятельности, внести соразмерный, по возможности весомый вклад в решение глобальных проблем человечества. Еще одно наблюдение, которое, с одной стороны, вселяет оптимизм, а с другой — зовет к осмотрительности: дискуссии по поводу информатизации переключаются с горячими спорами 20-х годов, когда проблемы электрификации и индустриализации надо было решать наряду с быстрейшим залечиванием кровоточащих ран мировой и гражданской войн и одновременно с преодолением и гнета, и неразвитости исторически предшествовавших общественно-экономических формаций.

Что же говорит в пользу своевременности, срочности и осуществимости информатизации советского общества? Мы, по сути, повторяем вопрос, поднятый в начале статьи, но на сей раз в дополнение к эпическим аргументам футурологического плана обращаемся к реалиям нашего времени.

Во-первых, для стран, где структурные изменения народного хозяйства согласованы с темпом научно-технического прогресса, информатизация уже получила размах, позволяющий видеть в определенном смысле завершение и социально-экономические последствия ускоренного строительства современной инфосферы.

В США, по состоянию на начало 1987 года, строительство инфосферы выражается следующими по порядку величины показателями (на 180 миллионов активного взрослого населения):

встраиваемые микропроцессоры	1 миллиард
телефонная сеть	200 миллионов аппаратов
персональные ЭВМ и автоматизированные рабочие места	50 миллионов
мини-ЭВМ	1 миллион
универсальные ЭВМ	300 тысяч
супер-ЭВМ	200

Общая доля финансовых, торговых, учетных и управленческих операций, совершаемых с помощью ЭВМ и электронных коммуникаций, составляет 60 процентов. Объем информации, передаваемой средствами электронной почты, уже сопоставим с объемом почтовой переписки и равен десяткам миллиардов отправок. Мировое производство средств информационной технологии (оборудование, программное обеспечение, передача данных, информационно-вычислительные услуги) достигло в '86 году порядка 200 миллиардов долларов, из которых больше половины приходится на рынок США. Общий объем хозяйственной деятельности Соединенных Штатов в области обработки информации составил в 1986 году 60 процентов валового национального продукта. Достижение полной информатизации в США прогнозируется на второе десятилетие XXI века.

Благодаря активности транснациональных компаний, конкуренции, переносу технологий и другим интеграционным процессам ускоренная информатизация распространяется на страны Западной Европы, Японию, Канаду и Австралию, а в последние годы и на ряд развивающихся стран арабского мира, Юго-Восточной Азии и Южной Америки.

Уже сегодня информатизация положительно воздействует на рост производитель-

ности труда, увеличение роли ресурсо- и природосберегающих технологий, сокращение сроков проектирования и строительства, улучшение качества услуг, особенно в торговле и медицине. Важно заметить, что получаемый при этом эффект не может быть достигнут каким бы то ни было другим путем. Знание, информация — это ничем не заменяемый ресурс.

Высказанные соображения составляют, так сказать, внешний императив информатизации. Вернемся к анализу наших внутренних предпосылок. Строительство инфосферы не отличается ни энерго-, ни материалоемкостью, хотя предъявляет высокие требования к производству ряда особо чистых материалов и изделий прецизионной механики. Информатизация, конечно, в высшей степени «знаниеемкая» деятельность, но, как известно, знание — это единственный ресурс, который от употребления не убывает, а, наоборот, умножается.

Настрой очищающей критики и акцент на нерешенных задачах не должен отодвигать в сторону хотя и изолированные, но реальные элементы информатизации, проявляющиеся в жизни нашего общества. Опускаемые в наши почтовые ящики машинные распечатки счетов по междугородным телефонным разговорам, авиабилеты из «Сирены», электронные образы центральных газет, пересылаемые по спутниковой связи, селекторные совещания министра путей сообщения со всеми железными дорогами страны, вошедшие в каждый дом изображения кометы Галлея, космические системы для навигации и наблюдения за окружающей средой, телемосты — все это реалии нашей жизни, создающие одновременно и предпосылки, и потребности в дальнейшей информатизации.

Нельзя не сказать и о работе научной мысли. Заметим, что марксистский тезис о том, что наука становится непосредственной производительной силой, — первый политический лозунг, опирающийся на положение о знаниях, об информации как стратегическом ресурсе общества. Уместно напомнить работы 50-х годов президента АН СССР академика А. Н. Несмеянова о создании глобальной сети распространения общественной информации. Именно в годы его президентства были созданы общесоюзная система распространения научно-технической информации, сеть институтов кибернетики и вычислительной техники.

Глобальная роль вычислительной техники в управлении экономической жизнью общества была обоснована в трудах академиков А. И. Берга и В. М. Глушкова. Развитие их идей привело к разработке в конце 60-х годов ряда государственных программ развертывания автоматизированных систем управления, вычислительных центров коллективного пользования и систем передачи данных, которые, однако, не получили должного размаха, а в последующие годы застоя были, по сути, отодвинуты в сторону. Появилась необходимость в общесистемном, методологическом и философском обосновании роли научного знания и информации в жизни общества, чему послужили работы ряда наших обществоведов.

Уже в последние годы понимание необходимости создания технической базы информатизации стало реальностью. Академия наук СССР перегруппировала свои силы, открыв новое отделение информатики, вычислительной техники и автоматизации и образовав около десяти исследовательских институтов, ориентированных на разработку новых информационных технологий. Объявлены программы ускорения производства вычислительной техники, которые позволят в 1990-х годах исчислять количество ЭВМ миллионами, а скорость действия суперкомпьютеров — миллиардами операций в секунду. Для координации государственных программ создан Государственный комитет СССР по вычислительной технике и информатике.

Весной 1985 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли решение, важность которого невозможно переоценить. Речь идет о приоритетном направлении первых сотен тысяч советских персональных ЭВМ в сферу образования и введения в средних школах общего курса основ информатики и вычислительной техники. В общественное сознание прочно вошло понятие «компьютерная грамотность», означающее владение навыками решения задач с помощью ЭВМ, умение планировать действия и предвидеть их последствия, понимание основных идей информатики, представление о роли информационных технологий в жизни общества. Это смелое начинание находит общественную

поддержку во всем, что касается применения вычислительной техники. Такая поддержка наряду с ростом молодого поколения станет одновременно и движущей силой, и гарантом информатизации.

Объективная неодолимость информатизации общества еще не означает, что любая конкретная программа ее реализации, так сказать, обречена на успех. Обладая рядом «трудных» свойств, присущих любой глобальной инфраструктуре, инфосфера чрезвычайно чувствительна к человеческому фактору. Включая в себя средства массовой информации как составную часть, она никоим образом не может к ним сводиться. Сравнительно простая и однородная распределительная функция средств массовой информации должна быть дополнена разнообразными средствами поддержки творческой деятельности человека с целью повысить ее общественную продуктивность, не нарушая при этом ее интимной и индивидуальной природы.

Рассмотрим ключевые проблемы информатизации общества в СССР, двигаясь от ее технической основы к социальной надстройке.

Что касается технических средств инфосферы, ключевой проблемой здесь является организация массового производства вычислительной техники и средств связи. В решении ее нашей промышленности предстоит сделать очень многое. Ведь все еще преобладает штучный и мелкосерийный выпуск вычислительных машин, несравнимый по своим масштабам с необходимым объемом инфосферы. Потребуется заводы-автоматы совершенно нового типа, огромной производительности в сочетании с предельной надежностью продукта, допускающего длительную безремонтную эксплуатацию. Удельная стоимость инфосферы в сравнимых ценах должна составлять не более 10 тысяч рублей на человека, а годовая стоимость эксплуатации и сопровождения — не выше 100 рублей. Нынешние затраты, отнесенные к сравнимой величине информационно-вычислительной мощности, превышают указанные примерно в 30 и в 100 раз.

Следующая ключевая проблема — организация промышленного производства заполнения инфосферы: программных средств, баз данных и знаний. Промышленность программных средств и информационных систем замечательна и трудна рядом уникальных черт. В ее создании находит свое выражение исторически новый процесс обособления знания и информации от их человеческого начала, делегирования машинным системам не только значительной части трудовых процессов, но и немалого числа контрольных функций и управляющих решений. Здесь возникает целый пласт проблем, среди которых на первый план выходит проблема безошибочности и надежности программных средств. Сейчас степень «чистоты» среднего программного продукта составляет порядка 99,99 процента — одна ошибка на десять тысяч строк текста программы. Для многих применений ЭВМ, опосредованных человеческим контролем, этого достаточно. Но для работы в условиях полной автоматизации риск слишком велик. Его диапазон простирается от проблемы безопасного поведения робота на заводском участке до дамоклов меча управляющих программ «звездных войн». В настоящее время складывается научная дисциплина программирования, которая позволит за период движения к полной информатизации повысить степень чистоты программ от ошибок в сотни раз, однако в любой момент будет существовать определенный предел допустимой сложности искусственных систем. Выработка чувства безопасной дистанции от этого предела — одна из новых задач выживания человечества.

Актуальнейший аспект проблемы заполнения инфосферы — экономика промышленности программных и информационных систем. Разработка программы, базы данных или знаний — уникальное сочета-

ние традиционно несовместимых стилей работы: творческого вдохновения литератора или художника, отвлеченного и неторопливого абстрактного рассуждения математика, дисциплины, прагматизма и целеустремленности инженера. Необходимо найти меру этого своеобразного труда, уметь определять потребительскую стоимость программного продукта, изыскать средства саморазвития нарождающейся отрасли народного хозяйства. Ожидаемый ее оборот должен, по нашим оценкам, составить к началу XXI века 10—20 миллиардов рублей, возрастая каждое пятилетие вдвое.

Очень глубокая и серьезная проблема стоит перед всем инженерным корпусом нашей страны. Встроенный компьютер придает машине совершенно новые качества: способность к автоматической работе и самоконтролю, во взаимодействии с пользователем переход от языка физических сигналов к языку содержательных понятий. Средства компьютерной поддержки радикально меняют темпы и сами принципы проектирования машин. На первый план выходят математическая модель машины и информационная схема ее поведения. Проектирование становится многовариантным, натурные испытания дополняются вычислительным экспериментом. Каждая машина должна конструироваться не просто как изолированное устройство, экранированное пользователем или оператором от внешнего мира, но должна органически интегрироваться с инфосферой.

V

Если перечисленные проблемы информатизации, несмотря на их диапазон и важность, носят все же относительно частный характер, затрагивая профессионально выделенные секторы общества, то ключевым проблемам, о которых идет речь ниже, присущ всеобщий характер, охватывающий и техносферу, и общество в целом на всех уровнях его активности.

Как уже отмечалось, человечество, взаимодействуя с окружающей средой, формирует внутри себя в результате процессов отражения и познания информационную модель мира. Ее социальная часть складывается в явном, материальном виде с использованием всевозможных знаковых систем, изобретенных человечеством, прежде всего письменности.

Объективная необходимость создавать и сопровождать эту социальную часть информационной модели привела в наше время к тому, что за спиной каждого человека-производителя, работающего в мире вещей, стоит «нахлебник» в лице служащего, посредничающего между производителем и информационной моделью, а через нее — с остальной частью социума и материального мира.

Информатизация одновременно и предписывает, и позволяет подвигнуть труд и назначение служащих радикальной перестройке.

Роль человека в обслуживании информационной модели носит двоякий характер. С одной стороны, в результате творческих актов человек добывает новое знание и обогащает информационную модель. Эта часть работы уникальна и незаменима. С другой стороны, — и в основном — человек формирует и регулирует процесс повседневного отражения материального мира в информационной модели. При всем своем многообразии эта часть работы носит формальный характер, регламентируемый объективными законами природы и развития производительных сил общества. Действуя как информационная машина, человек в то же время социализирует этот вид работы, вносит в нее групповые и личные интересы, снижает ее эффективность, формирует в данной сфере механизм торможения. Бюрократические извращения, при-

писки и другие должностные злоупотребления — лишь крайние проявления издержек человеческого фактора.

Встраивание средств обработки информации в машины, автоматизированные рабочие места и их интеграция с инфосферой позволяют «закоротить» информационные потоки от материального мира к «электронному архиву человечества». Понятие документа не исчезнет, но его оригинал в единственном экземпляре будет возникать и храниться в обособленной инфосфере, а его бумажная копия — появляться в результате достоверной машинной процедуры. Именно в этом сущность понятия «безбумажная информатика», давшего название известной книге В. М. Глушкова.

Таким образом, информатизация не только избавит человеческое общество от огромного объема непроизводительного и «чиновничьего» по духу труда, но и очистит его информационную структуру от искажающего воздействия субъективного фактора. Информатизация как объективный процесс в наибольшей мере будет содействовать сужению базы существования и воспроизводства бюрократии.

Необходимо, однако, сознавать, что процесс перемещения живого труда в производственной сфере чреват периодами социального напряжения и является серьезным испытанием для любой общественно-исторической формации. Глобальный процесс автоматизации работы служащих в этом смысле не будет исключением.

Полная информатизация общества делает совокупное знание общества потенциально доступным каждому человеку. Только такая всеобщая потенциальная доступность приближает нас к осуществлению предпосылки коммунистического идеала: от каждого — по способностям. Способность не может быть запланирована. Она требует для своего проявления многих предпосылок, но может быть реализована лишь по инициативе самого человека. Способность умножается знанием. Тем самым гарантия фундаментального права человека на знания, на информированность становится еще одним краеугольным камнем развивающегося социализма.

Было бы наивным полагать, что нам нужно всего лишь наращивать объемы электронной инфосферы и беззаботно предоставить каждому неограниченную возможность приобщения к любому информационному фонду. Избыточная информированность так же парализует, как и недостаток знания. Информация может быть использована как во благо, так и во вред. Общество в каждой ячейке своей структуры ищет оптимальный баланс между стабильностью и изменчивостью, а стабильность как раз и характеризуется уровнем отказа от взаимодействия, то есть от избыточного информирования. В любом обществе эти объективные кибернетические законы имеют свое социальное выражение в виде системы правовых отношений в области инфосферы. При прочих равных условиях эффективнее та общественная система, в которой путь раскрытия позитивных способностей человека более прям, широк и правоохранен.

Здесь, по-моему, требуются немалые усилия по преодолению пережитков командно-административной системы управления в нашем обществе.

Не претендуя на исчерпывающее обсуждение столь трудной проблемы, остановимся на ряде моментов.

В широком плане нам нужно реабилитировать понятие личной инициативы. В условиях капиталистического общества такая инициатива в состоянии реализоваться только через вложение капитала, оценить полезность своей деятельности предприниматель может лишь через полученную прибыль. В результате любая общественно полезная деятельность напрямую связана с воспроизводством капитала.

Необходимо, однако, понимать, что в современных условиях и предпосылки, и общественная полезность личной инициативы могут иметь натуральное выражение, для которого любая общественная формация должна найти адекватную оценку. Во всяком случае, остаются такие принципиальные свойства личной инициативы, как ее непредсказуемость, реализуемость через случайное совпадение способности, знания, интереса и общественной потребности.

Одним из препятствий на пути раскрепощения творческой инициативы, реализации нового знания служит, на мой взгляд, институциональное назначение ответственных за прогресс в том или ином секторе народного хозяйства: например, определение головных организаций, «отвечающих» за развитие данного научного направления. Последовательное проведение этого принципа на всех уровнях иерархии управления порождает проявления монополизма, угодливости так называемой отраслевой науки, нетерпимости или неспособности понять чужую идею. Общество должно иметь механизм введения в оборот нового знания, где бы оно ни возникало, кто бы ни оказался его носителем.

Другой пережиток административно-командной системы — расширенное до абсурда понимание «служебной информации». Из-за бюрократического узурпирования права на информацию, стекающуюся в той или иной точке административного управления, постоянно нарушается социальная справедливость, которая заключается в равном праве на доступ к социально значимой информации, являющейся, как и другие общественные ценности, общенародным достоянием. Отсутствие или неразработанность законодательных положений о праве на информацию в сочетании со сложившейся системой ограничений на практике ведет к деградации библиотечного и архивного дела, информационному склерозу, повышает вероятность ошибочных решений, заменяет знание мифами, а главное — тормозит творческую активность.

Демократизация информационной структуры общества — залог и предпосылка его жизнестойкости и способности к развитию.

Информатизация общества — это прежде всего грандиозная научно-техническая проблема. Вместе с тем она имеет неисчислимые социальные последствия, оказывая влияние на облик цивилизации в целом. У социалистического общества уже в силу его устройства есть все возможности реализовать социальную функцию информатизации планомерно и гармонично через свои образовательные институты.

Первый шаг, давший выпускникам средней школы 1987 года основы компьютерной грамоты, уже сделан. Следует сохранить это положение и дальше, когда этапы информатизации будут упреждаться соответствующей корректировкой народного образования. Примерно каждые пять лет волна компьютеризации школьного образования будет охватывать два более молодых возраста, сопровождаясь фундаментализацией идей информатики, углублением ее связей с другими науками, расширением использования компьютера как органичного средства учебного процесса.

Аналогичная волна применения компьютеров через лабораторные работы, уроки труда, факультативы и профориентацию будет двигаться в сторону старших возрастов, готовя молодежь к профессиональной работе с информационно-вычислительными средствами на рабочем месте или в стенах вуза.

По мере приближения к полной информатизации компьютер в школе целиком интегрируется с учебной работой во всех классах и по всем предметам, а основы компьютерной грамотности учащихся 80-х годов перерастут в информационную культуру общества первых десятилетий XXI века.

Н. БУХАРИН

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ЛЕНИНА

ДОКЛАД НА ТРАУРНОМ ЗАСЕДАНИИ,
ПОСВЯЩЕННОМ ПЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ЛЕНИНА

Товарищи! Творения великих людей,— а одним из величайших людей был наш покойный учитель и вождь,— представляют собою чудесную сокровищницу идей. Из замечательного многообразия этой сокровищницы приходится выбирать. Приходится ограничивать свою тему, ибо богатства идейного наследства неисчерпаемы и необъятны. Я ограничиваю поэтому тему своего выступления *политическим завещанием Ленина*, то есть совокупностью мыслей, которые Владимир Ильич оставил как свое последнее, самое мудрое, самое взвешенное слово, как свою последнюю, самую продуманную директиву. Я буду говорить о прогнившем и гениальном плане всей работы, оставленном партии, которую Ленин создавал, которую он вел, которую он привел к победе, которой он руководил в героические железные дни гражданской войны, которую он перестраивал и вел снова в бой в начавшуюся эпоху *великих хозяйственных работ*.

Главнейшее из того, что завещал нам тов. Ленин, содержится в пяти его замечательных и глубочайших по своему содержанию статьях «Странички из дневника», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше», «О кооперации». Все эти статьи, если приглядеться к ним внимательно, представляют собой не отдельные разрозненные кусочки, а органические части одного большого целого, одного *большого плана* ленинской стратегии и тактики, плана, развитого на основе совершенно определенной *перспективы*, которую проводил гениальный и острый взгляд полководца мировых революционных сил.

Я очень хорошо знаю, что все эти

статьи неоднократно цитировались, что почти каждая фраза этих статей подвергалась изучению. Но есть до сей поры один пробел, который мне хочется заполнить на настоящем торжественно-траурном вечере. Этот пробел заключается в том, что до сих пор не было сделано — насколько мне известно — попытки разобрать все эти статьи *в их взаимной связи*, понять их именно как частицу большого перспективного плана всей нашей коммунистической работы.

На перевале к шестому году со дня мучительной кончины нашего учителя может, пожалуй, появиться опасение: не мудствуем ли мы здесь через край, не связываем ли мы задним числом сами, и притом искусственным образом, то, что у Владимира Ильича было только отдельными, хотя и гениальными замечаниями? В самом деле, что общего между оценкой всей нашей революции и замечаниями о том, как реорганизовать Рабкрин? А тем не менее, сам автор статей смотрел на них, как на выражение некоторого целостного плана.

Как раз в статье о Рабкрине,— казалось бы, здесь «только» «частный» вопрос! — Ленин пишет: «Вот как я связываю в своих мыслях общий план нашей работы, нашей политики, нашей тактики, нашей стратегии с задачами реорганизованного Рабкрина» (стр. 405).

Если мы внимательно присмотримся к предсмертным статьям Ленина, мы увидим, что в них есть и общая оценка нашей революции с точки зрения возможности строительства социализма в нашей стране, и общие резко очерченные линии нашего развития, и очень глубокий, хотя и очень краткий анализ международной обстановки, и основы нашей страте-

Доклад публикуется без сокращений по изданию: Н. И. Бухарин. Политическое завещание Ленина. Издательство «Правда» и «Беднота», Москва, 1929.

Ссылки на работы В. И. Ленина даются по 45 тому Полного собрания сочинений. В тексте указываются только страницы этого тома.

гии и тактики, и вопросы нашего экономического строительства, и вопросы культурной революции, вопросы об основных классовых соотношениях, о *госаппарате*, об *организации масс*, наконец, об организации нашей партии и ее руководства. В сущности говоря, нельзя назвать ни одного сколько-нибудь крупного вопроса нашей политики, анализ которого не находил бы себе места в этом общем плане, развитом тов. Лениным в его последних директивах. Эти главные вопросы политики Ленин развивал не с точки зрения моментальной и быстро преходящей конъюнктуры: он ставил их с точки зрения «большой политики», широчайших перспектив, генеральных путей, столбовой дороги нашего развития. Его анализ — не крохоборческий анализ маленького участка, а громадное полотно, на котором с необычайной мощью, убедительнейшей простотой и выразительностью изображена тяжелая поступь исторического процесса. Из этого анализа Ленин делает громадные выводы, но этому же анализу он соподчиняет и сравнительно второстепенную организационную деталь. Изобразить весь план Ильича как целое — вот задача, которую я себе ставлю сегодня.

I. ОБЩАЯ ОЦЕНКА НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Начну прежде всего с вопроса об *общей оценке нашей революции с точки зрения возможности социалистического строительства в нашей стране*. Этому посвящена статья, которая так и называется: «О нашей революции». С первого (поверхностного) взгляда можно считать эту статью случайной, почти рецензионной «заметкой». Это, однако, вопиюще неверно. По своим мыслям «заметка» «О нашей революции» является одним из самых оригинальных и самых смелых творений Владимира Ильича. Он, конечно, не учайно выбрал тему «о нашей революции», то есть об оценке этой революции и ее возможностей *в целом*. Он предвидел, что могут возникнуть разные сомнения относительно строительства социализма в нашей стране; он знал, что нашему рабочему классу придется, быть может, пережить не одну волну разных «атак» и со стороны партий, которые когда-то действовали в качестве активных политических врагов внутри нашей страны, и со стороны их преемников, и со стороны отщепенцев нашей собственной партии. Он отлично понимал, что различные трудности строительства могут ставить снова и снова перед колеблющимися интеллигентами вопрос о возможности социализма в нашей стране; что найдутся скрытые поклонники «нормальных», капиталистических отношений; что сменевеховские рассказы о великой пользе Октябрь-

ской революции с точки зрения уничтожения старых дворянских гербов, феодальных конюшен и царского средневековья, но в то же время и с точки зрения благоденствия и грядущей победы изма-на,— будут время от времени разогреваться. Мы отлично знаем, что такие сомнения были, что они кое-где есть и что они, по всей вероятности, известное количество времени *будут*.

Вот почему Ленин еще раз поставил *коренной* вопрос «о нашей революции», о *характере* нашей революции, об *оценке* ее в целом.

Тов. Ленин ставит коренной вопрос: утверждают, что у нас не было достаточных объективных экономических и культурных предпосылок для перехода к социализму. Хорошо. Но это еще не решает дела. Чего не понимают педанты-каутскианцы? Они не понимают того основного, что если с точки зрения всемирной истории проделывать пролетарскую революцию должны развитые страны, страны с чрезвычайно развитой экономической базой, вполне и вполне «достаточной» для перехода к социализму (хотя никто не может сказать, с какой ступеньки развития начинается эта достаточность), то могут быть *особые исключения*, определяемые *своеобразием* внутренней и внешней обстановки. Это своеобразие обстановки как раз у нас и имело место, ибо у нас революция была связана, во-первых, с мировой войной, во-вторых, с началом гигантского революционного брожения среди сотен миллионов восточных народов и, в-третьих, с особо благоприятным сочетанием классовых сил внутри страны, сочетанием, которое Маркс еще в пятидесятых годах прошлого века считал самым выгодным, а именно: сочетанием *крестьянской войны с пролетарской революцией*. И вот эти-то обстоятельства, эта совершенно своеобразная и оригинальная обстановка была основой для всего развития нашей революции. Сделалось возможным такое оригинальное положение, что мы *сначала* завоевываем себе «рабоче-крестьянскую власть», а *потом* уж должны «на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы». Эти чрезвычайно смелые рассуждения необходимы Владимиру Ильичу и для того, чтобы протянуть отсюда нитку для дальнейшего. Если у нас социалистическая революция в значительной мере держится на том *особом* сочетании классовых сил, которое было учтено еще Марксом, то это «сочетание пролетарской революции и крестьянской войны» (то есть союз рабочего класса с крестьянством под руководством рабочего класса¹) должно быть продлено и удержано во что бы

¹ Маркс писал Энгельсу 16 апреля 1856 года: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-либо вторым изданием Крестьянской войны. Тогда дела пойдут превосходно» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, стр. 37).

то ни стало; ибо если *лишиться* этого особо благоприятного сочетания классовых сил, то выпадает вся основа развертывания *социалистической* революции в нашей стране.

Оценивая еще раз «нашу революцию» как социалистическую, отбив самые основные аргументы людей, кокетничающих с возвратом к «здоровому капитализму», к буржуазной реставрации, охарактеризовав «нашу революцию» во всем ее объеме, Ленин с необыкновенной заботливостью ставит и самый общий вопрос *о характере развития «нашей революции»* и, следовательно, *об основах, о направлении нашей тактики*. Ленин предвидит опасность того, что люди, прикрываясь революционной фразой, не поймут всего *огромного*, решающего, принципиального изменения, которое происходит во всем развитии общества после завоевания власти пролетариатом.

II. ОБЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ НАШЕГО РАЗВИТИЯ И ГЕНЕРАЛЬНАЯ УСТАНОВКА ПОЛИТИКИ

Отсюда опять-таки необыкновенно смелая, яркая, отчетливая и необычайно энергичная формулировка этого вопроса. Ее Владимир Ильич дал в своей замечательной статье «О кооперации».

В этой статье тов. Ленин пишет:

«...Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» (стр. 376).

Когда и где с такой резкостью формулировался этот тезис? Я утверждаю, что из всех сочинений наиболее отчетливо и со всей суровой и страстной политической энергией этот тезис сформулирован именно в статье «О кооперации».

«...Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм», — пишет тов. Ленин.

«Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству» (там же).

Это вовсе не значит, что Ленин здесь отрицает классовую борьбу, ибо «мирная организационная» «культурническая» работа есть тоже *особая форма* классовой борьбы. Это значит, что пролетариат ведет за собой *весь* трудящийся народ, что он отвечает за развитие *всего общества*

в целом, что он становится великим коллективным организатором *всего «народного хозяйства»*, что направление развития *не* идет по линии раздвигания пропасти между основными классами (рабочим классом и крестьянством), что дело идет отнюдь *не* к «третьей революции» и т. д.

Разумеется, действительный ход жизни, согласно мейфистофельскому изречению: «Теория, друг мой, сера, но зелено вечно дерево жизни», в действительности сложнее: сложнее могут оказаться и объективные условия, и не совсем идеальной может оказаться наша тактика. Поэтому реально могут быть периоды обострения классовой борьбы и ее форм, связанные с перегруппировками общественных классов. Мы переживаем сейчас один из таких периодов обострения классовой борьбы, когда мы не можем сказать, что наша работа «сводится» к «культурничеству». Было бы, конечно, абсолютно неправильно, если бы мы не учитывали особых черт каждого отдельного этапа нашей борьбы. Но в то же самое время основные положения тов. Ленина о характере нашего развития остаются глубоко правильными. *И это должно остаться теоретическим фундаментом при определении нашей большой тактической дороги.*

III. МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБСТАНОВКА И ЕЕ ОЦЕНКА

В своем политическом завещании Ленин отнюдь не ограничивается этими общими вопросами: от общего он идет к частному, ко все более конкретному и рукой мастера набрасывает все более живые и яркие краски, ставя все более и более животрепещущие проблемы. Владимир Ильич был международным революционером, первоклассным марксистом-теоретиком, и, само собой разумеется, он понимал, что наиболее крупные трудности, наиболее коварные угрозы и опасности связаны с нашим *международным положением*. Мы забываем подчас, что писал Владимир Ильич в своем политическом завещании насчет нашего международного положения, а между тем там дан анализ, который, за немногими исключениями, подтвердился всем дальнейшим ходом мировых событий. В одном пункте жизнь внесла крупнейшую поправку, пункте, который я ставлю первым. Тов. Ленин так изображал международное положение: 1) В Западной Европе раскол империалистических государств: Германия лежит на дне, Германию клюют страны-победительницы и не дают ей подняться. Этот пункт в значительной мере «снят»: Германия, как известно, поднялась под живительным американским золотым дождем, хотя и натывается на огромнейшие трудности. 2) С другой стороны, анализирует положение Ленин, победители, то есть Франция, Англия, Соед. Штаты, Япония, на основе своих побед могут укрепить свою власть, могут делать рабочему классу уступки, которые,

«все же, оттягивают революционное движение в них и создают некоторое подобие «социального мира» (стр. 402). Эта формулировка точна, правильна и в должной мере осторожна. 3) В то же время называет революционное движение в странах Востока (Индия, Китай и т. д.) — в революционный водоворот втягивается большинство человечества. 4) Зреют внешние конфликты между, как пишет Владимир Ильич, «преуспевающими империалистическими государствами Запада и преуспевающими империалистическими государствами Востока...» (стр. 403). 5) Зреют противоречия и конфликты между контрреволюционными империалистами и национально-революционным движением на Востоке, материальные силы которого еще малы. 6) Зреет конфликт между империализмом и Страной Советов.

Тогда, когда Владимир Ильич писал эти строки, мы не ставили вопроса относительно стабилизации капитализма — не было характеристики этой стабилизации. А Владимир Ильич по сути дела дал в основном тот анализ, до которого мы с огромнейшим трудом доработались лишь в течение целого ряда последующих лет. Владимир Ильич ни капли не боялся быть заподозренным в оппортунизме или каком-нибудь подобном смертном грехе и писал, что победившие империалистические государства будут «преуспевать»; а с другой стороны, он отмечал и те *противоречия*, которые рождает капиталистическая стабилизация. И, что особенно интересно, Владимир Ильич связывал следующий революционный взрыв непосредственно с *грядущей войной*.

Что касается крупных *народных движений*, то в первую очередь он искал их на Востоке, там видел он революционную ситуацию и возможность непосредственных революционных взрывов больших народных масс. Разве история не оправдала полностью этого прогноза?

IV. ОСНОВЫ НАШЕЙ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ

В свете этого анализа международной обстановки Владимир Ильич определял и основы нашей стратегии и нашей тактики.

Тов. Ленин рассматривал наше международное положение в первую очередь с точки зрения *военной опасности*. Это он безусловно считал *основным*.

В самом деле, как он ставил вопрос? Как он его формулировал?

«Какая же тактика предписывается таким положением дел для нашей страны?»

«Можем ли мы спастись от грядущего столкновения с этими империалистическими государствами?» (стр. 403).

Какой тактики мы должны держаться,

чтобы «помешать западноевропейским контрреволюционным государствам раздавить нас»? (стр. 404).

Кто знает точность выражения у Владимира Ильича, кто знает, насколько целомудрен был Владимир Ильич в обращении с «большими» словами, и кто вспомнит, что речь идет о его *политическом завещании*, тот не может в этих постановках вопроса не прочесть глубочайшей тревоги (тревоги серьезного мыслителя и мудрого стратега) за судьбы всего социалистического строительства, за судьбы всей революции. Ленин отнюдь не был легкомысленным «ура-патриотом», он серьезно учитывал могущественные силы врагов. Он *открыто* говорил и о наших слабостях, призывал *массы* к их преодолению. Он прежде всего указывал на *низкую производительность народного труда*. Он отмечал, что империалистам не удалось уничтожить Советское государство, но удалось его разорить, затруднить его развитие, затормозить это развитие, то есть что им удалось решить задачу наполовину («полурешение задачи»).

Нужно признать, что хотя мы и сделали большой скачок в область экономического и культурного развития, но мы живем вместе с тем в обстановке *полублокады*. А что касается «низкой производительности народного труда», то хотя мы и здесь сделали крупнейший скачок вперед, но, по сравнению с Западной Европой и Америкой, мы все еще находимся на чрезвычайно низкой, полуварварской ступени развития.

Но как же отвечал на поставленные выше вопросы сам Владимир Ильич? Он отвечал чрезвычайно осторожно. Он говорил: решение *общего* вопроса об исходе гигантской борьбы зависит от «многих обстоятельств», которые заранее учесть нельзя. *В конечном счете*, однако, наша победа основана на силе исполинской *массы*. Основная масса человечества (СССР, Индия, Китай и т. д.) решит исход борьбы. Однако этот исход предполагает определенную тактику.

Итак: «Какая же тактика предписывается таким положением дел для нашей страны? Очевидно, следующая: мы должны проявить в величайшей степени осторожность для сохранения нашей рабочей власти, для удержания под ее авторитетом и под ее руководством нашего мелкого и мельчайшего крестьянства» (стр. 403).

Таким образом, когда Ленин ставил вопрос, что же является *основной внутренней гарантией* в борьбе против нападения империалистов, что является *основным тактическим правилом*, необходимым, чтобы революция пролетариата победила в борьбе против контрреволюционных западноевропейских правительств, он отвечал: *величайшая осторожность в тех пунктах политики, которые касаются отношения рабочей власти к крестьянству*. В другом месте той же статьи он ясно, точно и с крайней скупостью в словах дал

формулировки, которые тем более выразительны, чем более они кратки:

«Нам следует держаться такой тактики или принять для нашего спасения следующую политику.

Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств.

Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии» (стр. 404—405).

На первый взгляд это как будто бы маловато для «нашего спасения» при нападении западноевропейских капиталистических держав. Но дальше тов. Ленин по всем направлениям развертывает из этих, как будто бы «бедных», директив богатейшую цепь все более конкретных указаний, причем одно звено цепляется за другое и вырастает вся сложная и живая практика революционной борьбы и строительства. Мысль, которую Ленин так могуче подчеркнул, обрушив ее тяжеловесной глыбой, как будто бедна: руководство над крестьянством, «величайшая осторожность», доверие крестьянства, сокращение аппарата до минимума — этого как будто слишком мало, все это как будто слишком просто.

Но простота бывает двоякого рода: бывает «простота», которая *«хуже воровства»*, и бывает *гениальная простота*, такая простота, которая представляет собою продукт глубочайшего проникновения в предмет и глубочайшего знания этого предмета. В области художественного творчества такая гениальная простота была у Льва Толстого. В области политики такая гениальная простота была у Владимира Ильича.

Из того, что я уже сказал, вытекает, что Владимир Ильич считал военное столкновение рано или поздно неизбежным и утверждал, что может выйти из него наша революция победоносно только тогда, когда крестьяне будут доверять рабочей власти. По ленинскому завещанию, это есть *решающая предпосылка*, без которой вся революция существовать не сможет. Это, в свою очередь, предполагает величайшую экономию в нашем хозяйствовании. Почему? Здесь тов. Ленин раскрывает все внутреннее богатство этих лозунгов: смысл «величайшей экономии» оказывается гораздо более глубоким, чем это кажется на первый взгляд.

V. ОСНОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В своей известной статье «Лучше меньше, да лучше» Ленин развивает свой план по двум направлениям, которые увязаны с директивой союза рабочих и крестьян и с директивой экономии. Это — план *индустриализации* и план *кооперирования населения*. Поставив вопрос о том, что нам нужно сохранить доверие крестьян, изго-

нять все лишнее из наших общественных отношений, сократить госаппарат до минимума, накапливать постепенно, тов. Ленин вслед за этим спрашивает: но «не будет ли это царством крестьянской ограниченности?» (стр. 405).

Владимир Ильич хорошо знал наших людей, он отлично знал, что будут такого рода нападения, будто он проповедует «царство крестьянской ограниченности», будто он слишком много говорит о крестьянстве и т. д. В ответ на это Владимир Ильич говорит:

«Нет. Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и прочее.

В этом и только в этом будет наша надежда» (*там же*).

Тогда мы удержимся *наверняка* и притом «не на уровне мелкокрестьянской страны.., а на уровне, поднимающемся неуклонно вперед и вперед к крупной машинной индустрии» (стр. 405—406).

В чем здесь «гвоздь»? В чем особо глубокая политическая мысль? В чем здесь то особое, что отличает ленинскую установку от всякой иной? Во-первых, то, что в основе всего плана лежит союз рабочих и крестьян и «величайшая осторожность» в этом пункте, осторожность, так резко отделяющая ленинскую «землю» от трокистских «небес»; во-вторых, то, что здесь дан совершенно определенный ответ, на чем нам нужно строить дело индустриализации страны, где *источники тех добавочных сумм*, которые мы должны в возрастающей мере тратить на дело индустриализации страны. Эти источники могут быть разные. Они могут заключаться в *трате резервов*, которые у нас были (возрастающий пассивный баланс), они могут заключаться в *выпуске бумажных денег* с риском инфляции и товарным голодом; они могут заключаться в переобложении крестьянства. Но все это не здоровая база индустриализации. Все это не солидно, не прочно; все это может угрожать разрывом с крестьянством. Тов. Ленин указывает другие источники. Эти источники есть прежде всего *максимальное сокращение всех непроизводительных расходов*, которые у нас поистине огромны, и повышение качественных показателей, в первую очередь *повышение производительности народного труда*. Не эмиссия, не предание запасов (золотых, товарных, валютных), не переобложение крестьянства, а *качественное повышение производительности общенародного труда и решительная борьба с непроизводительными расходами — вот главные источники накопления*. Это есть определенная директива, определенная политическая линия, и мудрость ее заключается в том, что это единственная линия, при которой дело

хозяйственного строительства, социального накопления и пр. будет иметь и на экономической стороне и на стороне социально-классовой настоящую, крепкую, здоровую базу. Курс на индустриализацию, ответ на вопрос об источниках накопления, директива о том, чтобы политика индустриализации не только не разрывала с крестьянством, а, наоборот, сплачивала союз с крестьянством, и общая оценка вопроса об индустриализации как решающего вопроса («в этом и только в этом будет наша надежда», — писал Ленин о крупной машинной индустрии), — вот те директивы, которые вытекают у Ленина из всей социально-хозяйственной обстановки и анализа международного положения.

Конкретизируя вопрос о том, на какой же организационной базе должна получиться смычка между расцветающей индустрией и мелкими и мельчайшими крестьянскими хозяйствами, Ленин развивает свой «кооперативный план», план смычки через «кооперативный оборот» (стр. 371). Почему через кооперацию должна идти эта смычка? Почему кооперация предлагается в качестве решающего метода? Поэтому, что это есть переход, как очень осторожно выражается Владимир Ильич, к «новым порядкам путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина» (стр. 370), когда население идет к социализму через кооперацию, руководствуясь собственной выгодой.

Вопрос о смычке между рабочим классом и крестьянством (с хозяйственной и социально-классовой точки зрения) можно, конечно, ставить по-разному. Можно поставить его так, что рабочий класс будет строить социализм, крестьянство же не строит никакого социализма, как мелкая буржуазия (собственники), которая ни при каких условиях не способна ни на что в этом отношении. Владимир Ильич не так ставил этот вопрос. Отметив, что кооперация — самый простой и легкий способ вовлечения крестьянства, он продолжает:

«А ведь в этом, опять-таки, главное. Одно дело фантазировать насчет всяких рабочих объединений для построения социализма, другое дело научиться практически строить этот социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении. Этой-то ступени мы и достигли теперь. И несомненно то, что, достигнув ее, мы пользуемся ею не померно мало» (стр. 370—371).

Последнее верно и по сей день.

Всем известно, как тов. Ленин вообще оценивал кооперацию; он говорил, что поголовное кооперирование населения в наших условиях это — есть социализм, и что нам нужно «только» это.

«Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму. Но для того, чтобы совершить это «только», нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы. Поэтому нашим

правилом должно быть: как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас. Нп в этом отношении представляет из себя в том отношении прогресс, что он приноравливается к уровню самого обыкновенного крестьянина, что он не требует от него ничего высшего» (стр. 372).

Когда мы сейчас переживаем целый ряд новых трудностей с крестьянством, нам очень не вредно вспомнить это очень простое и в то же самое время очень мудрое правило. Нам нужно зацеплять крестьянина за его интересы, не мудрствуя, без всяких выкрутас, нам нужно искать самые простые подходы к нему. Для осуществления кооперативного плана нужна культурная революция, ибо для осуществления поголовного кооперирования нужно в первую очередь, чтобы кооператоры цивилизованно торговали. Наш кооператор, писал тов. Ленин буквально: «...Торгует сейчас по-азиатски, а для того, чтобы уметь быть торгашом, надо торговать по-европейски» (стр. 373).

Итак, за основу берется положение, что нужно исходить из простых и доступных крестьянину методов: зацепить «наше дело» за частные интересы крестьянина. В другом месте в той же статье Владимир Ильич в чрезвычайно острой форме ставит этот вопрос: нп, пишет он, это «степень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов» (стр. 370). Ленин учил: зацепить крестьянина за его собственные выгоды и на этой базе, через кооперативный оборот, через кооперацию вести его к социализму. А для того чтобы кооперация привела к социализму, нужна цивилизованная кооперация, для чего нужно торговать не по-азиатски, а по-европейски.

VI. ВОПРОСЫ ОСНОВНЫХ КЛАССОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Владимир Ильич подходил ко всем экономическим вопросам не с точки зрения какой-то внеклассовой экономики: он увязывал любой крупный вопрос одним концом с международным положением, другим концом — с классовой борьбой в нашей стране. Экономика у него развивается вместе с постоянными передвижками и переплетками в области классового строения нашего общества. При этом главной гарантией СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО строительства у нас есть забота о наиболее благоприятном сочетании классовых сил, которое обеспечивало бы нам возможность дальнейшего строительства социализма... забота о сочетании «пролетарской революции» с «крестьянской войной» в новой форме, на этот раз «строительной» форме. Это — ГЛАВНОЕ. Это — то, на что указывал Маркс, что, вопреки лассальянским традициям, вопреки всяким каут-

скианцам, меньшевикам и проч., является продолжением *марксистских взглядов*. Необходимость крепчайшего союза рабочих и крестьян особо подчеркивается тяжелой и трудной междупартийной обстановкой. В связи с этим центральным положением Ленина находится то замечательное место, которое каждому из нас нельзя терять *ни на минуту*. Это место всем известно, но я считаю своим долгом его здесь еще раз напомнить:

«Конечно, в нашей Советской республике социальный строй основан на содружестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т. е. буржуазия. Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол будет неизбежен, но в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания неизбежности такого раскола, и главная задача нашего ЦК и ЦКК, как и нашей партии в целом, состоит в том, чтобы внимательно следить за обстоятельствами, из которых может вытечь раскол, и предупреждать их, ибо в последнем счете судьба нашей республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т. е. новой буржуазии, разъединить себя с рабочими, расколоть себя с ними. Чем яснее мы будем видеть перед собою этот двойкий исход, чем яснее будем понимать его все наши рабочие и крестьяне, тем больше шансов на то, что нам удастся избежать раскола, который был бы губителен для Советской республики» (стр. 387—388).

Я обращаю внимание на некоторые, казалось бы, для марксиста «чудовищные» вещи. Всем известно, что рабочий класс это не то же, что крестьянство. Крестьянство, даже если говорить о крестьянине-середняке и бедняке, есть деревенская мелкая буржуазия (Владимир Ильич о кулаке вообще не упоминает в этих статьях). Всякому понятно, что если существуют два *класса*, то между этими двумя классами *есть классовые различия*, а Владимир Ильич дает такую формулировку, в которой говорится, что если возникнут *серьезные классовые разногласия* между этими классами, тогда раскол неизбежен и тогда гибель Советской республики неизбежна. В чем же дело? Отступил Ленин от марксизма или перестал Ленин считать крестьянство особым классом? Этого «дела» нельзя понять никак, если стоять на плоской, вульгарной, антиленинской точке зрения, если не понимать всей действительной диалектики оригинального, «советского» развития. Перед рабочим классом теперь стоит задача постоянно *перекладывать крестьянство*, перекладывать его «по образу и подобию своему», не отграничиваясь от него, а слившись со всей массой, вести его за собой. Совсем другое соотношение между пролетариатом и крестьянством существует в капиталистическом обществе. Наша Красная Армия, которая состоит в огромной степени из кре-

стьян, это величайшая культурная машина для переделки крестьянина, который из нее выходит с новой психологией.

Владимир Ильич совершенно прав: раскол между этими двумя классами, то есть появление между ними *серьезных классовых разногласий*, которые этот механизм переделки одного класса другим уничтожили бы, *означает гибель Советской республики*. И поэтому совершенно понятно, что любое свое положение Владимир Ильич рассматривал под углом зрения соотношения рабочего класса с крестьянством. И именно отсюда следует его генеральная директива: *ГЛАВНАЯ задача всей нашей партии, всех ее органов состоит в том, чтобы смотреть, из чего может произойти раскол, и, вовремя заметив опасность, ликвидировать ее*.

VII. ВОПРОСЫ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Итак, индустриализация плюс кооперирование. Но кооперирование предполагает культурную революцию. Тут Ленин, выставляя лозунг культурной революции, отнюдь не ограничивается этим голым лозунгом. Он и здесь раскрывает его конкретное содержание, он говорит, что *нужно делать*, на что нужно обратить самое основное внимание, где *здесь «звено»*. Этому специально посвящена его статья, которая называется «*Странички из дневника*». И этот вопрос Ленин ставит, конечно, с точки зрения соотношения между рабочим классом и крестьянством: «Тут основной политический вопрос — в отношении города к деревне, который имеет решающее значение для всей нашей революции» (стр. 366). *Общая установка ясна. Мы не делаем «главного»: мы не поставили народного учителя на надлежащую высоту*. Вот одна директива. И Ленин сразу же идет дальше: взяв строение нашего государственного бюджета, он говорит: если хотите культурную революцию проводить, то моя директива вам: *необходима перестановка всего нашего государственного бюджета в сторону первоначального образования*. Значит, Ленин не только провозгласил лозунг культурной революции: он сейчас же сделал из этого практические указания, и притом указания очень широкого размаха. Никто не скажет, что это можно выполнить сразу и даже в текущем году, но директива смелая, революционная, глубоко правильная. Вы посмотрите, что в самом деле это значит: изгнать все излишества из наших общественных отношений, все барские игрушки, все ненужное; передвинуть господствует в сторону первоначального народного образования, поднять нашего народного учителя на надлежащую высоту. Это, конечно, целая «революция». Эту революцию *можно* провести, но против нее стоят стихийные силы привычек, быта, предрассудков, бюрократической рутины, обезьянничанья с бар. Владимир Ильич не стеснялся сказать, что мы «не делаем почти ничего

для деревни помимо нашего официального бюджета или помимо наших официальных сношений» (стр. 367). И исходя из задач культурной революции, он выдвигает идею *массовых рабочих организаций*, которые бы проникали в деревню, ставит вопрос о шефских обществах, дает формулу, что рабочие-передовики должны нести коммунизм в деревню. Но сейчас же тов. Ленин расшифровывает содержание этого понятия, опять-таки зная, как у нас любят фразу и барабанный бой вместо дела. Он поясняет свою мысль:

нельзя «нести сразу чисто и узкокоммунистические идеи в деревню. До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, губительно для коммунизма.

Нет. Начать следует с того, чтобы установить общение между городом и деревней, отнюдь не задаваясь предвзятой целью внедрить в деревню коммунизм. Такая цель не может быть сейчас достигнута. Такая цель несвоевременна. Постановка такой цели принесет вред делу вместо пользы» (*там же*).

Это — мудрость организатора, который организует не ячейку молодых людей из советских служащих, а организует десятки и сотни миллионов и знает, как к этим десяткам миллионов подходить. Обсуждая вопрос о формах связи деревни с городом (шефство и т. д.), он настаивает: не делайте это бюрократически, — и выдвигает лозунг *всевозможных объединений рабочих, избегая всемерно их бюрократизации*.

Так ставится Лениным вопрос о культурной революции и специально вопрос о деревне, причем характерно, как высоко оценивал Владимир Ильич эту работу. В статье «О кооперации» он говорит: перед нами стоят две главные задачи: 1) переделка госаппарата и 2) культурная работа для крестьянства (см. стр. 376). Эту культурную работу среди крестьянства он в другом месте оценивает как *всемирно-историческую культурную задачу*.

Вы видите, таким образом, какой широкий план выставляется Владимиром Ильичем касательно культурной работы и как он тесно связан, как он, можно сказать, «притерт» к другим его положениям: о кооперативной организации, об индустриализации страны, о борьбе с международным капитализмом и проч.

VIII. ВОПРОСЫ ГОСАППАРАТА И ГОСУДАРСТВЕННОГО И ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА

Тут Владимир Ильич подходит к тому, что одним из величайшей важности составных моментов культурной революции, одним из величайших рычагов социального накопления и вовлечения масс в строительство, — а всякий мелкий крестьянин должен строить социализм! — яв-

ляется состояние госаппарата и качества руководства.

Этот вопрос развивается в двух статьях: «Как реорганизовать Рабкрин» и «Лучше меньше, да лучше». Интересен уже самый подход Владимира Ильича:

«Надо вовремя взяться за ум. Надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед, ко всякому хвостовству и т. д. Надо задуматься над проверкой тех шагов вперед, которые мы ежечасно провозглашаем, ежеминутно делаем и потом ежесекундно доказываем их непрочность, неосolidность и непонятость. Вреднее всего здесь было бы спешить» (стр. 390).

Исходя из такой установки, которая предполагает «solidность», «прочность», «понятость» — вещи довольно простые, Владимир Ильич подходит к вопросу о нашем аппарате.

Вы помните, какие предпосылки в вопросе об аппарате у Владимира Ильича были: нужна *экономика*, потому что только тогда можно провести индустриализацию. Нужно упрощение, потому что только тогда мы можем *вовлечь массы*. Нужно добиться общего повышения *производительности труда*. Таким образом, вопрос о госаппарате, с точки зрения вовлечения масс, экономии, производительности труда, связывается со всеми вопросами. В вопросе о госаппарате связываются, как в фокусе, все вопросы — от экономических до культурных.

И это понятно. В конце концов государственный аппарат — это тот самый рычаг, та самая машина, через которую наша партия, победоносная руководительница пролетариата, направляет всю свою политику; в конечном счете, если посмотреть с точки зрения перспектив, то наш госаппарат есть та самая организация, которая потом должна, охватывая миллионы, охватывая поголовно всех трудящихся, составить собой известный этап в переходе к государству-коммуне, от которой мы еще, к сожалению, очень и очень далеки. Так вот, товарищи, Владимир Ильич спрашивает: если встает так вопрос о государственном аппарате, то чем его чинить, куда мы должны обратиться, за какие рычаги мы должны ухватиться? И он дает замечательную формулировку. Он говорит: мы должны обратиться к самому глубокому источнику диктатуры; а этот самый глубокий источник — «передовые рабочие».

Итак, во-первых, нам нужно обратиться к *передовым рабочим*, а, во-вторых, к «элементам действительно просвещенным» в нашей стране. Нужно позабиться о сосредоточении в Рабкрине лучшего, «что есть в нашем социальном строе» (стр. 391), «человеческого материала действительно современного качества, т. е. не отстающего от лучших западноевропейских образцов» (стр. 389).

С этого конца нужно чистить госаппарат.

Элементы, «действительно просвещенные», должны иметь такие свойства: они,

во-первых, ни слова не возьмут на веру; во-вторых, ни слова не скажут против совести (совесть не отменяется, как некоторые думают, в политике); в-третьих, они не побоятся признать ни в какой трудности и, в-четвертых, не побоятся никакой борьбы для достижения серьезно поставленной себе цели.

Вот какие требования предъявлял Владимир Ильич к этим людям.

Но этого мало. Для того, чтобы обновлять госаппарат и начинать с Рабкина, объединяемого с ЦКК, тов. Ленин предлагал ввести особые испытания, «экзамены» (*экзамен* на кандидата в служащие РКИ и *экзамен* на кандидата в члены ЦКК). Эти экзамены должны состоять в проверке знаний по устройству нашего государственного аппарата, по теории организации той отрасли труда, в которой они желают работать, и проч.

Сделав из РКИ такой первоклассный аккумулятор рационализаторской энергии, необходимо сделать его рычагом, *определяющим собой все другие наркоматы*, перестраивающим весь строй работы, повышающим производительность труда. Но почему Владимир Ильич предлагал объединение с ЦКК, как это увязывается со всем планом? Это, товарищи, становится очень просто и понятно при внимательном изучении всего плана Владимира Ильича *в целом*. У него есть две главные оси плана: первое — лучшая работа, экономия, индустриализация, повышение производительности труда, повышение качественных показателей, второе — правильные соотношения между рабочим классом и крестьянством и забота о том, как бы не начался раскол между этими двумя классами через нашу партию, через раскол в нашей партии. Отсюда объединение РКИ и ЦКК, организация этого двуединого тела, которое должно смотреть за двумя главнейшими задачами, которое состоит из самых лучших элементов страны. Этот организационный проект связан таким образом целиком со всем предыдущим, начиная от международной политики. И, наконец, в этом же плане развиты и соответствующие требования *на счет масс*. Эти требования Владимир Ильич в одной чрезвычайно короткой, но выразительной формуле свел воедино: *«действительное участие действительных масс»*. Ибо можно собрать кучу народа, но это не будет действительная масса; можно собрать их так, как будто они «участвуют», но они действительно не участвуют. Отсюда формула: *«действительное участие действительных масс»*.

Итак, если мы теперь сведем весь план воедино, то мы видим, что помимо общей оценки нашей революции дана оценка международного положения, из этой международной обстановки выводятся проблема *утверждения власти, ее укрепления* и главная директива рабочему классу *удержать власть над мелким и мельчайшим крестьянством*. Отсюда, в свою очередь, развивается курс на индустриализацию страны на основе сбережений, на ос-

нове повышения качества работы при кооперировании крестьянства, то есть наиболее легком, простом и без всякого насилия способе вовлечь крестьянство в социалистическое строительство. Отсюда опять-таки вытекают лозунги культурной революции, перестройки аппарата в деловой, хорошо работающий, вовлекающий массы аппарат; из заботы о правильном соотношении классов выводится забота о партийной линии, об единстве нашей партии; отсюда же строится и план двуединого органа (Рабкин плюс ЦКК), который следит, с одной стороны, за качеством работы, совмещает в себе контроль, практические занятия и научно-теоретические занятия в области организации труда и, с другой стороны, следит за единством партии — и через нее — за дружным осуществлением рабоче-крестьянского союза.

Весь план грандиозный, весь план расчитан на много лет. Весь план исходит из широчайшей перспективы. Весь план стоит на крепком фундаменте основных ленинских положений. И весь план в то же самое время конкретизирован, то есть дан целый ряд указаний действительно практического свойства.

Товарищи, я здесь попытался не пропустить ни одной важной мысли Ленина и не прибавил абсолютно ничего от себя, кроме некоторых комментариев, которые вытекают из соответствующих статей Владимира Ильича. Я старался представить их как нечто целое, как *политическое завещание Владимира Ильича*. Само собой понятно, что та большая историческая полоса, которую мы прожили со времени его кончины, внесла значительные изменения в объективные условия развития: и в области международных классовых соотношений, и в области отношений между империалистическими государствами и Советским Союзом; и в области нашего экономического строительства, и в области соотношений между классами (сюда относится и возросшая активность кулачества), и в области перегруппировок внутри нашей партии, и т. д., и т. п. Можно, пожалуй, сказать, не рискуя ошибиться, что вряд ли кто-нибудь из нас ждал, что мы можем поставить целый ряд крупных рекордных цифр, скажем, в деле строительства промышленности. А мы действительно поставили целый ряд рекордных цифр, мы имеем много достижений и в области рационализации нашей промышленности, и в области научного оплодотворения хозяйства, и в области непосредственной технической реорганизации, и в области увеличения продукции, и т. д., и т. д. Экономически мы сделали огромный шаг вперед.

Мы в известной мере укрепились и на международной арене, хотя противоречия развития дают себя здесь знать наиболее остро. Однако наш рост шел крайне неравномерно, что вызвало целый ряд трудностей, о которых мы теперь так много говорим. Перед нашей партией был поставлен за последнее время целый ряд новых задач, которые буквами не написа-

ны в текстах завещания Владимира Ильича.

Мы поставили вопросы колхозного строительства (что связано с кооперацией и на чем теперь мы делаем ударение), вопросы совхозного строительства, задачи технической реконструкции — вопросы и задачи, которые Владимир Ильич ставил только в общих чертах. У нас многие проблемы встали несколько по-иному. Но основной рисунок нашей политики, нашей стратегии, нашей тактики гениально Владимиром Ильичем предвосхищен и предопределен. И те трудности, которые сейчас переживают наша страна и наша партия, еще и еще раз заставляют нас обратиться к одному из неиссякаемых источников политической мудрости, к завещанию Владимира Ильича, и еще и еще раз самым внимательным образом просмотреть основной вопрос: об отношении рабо-

чего класса с крестьянством. Ибо вопросы индустриализации, хлеба, товарного голода, обороны — это все те же вопросы о рабочем и крестьянине. Недаром наша партия на своей ближайшей конференции ставит этот вопрос в порядок дня.

Товарищи, пять лет назад в тихий зимний день отошел от нас гений пролетарской революции. Многим из нас выпало на долю счастье работать вместе с этим человеком, этим железным «Стариком», как мы его называли, вождем, революционером, ученым.

Через пять лет после его кончины, после проверки его заветов жестоким опытом жизни мы больше, чем когда бы то ни было, с большей горячностью, с большим упорством и с большим знанием действительности подыдем наши красные стяги, чтобы идти *вперед и вперед!* (Продолжительные аплодисменты. Оркестр играет «Интернационал»).

В СТРАНАХ СОЦИАЛИЗМА: ОПЫТ, ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ

В. БЕНКЕ

ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, МЫШЛЕНИЕ

Обновление форм и методов социалистического строительства в Венгрии, как и в других странах социализма, требует более глубокого, чем до сих пор, теоретического и идейного осмысления положения дел в обществе. Сегодня у нас на повестке дня разработка всеобъемлющих реформ, затрагивающих различные сферы жизни. Их реализация предполагает коллективные усилия и коллективную мысль всех общественных групп. Решение многих масштабных вопросов, ускорение социально-экономического развития возможны лишь в такой интеллектуальной атмосфере, которая не ограничивает дискуссии и способствует правильному воздействию на необоснованные мнения и разрешению мировоззренческих противоречий.

В статье я затрагиваю проблематику коллективного предпринимательства на основе общественной собственности, совместимости современного товарного производства с ценностями социализма, а также связанные с нею вопросы разработки социалистической общественной политики, поиска новых социалистических подходов, особенно в экономической области. В сложной экономической ситуации важно обеспечить определенность и четкость позиций в идейной сфере. Это в интересах формирования общественной политики, гарантирующей реализацию принципов социализма.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ И РЕФОРМА

Венгерская экономика не смогла своевременно и решительно отреагировать на неблагоприятные изменения внешнеэкономических факторов. Одной из главных причин этого являлась приостановка процесса реформы в начале 70-х годов. Попытка уклониться от конфликтов и напряженных ситуаций, несомненно, была ошибкой, так как сейчас мы вынуждены проводить те же самые изменения, но уже в менее благоприятных условиях. Следует учитывать и то, что в стране, обладающей невыгодной экономической структурой с точки зрения новых тенденций в мире, ограниченными материальными ресурсами и, кроме того, испытывающей влияние дискриминации, структурная перестройка неизбежно приведет в своем начале к ряду негативных последствий для благосостояния трудящихся. Поэтому мы, политическое руководство, долго избегали таких последствий.

Решения руководящих партийных органов в последнее время подчеркивают, что ошибочным было не проведение реформы в 1968 году,

а ее медленная и непоследовательная реализация на практике. К наиболее острым и долго не находившим своего разрешения противоречиям нового хозяйственного механизма, введенного в ВНР в 1968 году, можно отнести следующее. При общей ориентации на хозрасчетные принципы, самофинансирование, стимулирование труда по конечным результатам сохранялось административное выравнивание доходов предприятий через госбюджетную дотацию нерентабельным хозяйственным организациям. Как подчеркнул на сессии Государственного собрания ВНР (сентябрь 1987 года) Председатель Совета Министров К. Грос, сложилась неприемлемая ситуация: 58 процентов прибыли предприятий в сфере материального производства обеспечивались государственными субсидиями. Иными словами, на практике хозрасчет оставался весьма ограниченным и не мог активно принуждать к достижению высоких производственных результатов.

Кроме того, система управления, ориентированная на экономические нормативы, содержала значительное количество льгот и исключений, что ставило хозяйственные организации в неравное положение и одновременно сохраняло их прямую зависимость от центральных ведомств в принятии решений по управлению производством.

К этим и многим другим внутренним противоречиям хозяйственного механизма добавляется и запаздывание ряда важных управленческих решений. Так, в течение двенадцати лет с начала введения новой системы оставалась неизменной организационная структура управления, механизм ценообразования был оторван от основных тенденций движения цен на мировом рынке и т. д.

Ухудшающееся экономическое положение невозможно изменить радикальным вмешательством или резким поворотом. Но мы настойчиво ищем выход, стремимся к продвижению вперед хотя бы отдельными мелкими шагами.

Июльский (1987 год) пленум ЦК ВСРП принял политическое решение об основных направлениях совершенствования хозяйственной жизни и перестройки экономического управления. В главном они соответствуют целевым установкам XIII съезда ВСРП, ориентирующим на всемерную интенсификацию экономики, коренную модернизацию структуры производства и повышение его эффективности, на приоритет развития высокорентабельных предприятий и активизацию человеческого фактора.

Решения пленума конкретизированы в рабочей программе правительства ВНР, принятой в результате очень заинтересованного обсуждения на осенней сессии Государственного собрания. Правительство ВНР намерено проводить активную политику селективного развития и модернизации производства, пойти на резкое снижение дотаций нерентабельным предприятиям и ликвидировать или перестроить убыточные. В структурной политике приоритет будет отдаваться подъему конкурентоспособных и высокоэффективных экспортных производств — основного средства сокращения внешней задолженности страны. Правительственная программа определила линию на продолжение хозяйственной реформы, освобождение управленческих механизмов от бюрократических и ведомственных искажений, повышение действенности экономической централизации при реальном расширении самостоятельности предприятий. Предусмотрены реформы налогов и цен, изменение механизма регулирования заработной платы и пенсионного обеспечения, готовятся правовые документы, которые будут стимулировать создание новых форм экономической централизации «снизу» — договорных объединений, акционерных предприятий и т. д. В центре внимания остается расширение демократии в хозяйственной сфере.

Основная цель стабилизационной программы состоит в создании источников, базы последующего ускорения развития. Это необходимо

для того, чтобы выйти из сложившейся «экономической западни» в виде дефицита средств на техническое и структурное обновление и сохранения отсталых производств. Мы стремимся повысить роль экономических инструментов и рычагов структурной политики в определении тех сфер производства или предприятий, которые подлежат свертыванию и ликвидации. В Венгрии в течение длительного времени объективно обоснованная оценка эффективности и рентабельности тех или иных производств была затруднена, так как картина искажалась нереальными ценами, многочисленными льготами и дотациями. В настоящее время с помощью цен, кредитов, налогов, планомерно регулируемого рынка предполагается усилить объективный характер прибыли как главного мерила конечных результатов хозяйствования. Реформа банковской системы, перестройка механизма налогообложения значительно ограничат возможности административного перераспределения доходов между предприятиями, будут способствовать выявлению слабых, экономически бесперспективных производств, что поможет центральным органам управления вести селективную структурную политику. Все это укрепит хозяйственную мотивацию деятельности предприятий, реальную силу экономического принуждения и послужит интенсификации производства, эффективному использованию всех ресурсов. Но пока вынужденно сохраняется низкорентабельное производство — в интересах либо поддержания экспорта и оплаты внешних кредитов, либо бесперебойного снабжения внутреннего рынка. Во многом именно этим объясняется дотирование предприятий, имеющих нерентабельное производство или неэффективный производственный профиль. (В первой половине 1987 года в Венгрии насчитывалось 212 нерентабельных промышленных предприятий и кооперативов, или 10 процентов от общего количества промышленных хозяйственных организаций). Большинство таких предприятий удовлетворяет реальные потребности далеко не на должном качественном уровне, что порождает дополнительные экономические потери.

Изменить положение очень непросто. Нужен своего рода переходный период в области товарного предложения, занятости, экспорта, связанный с процессом свертывания нерентабельных производств. Без него в условиях ограниченных импортных возможностей нас подстерегают крупные экономические противоречия и сбои, которые встанут на пути реформы и послужат опорой догматическим, антиреформенным силам.

Двадцатилетний опыт венгерской реформы показал, что общая концепция, понимание отдельных мер в ее рамках еще не являются достаточным условием конечного успеха. Для его обеспечения важны предварительный просчет средств реализации намеченных преобразований, возможных косвенных последствий, контроль за согласованностью отдельных элементов концепции. И, наконец, всегда следует иметь в виду, что вслед за построением общей модели необходимо тщательно планировать все мероприятия, разрабатывать формы и методы, обеспечивающие ее осуществление на практике. Если этого не происходит, то нет реальных шансов для воплощения в жизнь принципов реформы, и даже самое настойчивое стремление к новому будет подавляться воспроизводством ранее существовавших условий хозяйствования и управления.

Именно для результативной перестройки экономического развития требуются серьезный анализ и точная оценка накопленного опыта. Особенно важно изучить ряд взаимосвязей развития венгерской экономики с общественной политикой и идеологией.

Переходя к этим вопросам, хочу подчеркнуть огромное значение для Венгрии тех общественных и экономических сдвигов, которые происходят в Советском Союзе. Наша партия, специалисты-хозяйственники и общество в целом с большими надеждами и с братской симпатией следят за изменениями в Советском Союзе. Сейчас, когда КПСС разрабо-

тала и приняла широкую программу обновления, когда в СССР и других социалистических странах проводятся свои реформы, складываются благоприятные международные условия для реализации и нашей экономической программы.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ОТВЕТ НА ИЗМЕНЯЮЩИЕСЯ УСЛОВИЯ

Внимание политического руководства и общественного мнения Венгрии сегодня направлено в первую очередь на оценку состояния экономики и перспектив ее развития, возможностей восстановления позитивных тенденций хозяйственного роста, преодоления последствий экономической стагнации. Естественно, что замедленное развитие экономики, снижение жизненного уровня значительной части населения усиливают озабоченность и сомнения людей. Они все болезненнее реагируют на фактические или воображаемые, иногда преувеличенные, сдвиги в социальной дифференциации, если за ними стоит неудовлетворенность своим положением, которая у нас скорее увеличивается, чем уменьшается. В 80-е годы произошло замедление темпов роста национального дохода: в 1981—1985 годы он увеличивался в среднем на 1,5 процента ежегодно, а в 1986 году его прирост составил лишь 0,9 процента. Это сказалось и на жизненном уровне народа. Хотя реальные доходы на душу населения продолжали расти (за 1981—1986 годы они увеличились на 10,6 процента), одновременно снижалась реальная заработная плата (в 1986 году она составила 97,9 процента от уровня 1980 года), уменьшалась реальная стоимость большинства пенсий (каждая третья пенсия за этот период потеряла от 10 до 20 процентов своей покупательной способности).

Теперь и на практике отчетливо видно, что такие шаги в перестройке экономики, как ликвидация нерентабельных производств, сокращение дотаций, восстановление внешней и внутренней сбалансированности, неминуемо связаны с негативными последствиями в формировании реальной заработной платы, в решении жилищной проблемы, в социальном обеспечении и т. д., что усиливает имеющуюся напряженность. Такую нагрузку может выдержать только общество, которое хорошо знает о неизбежности негативных последствий принимаемых мер и уверено, что именно через их преодоление лежит путь к повышению уровня хозяйствования и достижению в обозримой перспективе результатов, оправдывающих сегодняшние трудности.

В обеспечении готовности общества идти на возрастание трудностей велика роль партии, общественных организаций и средств массовой информации. Особая ответственность за создание ясной и полной картины общественных противоречий, реальных причин трудностей и возможных путей их преодоления лежит на ученых, идеологах. Ведь необходимое условие общественного единства в нашей ситуации состоит в более глубоком познании социально-экономических компонентов структурной перестройки и выявлении социалистической иерархии ценностей, в рамках которой и в интересах которой эта перестройка осуществляется.

В массовом сознании по этим проблемам пока еще нет должной ясности, что ослабляет нашу готовность к реформам. Конечно, на общественное мнение решающее воздействие оказывают социально значимые факты материальной действительности, но сохранение, а тем более усиление существующей идейно-теоретической неопределенности, отражаясь в массовом сознании, осложняет процесс назревших изменений.

Осложняет и ослабляет его, в частности, и то, что разговор о социализме постепенно приобретает такой оттенок, будто все сделанное до сих пор является ошибочным. Все чаще вместо социалистической

критики наших недостатков мы сталкиваемся с буржуазной критикой возникновения и становления социализма. Одновременно встречаются и догматические суждения, в которых любое отступление от ранее признанных форм считается утратой социалистического характера общества. Вместе с наблюдающейся поляризацией идеологических взглядов возникает и определенный «тип» научных исследований, в которых поверхностная критика социализма соединяется с идеализированной картиной капиталистического общества.

Ни в коей мере не способствует формированию реальной и критичной оценки социалистических отношений размывание в общественном мнении границ между противоречиями, объективно порожденными условиями жизни, и напряженностью, возникшей в результате наших ошибок.

Опыт показывает, что с повышением уровня организации общества человеческие отношения становятся все более опосредованными, что быстрое техническое развитие подрывает многие коллективные формы, а усложнение функционирования общества увеличивает бюрократию. Это обстоятельство нужно учитывать. И в теоретическом, и в практическом плане необходимо четко разграничить разные по значению причины наших недостатков — последствия международного разделения труда и обмена (в том числе информационного) и наши собственные промахи. Тогда только мы будем в состоянии правильно понять, по каким проблемам и какие решения можно и нужно искать.

Среди факторов, определяющих наше сознание, мышление, иерархию ценностей, особое место занимает изменение соотношения сил в мире. Ныне оно протекает под непосредственным воздействием развивающегося во многих социалистических странах (в Советском Союзе уже почти три года) процесса обновления, реформ в общественной практике и образе мышления. Его влияние на Венгрию имеет растущий позитивный характер. Но и блок других факторов — новые сдвиги в мировом хозяйстве и коренной поворот к неоконсерватизму в идеологической сфере по сравнению с практикой 70-х годов — нельзя обойти стороной. Мы должны считаться с тем, что и сегодня капиталистический мир проводит в жизнь принципы и требования, коренным образом противоречащие традиционным ценностям социализма — социальным гарантиям, общественной солидарности, привязке доходов к трудовым затратам и т. д.

При формировании нашей стратегии мы не в состоянии освободиться от этого влияния. Как уже отмечено, венгерское хозяйство с запозданием реагировало на новые тенденции в капиталистической экономике, что заключало в себе много неблагоприятных последствий. Нам нужно конкурентоспособное производство, которое является залогом динамичности социалистической экономики. Но мы не можем выбрать (в меньшей степени по идеологическим причинам) пути совершенствования производства, используемые наиболее развитыми странами капитализма. Например, они перераспределяют бремя технического прогресса и реализации рыночных принципов среди многих других стран, а для нас с нашими ограниченными ресурсами это невозможно. Тем более невозможно, что мы — социалистическое общество.

Несмотря на неблагоприятные внешние условия, агрессивное идеологическое давление — более того, именно из-за них, — мы должны неотложно и энергично заниматься задачами общественной и экономической организации. Внешние препятствия не могут служить оправданием нашей непоследовательности и медлительности во внутренних делах. Применявшиеся до сих пор инструменты и методы из-за ошибок или сложности проблем не были достаточно результативными, и они не так скоро ведут к успеху, как хотелось бы.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ И ТОВАРНОЕ ХОЗЯЙСТВО

Венгрия, как и большинство социалистических стран, ищет пути для согласования общественных ценностей социализма и современного товарного производства. Ключевое направление мы видели и видим в хозяйственной реформе, призванной обеспечить плановость в условиях функционирования рыночных законов.

Реальным воплощением и практическим подтверждением правильности концепции хозяйственной реформы является наше сельское хозяйство, которое уже с 1957 года планомерно и быстро развивалось без директив центра, посредством экономических регуляторов. Если в первой половине 50-х годов венгерское сельское хозяйство находилось практически в состоянии стагнации (среднегодовые темпы прироста продукции в 1951—1955 годах составляли лишь 0,1 процента), то изменение форм управления и подхода к коллективизации благоприятно сказалось на развитии отрасли. В 1956—1960 годах в среднем прирост производства здесь достигал 4,1 процента. К середине 80-х годов Венгрия вышла на одно из первых мест в мире и на первое среди стран — членов СЭВ в производстве сельскохозяйственной продукции на душу населения.

Новые черты и практические примеры, возникавшие в работе кооперативов (самостоятельность, повышенная инициативность, внутренняя демократия, новый тип коллективизма, готовность к кооперации и т. д.), помогли обрисовать систему общественных требований и последствий осуществления принятой концепции реформы.

Под влиянием реформы положительные сдвиги уже произошли и в других областях хозяйства. Даже частичное совершенствование промышленного производства привело к заметному расширению предложения товаров. Более разнообразными стали организационные формы, расширился ассортимент в торговле. Увеличилась и стала многосекторной сфера обслуживания, где намного возросла численность мелких ремесленников, оказывающих услуги во внеурочное время (свободное от труда на основном рабочем месте). Индивидуальный (и частный) сектор обеспечивает более 55 процентов всего объема предоставляемых услуг (в услугах для населения его доля еще выше — 61,3 процента). Общая численность мелких ремесленников в народном хозяйстве ВНР с 1970 года выросла почти в 2 раза и достигла в 1986 году 150,6 тысячи человек, причем количество внеурочно занятых в этом секторе превышает 54 тысячи. Появилась новая форма — арендное использование мелких точек торговли и общепита, находящихся как в государственной, так и в кооперативной собственности (11,9 процента всех магазинов и 41,3 процента точек общественного питания). Опыт свидетельствует, что использование таких форм необходимо и полезно как потребителю, так и производству.

Частное и коллективное предпринимательство имеют очень неоднозначные последствия для экономики и общества в целом, отдельных слоев. Предложение стало шире, хотя еще и не является удовлетворительным. Вместе с тем, используя дефицит, отдельные предприимчивые люди, группы получают непропорционально высокие доходы, что вызывает недовольство населения. Злоупотребления «предпринимательства», естественно, должны пресекаться. Против них ведется активная борьба в предусмотренных законом формах, независимо от того, проявились они в рамках государственного, кооперативного или частного сектора. Следует, однако, учитывать, что с чрезмерным обогащением на дефиците эффективно бороться можно лишь путем развития производства или обслуживания, максимально быстрого увеличения предложения.

У нас есть поучительный опыт применения и ошибочных методов борьбы с указанными недостатками. В начале 70-х годов, реагируя на настроения отдельных групп общества, ссылаясь на интересы рабочего класса, мы приняли неверные решения по ограничению быстрого роста доходов крестьянства. Радикальное повышение налога на продукцию приусадебных хозяйств, а также сужение возможностей сельскохозяйственных кооперативов в подсобной деятельности промышленного и обслуживающего характера привели к дефициту продовольственных товаров, запчастей, комплектующих изделий; стали ощущаться и проблемы с занятостью в кооперативах. Оказалось, что эти меры подрывали интересы и рабочего класса. Пришлось срочно корректировать ошибочные решения.

Размышляя над проблемами и задачами перехода к интенсивному типу хозяйствования, обязательно наталкиваешься на основной вопрос: возможно ли соединение современного товарного производства и общественных ценностей социализма? Иными словами, совместимо ли интенсивное хозяйство, целенаправленное расширение сферы товарно-денежных отношений и рынка с коллективным управлением, распределением по труду, социалистическими принципами гуманности, демократизма?

Венгерские марксисты отвечают на этот вопрос решительным «да». Если расширение товарно-денежных отношений работает на общественную, экономическую, социальную сбалансированность в определенной мере, то именно в такой мере нужно добиваться интеграции социалистических ценностей и социалистического товарного хозяйства.

Принципиальную возможность сотрудничества разных социальных групп, слоев, основанного на коллективизме, создает общественная собственность. Годы строительства социализма подсказывают, что и на этой базе коллективистские отношения формируются не автоматически, а с помощью разного рода опосредований.

Роль одного из опосредующих звеньев играет коллективная заинтересованность в результатах труда. Она является основой, на которой формируются самостоятельность, инициативность, привычка к труду, преисполненному ответственности по отношению к обществу. Эти характерные черты трудящихся и коллективов уже есть в нашем обществе, но они пока не являются всеобщими.

Повышение самостоятельности и ответственности трудовых коллективов в принятии решений уже сегодня может снять ряд напряженностей, связанных с разделением труда. Чрезмерная централизация и порожденные ею обезличивание, размывание ответственности, недостаток личной заинтересованности стали не только ограничителями роста производительности труда, но и преградами на пути совершенствования общественных отношений. Их преодолению способствуют новые формы предпринимательства.

С начала 80-х годов в ВНР введено более 10 организационных форм хозяйственной деятельности под общим названием «новые формы предпринимательства». К ним относятся мелкие предприятия и кооперативы, дочерние предприятия, специализированные кооперативные группы в промышленности и сфере услуг, договорные (или арендные) формы в торговле и общественном питании, хозяйственные трудовые товарищества на предприятиях и в учреждениях, работающие на договорных началах внеурочно по месту основной работы. Возникают они главным образом в государственном и кооперативном секторах экономики.

Заслуживает внимания прогрессивная роль самостоятельных

небольших рабочих коллективов на крупных предприятиях в организации труда, в более точном измерении конечных результатов, в формировании высоких требований к труду и нормам сотрудничества. Особо хочется отметить, что хозяйственные трудовые товарищества и более мелкие формы предпринимательства представляют собой практический пример общественной селекции на основе критериев трудового вклада (плохих работников в товарищество не возьмут). Это важно в свете того, что одну из наиболее острых наших проблем — проблему кадрового отбора — нужно бы решать именно таким образом.

Процесс совместного труда может обеспечить также снижение субъективизма и при выборе руководителей, исключить попадание в их ряды случайных лиц. Опыт советов предприятий показал, что сама по себе выборность руководителей не имеет однозначно позитивного значения. Беспринципно используя личные и коллективные связи, опираясь на скрытые разногласия, можно ведь и злоупотреблять демократическим механизмом. Заинтересованная социальная активность каждого сведет такие злоупотребления к минимуму. Эта активность постоянно растет на предприятиях благодаря расширению демократических начал управления ими (советы предприятий в большинстве крупных коллективов, выборность руководителей, передача собраниям трудящихся или их представителям важных управленческих функций).

Как показали «новые формы», члены отдельных коллективов и групп не могут ждать внутренних перемен без собственного решающего участия. Однако желание действовать возникает лишь при достаточной самостоятельности коллективов, иначе нельзя рассчитывать на чувство ответственности трудящихся.

Соединение коллективизма с товарным производством весьма противоречиво. Оно ставит и еще поставит перед нами много вопросов, ответ на которые найти далеко не просто. Среди них особенно существен вопрос о методах и формах разделения и интеграции труда внутри хозяйственных единиц и между ними.

В малых хозяйственных подразделениях есть реальная возможность для всех участников производства ознакомиться с каждым значительным моментом их деятельности. Следовательно, они могут непосредственно влиять на ход производства, на пропорции личного потребления и производственного накопления. Но такие подразделения не обладают нужными ресурсами для успешного выступления на рынке. Поэтому мы должны постоянно изучать любые способы, формы практического объединения преимуществ мелких предприятий с крупными ресурсами больших хозяйственных организаций.

Наш опыт подсказывает, что формой такой интеграции должно быть не организационное слияние, а использование финансового сотрудничества, объединения средств (в том числе и путем выпуска предприятиями облигаций) и других форм коопераций. Конкретные результаты при этом — в первую очередь в сельском хозяйстве и торговле — лучше, чем при организационной интеграции, которая чаще всего носит формальный характер.

ДИЛЕММЫ И ПРИНЦИПЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Среди «крепких орешков» реформы находится и вопрос о единстве эффективного централизованного управления, способного формулировать цели на основе учета общественных интересов, и большей экономической автономии коллективов. Какой механизм может обеспечить органичную связь экономической и социальной политики на макроуровне с самостоятельной деятельностью на уровне предприятий, чутко реагирующих на рыночную конъюнктуру?

Необходимым связующим звеном между ними выступает общественная политика, которая одновременно является важной движущей силой экономического развития. Она призвана комплексно охватывать, учитывать, соединять в себе множество факторов: разделение труда и распределение доходов, пропорции трудовых доходов и выплат из общественных фондов потребления, возможности социальной мобильности, условия, определяющие благосостояние семей, всю сферу гуманитарных услуг, включая образование, культуру, здравоохранение. То есть сфера ее влияния значительно шире, чем социальной политики, и не ограничивается сглаживанием негативных социальных последствий экономических процессов.

Так как основу совокупности общественных отношений составляют производственные, трудовые отношения, большая часть целей общественной политики достигается с помощью экономической политики. Однако без комплексного подхода в первой невозможно разработать результативную вторую. Условием формирования рациональной концепции общественной политики является учет долгосрочных национально-государственных целей и предпосылок их реализации. Краткосрочные проблемы разрешаются в рамках социальной политики.

Одно из важнейших наших устремлений — сохранение полной занятости. Политическое значение этого не требует дополнительных комментариев: ведь нельзя говорить об обществе труда и одновременно не обеспечивать людей работой. Однако структурная перестройка производства неизбежно сопровождается ликвидацией части рабочих мест. В сегодняшней критической ситуации следует решительно идти по этому пути, намеченному в решениях пленума ЦК ВСРП еще десять лет назад.

Изменения могут болезненно затронуть большие или меньшие группы работников и руководителей производства. Нам не грозит массовая длительная безработица, которую пытается предсказать западная пропаганда, но многим людям придется менять вид трудовой деятельности или предприятия, пройти через профессиональную переподготовку. Право на труд и основной принцип управления трудовыми ресурсами (полная занятость) мы трактуем не как право на определенное рабочее место, а как гарантию возможности трудиться. При этом не исключаются временные и территориально ограниченные сложности с трудоустройством (то есть структурная безработица). Волшебных средств не существует. Мы должны идти на необходимую перестройку, стараясь, насколько это возможно, компенсировать людям материальный ущерб.

В Венгрии в 1986 году в связи с принятием закона о ликвидации нерентабельных предприятий, а также с учетом активизации процессов высвобождения и перераспределения рабочей силы между хозяйственными организациями были разработаны и утверждены законодательные акты, регулирующие трудоустройство высвобождаемых работников и гарантирующие людям материальную компенсацию временной занятости. (Общий срок, отведенный для трудоустройства на новом месте, в течение которого гарантируется определенная компенсация, составляет 15 месяцев.)

Кажется парадоксом, но сегодня проблемы создает в основном не дефицит рабочих мест, а нехватка — реальная или фиктивная — рабочих рук, усиление неорганизованности, падение трудовой морали. Причиной этих недостатков, увы, коренится в наших преимуществах.

Социализм обещал и дал людям социальные гарантии. Ликвидация безработицы и обеспечение полной занятости относятся к ключевым ценностям социалистического общества, к наиболее крупным достижениям мирового значения. Думаю, правильным было решение о защите трудящихся от серьезных потрясений кризиса мирового хозяйства.

Неверным, однако, было обеспечивать такую же защиту предприятиям, причем в ряде случаев в чрезмерных масштабах.

Защита каждого предприятия от возможности банкротства на деле оборачивается защитой и устаревшей продукции, технологии, и слабого руководства, и плохой работы, что в конечном счете отвлекает ресурсы от предприятий, способных развиваться эффективно. Так социальная защищенность предприятий наносит ущерб экономическому и социальному развитию общества и предприятий, противоречит нашим интересам и целям. Представляется, что такой опыт заслуживает особенно критического внимания и переоценки в общественном мнении.

Второй узел напряженности — распределение доходов. С одной стороны, происходит их нивелирование, которое давно стоит в ряду причин наших проблем. С другой стороны, нас беспокоят и крайне высокие доходы. Считаю упрощением увязывать нивелирование доходов лишь со стремлением к уравниловке в оплате труда. Ошибочно объяснять и наличие высоких доходов принципиальными уступками «предпринимательству». У каждого из этих явлений есть более глубокие экономические основы.

Решающая причина нивелирования заключается в том, что определенные социально-экономические условия порождают чрезмерную занятость и соответственно дефицит кадров, который влечет за собой конкуренцию предприятий за рабочую силу через заработную плату. Вследствие лимитов в государственном регулировании зарплаты такая конкуренция переходит в снижение качества труда, в ослабление трудовой морали. Отсюда несовпадение в росте заработной платы и производительности труда, усиление инфляции. (С 1981 по 1985 год производительности труда в народном хозяйстве ВНР выросла на 10 процентов, в промышленности — на 19 процентов, а уровень средней заработной платы увеличился в социалистическом секторе экономики и в промышленности соответственно на 36,7 процента и 41,0 процента). Поскольку такое положение сложилось в результате централизованного регулирования зарплаты и определенного поведения предприятий, изменить его возможно только совместными усилиями государства и предприятий. Неблагоприятная тенденция может быть преодолена лишь в рамках ресурсоэкономного, то есть интенсивного типа хозяйствования. Для этого надо отказаться от практики бесконфликтного развития на предприятиях и в отношениях между ними.

В условиях снижения уровня жизни и, думаю, вследствие этого в общественном мнении болезненную реакцию вызывают доходы, непропорциональные трудовому вкладу и его общественной полезности. Неодобрительная реакция населения понятна, но политическое руководство должно действовать с учетом не только этой реакции, а реальных причин явления.

Между тем бороться с такими доходами их противники предлагают, как правило, жесткими административными ограничениями. Но достаточно очевидно, хотя и не для всех, что конъюнктурно высокие доходы могут исчезнуть лишь при расширении предложения или организации соревновательности в предложении.

Следует заметить, что даже оправданно высокие доходы оказывают противоречивое влияние на общественное сознание. Они обладают привлекательной силой, если есть возможность убедить человека в их доступности на его рабочем месте при условии соответствующих трудовых усилий. Но у них есть и другой эффект, связанный с обесцениванием средней приемлемой жизненной модели, которой соответствует средний уровень трудового вклада.

Как ни тяжело признавать, но удовлетворение жестких трудовых требований возможно лишь ценой личных или межколлективных конфликтов. Организационные условия выявления этих конфликтов и их

разрешения у нас только начинают складываться. Необходимые реформы в области политической системы должны полностью учитывать и эту проблематику, эту потребность.

Желание спокойствия, «гармонии» настолько сильно в институтах общества, что оно все чаще действует против насущных изменений. Жажда перемен рождает свою противоположность, если перемены могут вызвать хотя бы временное неудобство с точки зрения конкретного человека или трудового коллектива.

В связи с этим надо серьезно переосмыслить вопрос о реализации социальных гарантий, которые, несомненно, являются социалистическими ценностями, с тем чтобы они не ослабляли динамизм нашего общества.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ И СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ

Пройденный путь строительства и упрочения социализма характеризует известная историческая двойственность. С одной стороны, социализм — общество труда, но только в том смысле, что существует обязательность труда и полная занятость. С другой стороны, социализм относится к эпохе личной материальной заинтересованности. Поскольку труд не стал и не мог еще стать основной жизненной потребностью, трудовая деятельность в первую очередь стимулируется материально, хотя и не только этим. Двойственность переходного общества видна и в том, что при исчезновении классовых различий, базирующихся на традиционной форме частной собственности, сохраняются различия, обусловленные разделением и разным характером труда, образа жизни. Эти черты проявляются также в плюрализме общественных ценностей при социализме.

Отставание в первоначальном накоплении капитала в прошлом с одновременной ускоренной индустриализацией сопровождалось в Венгрии ярко выраженной гетерогенностью, неоднородностью системы общественных ценностей. На первом этапе социалистических преобразований в общественном сознании и формах поведения присутствовали такие традиционные для венгров ценности, как разделение людей по рангу и имущественному положению, но это не сопровождалось высоким уровнем культуры и организации труда, как в развитых капиталистических странах. Нашли свое законное место и такие социальные качества, как солидарность и коллективизм, которые с точки зрения наших общественных отношений являются ведущими. Но тогда они охватывали лишь отдельные сферы общества. За десятилетия социалистического строительства в укреплении престижа труда произошли крупные позитивные изменения. Именно поэтому так часто звучит теперь критика повышения престижа денег в ущерб труду.

Интенсификация, расширение сферы социалистических рыночных отношений, самостоятельность предприятий и их отдельных подразделений предполагают такие формы индивидуального и коллективного поведения, которые отличаются стремлением к кооперации, рациональным и ответственным действиям, способность к инициативе и риску, к управлению конфликтами и достижению согласия, компромисса. Эти характеристики должны были и могли бы возникнуть на базе развитого капиталистического хозяйства. Наши исторические предпосылки не благоприятствовали их появлению. Теперь, с переходом к оценке трудового вклада по конечным результатам, они проявятся быстрее и полнее. Но введению такой оценки труда, повышению уровня организации и культуры производства еще препятствуют многие негативные элементы нынешней системы институтов. Чрезмерная централизация, ведомственный характер управления, дефицитность экономики, практика

преимущественно административной субординации и координации сохранили и усилили сервизизм, протекционизм и другие унаследованные от прошлого черты. Исторически сформировавшиеся структуры характера, образа мышления, которые являются стойкими признаками национального сознания и поведения, влияют на новые отношения, деформируют, сдерживают их развитие, но и сами испытывают их воздействие как «снизу» (производственные отношения), так и «сверху» — со стороны идеологии.

Разумеется, на общественное, а тем более индивидуальное мнение и сознание воздействуют в первую очередь повседневные события и впечатления. Но следует учитывать, умело использовать и роль идеологии. Поскольку общественные противоречия проявляются в форме идеологических оценок, идеология не просто отражает реальные общественные процессы. Она выступает активным средством воздействия на личное и коллективное поведение. В частности, мы не можем даже говорить о социалистической демократии без соответствующей подготовки сознания. Такие категории, как социалистическое самоуправление, общественный интерес, ответственность и солидарность в поведении коллективов, останутся пустыми словами, если идеологи не стремятся «встроить» в массовое сознание эти понятия, ориентирующие и поддерживающие социалистическое направление развития общества.

Реальность наших дней наполнена трудными проблемами. Изменяющееся содержание системы ценностей усугубляет их неопределенность. Поэтому с точки зрения нормального функционирования общественного сознания и научного познания жизненно важно, чтобы в анализе той или иной проблемы, в обсуждении дискуссионных вопросов применялись различные подходы. Необходимо создать благоприятные условия для отбора наиболее выгодных обществу альтернативных предложений. Ведущая роль в этом принадлежит средствам обеспечения гласности, средствам информации.

Политическая практика нуждается в четкой прогностической концепции социализма. Она не может быть построена на идеализированных социальных утопиях или идеализируемых капиталистических формах. Мы будем следовать духу идей Маркса и Ленина, если примем за правило исходить из реалий социализма, если в развитии общества и разрешении его противоречий соединим социально-экономическое сотрудничество, базирующееся на общественной собственности и принципах коллективизма, с оправдавшими себя на практике формами и методами использования товарно-денежных отношений, экономической состязательности.

Основные положения этой статьи связаны с новым этапом реформ в Венгрии. Рабочая программа Совета Министров, о которой шла речь в начале статьи, рассчитанная до 1990 года, учитывает большие сложности этого периода. Она призывает к готовности идти на жертвы, на увеличение трудовых усилий, к принципиальности и гибкости, к максимальной дисциплине и большей личной и коллективной ответственности, к использованию преимуществ социализма и новых приемов, форм ведения хозяйства, организации жизни современного общества. Мы не считаем, что эта программа дала ответ на большинство актуальных вопросов в экономической и общественной политике, идеологии и общественном сознании. И тем не менее мы убеждены, что решение задач нелегкого периода, которые отображены в этом документе, откроет перед нашим обществом перспективу разностороннего прогресса.

В. ЯРОШЕНКО

ПРОТИВ МОНОПОЛИИ НА ИСТИНУ

ЧИТАТЕЛИ О ПИСЬМЕ СОТРУДНИКОВ ИНСТИТУТА «ГИДРОПРОЕКТ»

В «Коммунисте» (1987, № 9) были опубликованы письмо коллектива Всесоюзного ордена Ленина проектно-изыскательского и научно-исследовательского института «Гидропроект» имени С. Я. Жука и редакционный комментарий к нему.

Публикация вызвала обширную читательскую почту, показавшую, как неоднозначно понимаются в обществе задачи развития гласности и демократии. Одни авторы писем критикуют позицию «Гидропроекта», другие выражают несогласие с комментарием редакции, по их мнению, тенденциозным и пристрастным, третьи, не солидаризируясь ни с редакцией, ни с институтом, ставят проблемы более широкие, чем те, которые были затронуты в публикации. Вот почему редакция «Коммуниста» сочла целесообразным еще раз вернуться к затронутой теме.

Письмо 909 гидропроектовцев сочли необходимым поддержать и кое в чем скорректировать их коллеги и единомышленники из разных городов страны (В. М. Адамов, Э. И. Махниборода, П. П. Бренчук, В. С. Серков, коллективное письмо строителей Богучанской ГЭС, содержащее возражения против концепции авторов документального кинофильма «Плотина»).

Так, В. М. Адамов, инженер из Алматы, работающий в системе «Гидропроекта» с 1962 года, пишет: «Согласен, что гидроэлектростанции в принципе можно заменить другими источниками энергии. Сейчас ими могут быть только тепловые и атомные электростанции. Другие источники либо дороги, либо находятся на стадии теоретических проработок.

Развивая только теплоэнергетику, человечество сожжет накопленное в недрах земли за миллиарды лет топливо и резко увеличит содержание углекислоты в атмосфере. Атомные электростанции могут спасти от энергетического голода. Но как бы нас ни уверяли в безопасности мирного атома, будут повторяться катастрофы, подобные чернойбыльской». Отсюда автор делает вывод о необходимости резко увеличить удельный вес гидроэлектростанций, не допустить прекращения их строительства.

Есть не вполне корректный, но довольно распространенный метод полемики: спорить не с реальным оппонентом, а с воображаемым. Так и здесь. Ни в нашем комментарии, ни в обидевших работников «Гидропроекта» публикациях других журналов и газет, упомянутых в их письме, вопрос так не стоял: запретить гидроэнер-

гетику. Речь шла о гласности процедуры принятия решений, затрагивающих интересы людей, ее демократизации — общество желает и имеет право знать, куда, где, для чего и с каким эффектом оно вкладывает свои средства и силы.

Сейчас «Гидропроект» скромно оставил под огнем критики своих коллег из «Союзводпроекта» и «Союзгипроводхоза», вместе с которыми в течение почти двадцати лет разрабатывал планы переброски северных рек («Гидропроект» был генеральным проектировщиком по данной проблеме). Не все забыли об этом. Мелиораторы до сих пор считают энергетиков своими союзниками.

«Редакционное послесловие к письму сотрудников «Гидропроекта», — пишет Л. В. Мороз (Киев), — огорчило меня явственно выраженным стремлением продолжить ведущуюся писателями и журналистами предвзятую кампанию против мелиораторов, гидротехников и специалистов водного хозяйства... Тон послесловия, а главное, его некомпетентность не помогают правому делу... Демагогию можно победить только распространением знания, достоверной информацией о реальном положении дел».

С последними словами трудно не согласиться, вот только чужие знания и информацию не каждый готов признать достоверными.

«Проявляя глубокую озабоченность о благополучии нынешнего и будущего поколений, — продолжает он, — необходимо уже сегодня решить на научной и экономической основе водохозяйственные проблемы (защитить от наводнений Ленин-

град, перекрывать Днепро-Бугский лиман, строить канал Дунай — Днепр и т. д.). Завтра это может оказаться поздно. Наши дети не простят ныне живущим, особенно ученым, если их оставят не только на лоне загубленной природы, но и без воды. Кампания против водохозяйственников пройдет, а проблема улучшения водообеспечения останется. Решать ее придется не журналистам, а тем же сотрудникам «Гидропроекта» или их коллегам». Однако противники этих проектов не только высказывали тревогу по поводу негативных последствий их реализации, но и предлагали альтернативные решения, позволяющие достичь тех же целей с меньшими затратами и не нанеся непоправимого ущерба природе. Видимо, Л. В. Мороз относит такие предложения к категории недостоверной информации, считает, что научной истиной обладают одни гидротехники. Между тем многие читатели не рассматривают названные проблемы как чисто водохозяйственные, считают их комплексными, представляющими собой сложный узел социальных, экологических и экономических проблем. Вряд ли будет правильно, если после всех дискуссий эти проблемы опять будут решать только инженеры-гидротехники. Они квалифицированные люди, но, как все другие, — в пределах своей компетенции. При ведомственном же подходе могут возобладать технократические тенденции.

«Обобщающим показателем эффективности капиталовложений», — пишет читатель В. С. Серков из Москвы, — являются приведенные затраты, учитывающие нормативный срок окупаемости капиталовложений и приведенные издержки. Средние по отрасли приведенные (годовые) затраты на один киловатт вводимой мощности составляют по атомным электростанциям 100 рублей, тепловым — 95, гидравлическим — 54 рубля... При отказе от гидроэнергетического строительства предусмотренные на него затраты все равно будут произведены, но эффект от этих затрат будет вчетверо меньшим. В этом и заключается важная облагоураживающая структурная роль гидроэнергетики».

Кандидат технических наук А. П. Генералов тоже затрагивает эту проблему: «Когда видишь огромные массивы залитых водой плодородных земель, невольно возникает вопрос об их стоимости... Пусть в «Гидропроекте» скажут, в какой еще стране мира можно видеть такое неуважительное отношение к земле. Площадь Рыбинского водохранилища — 4500 квадратных километров (что составляет 6 процентов площади всех вместе взятых водохранилищ СССР!). Никакими ссылками нельзя оправдать и объяснить гипертрофированные размеры Рыбинского водохранилища. Нельзя объяснить это и интересами судоходства, регулирующей ролью других станций каскада. При наличии альтернативных решений можно было бы не допустить такого безжалостного затопления поймы Мологи».

Профессор С. Я. Сергин (Московская

область) напоминает, что площадь затопленных водохранилищами земель (включая русла рек), по данным Института водных проблем АН СССР, в нашей стране уже достигла 7,5 миллиона гектаров, в том числе три миллиона гектаров сельхозугодий. Из-за непрекращающегося процесса переработки берегов теряются десятки тысяч гектаров земли. Подтопление, связанное с подъемом уровня грунтовых вод, охватывает значительные площади (по оценкам, до 15 процентов площади затопленных территорий).

Далее автор пишет, что, хотя гидроэнергетики и утверждают, что эффект от регулирования стока в сельском хозяйстве, как правило, превышает ущерб от затопления сельхозземель, он не выдал ни одного убедительного расчета, подтверждающего это утверждение.

«Все дело в том, отмечает А. П. Генералов, что цену воды с истинной ценой затопленных земель никто не сопоставлял. Земля у нас бесплатная. Сколько-нибудь корректные расчеты нельзя провести из-за отсутствия данных денежной оценки земли, а также воды. Возникающая отсюда иллюзия о бесплатности земли, как и воды, создала мощный стимул для разработки подобных проектов, основанных на затоплениях, отчуждении земель под разные объекты. Для исправления положения необходима разработка действенных земельного и водного кадастров, которые не только в балльной оценке, но и в непосредственном стоимостном выражении позволили бы производить оценку ресурсов».

Читатель поднял не новый, но весьма актуальный для нашей экономической науки вопрос. Теоретические разработки все еще не дошли до экономической практики, не нашли отражения в нормативных актах, методических указаниях, которыми руководствуются проектанты.

Пока же доказательства строятся на понятиях ведомственной эффективности, на принципах старой, затратной экономики, без учета принципов радикальной экономической реформы, в ходе которой будут пересмотрены нормы амортизации, сроки окупаемости, вся система цен, в том числе на топливо и на энергию, будет введена плата за природные ресурсы: землю и воду. Окажется ли в новых условиях столь же выгодной гидроэнергетика? Все это следует обсудить, пересчитать, проверить с точки зрения конечного народнохозяйственного результата.

Письма некоторых специалистов дышат тревогой за судьбу любимого дела. «Нынешние нападки на «Гидропроект» и водное хозяйство страны очень схожи с тем, что происходило при разгроме генетики. Может случиться, что снова окажутся наказанными честные люди, — пишет В. М. Адамов, — а те, кто ввел страну в пучину репрессий и экономических неурядиц, будут спать спокойно. При таком напоре неверно трактуемой гласностью любая отрасль науки или производства (кроме прессы!) может быть ошельмована. И

кто следующий — лесники, шахтеры или служба погоды?»

Наверное, было бы неправильно отмахнуться от этих опасений читателей. Но, с другой стороны, нет ли здесь пережестости?

Во времена «лысенковщины» тысячи биологов потеряли работу, прекратились исследования по многочисленным направлениям, была свернута подготовка кадров для генетики, пресеклась преемственность научных традиций в биологии. Мы не говорим уже о нарушениях законности более драматических.

Бряд ли восстановление исторической истины, вообще наведение порядка в нашем общем доме можно рассматривать как шельмование тех или иных специалистов — гидротехников, лесорубов или метеорологов, хотя, наверное, у всех нас, дипломатично говоря, есть «большие резервы». Это, разумеется, не является призывом к «хорошим манерам» в ущерб принципиальности и стремлению к истине. Известно, что В. И. Ленин был яростным полемистом, когда этого требовали интересы дела, но никогда — в угоду личному самолюбию.

Демократия не означает безответственности и безнаказанности, напротив, подразумевает большую ответственность и самодисциплину.

Страна властно захотела жить иначе, чем жила, жить по принципам законности, справедливости, гласности, правды. Да и сейчас нередко трудно приходится честному и активному человеку. И сегодня еще иногда найдут способ осадить, приструнить, попытаются и до тюрьмы или до сумы довести, особенно тех, кто не только против начальства, но и идет не в ногу с «дружным» коллективом. Против железной поступи ведомственных легионов и высказываются в большинстве своем авторы писем в «Коммунист», считая, что корпоративность не на пользу нашему общему делу.

Инженер-энергетик Э. И. Махниборода (Алма-Ата) всю дискуссию о водных проблемах страны объясняет тем, что кому-то «нужно выпустить пар и преподать урок разговорчивости широким массам населения нашей страны». Он пишет: «Не «Гидропроект» должен толковать и разъяснять процедуру разработки и согласования проектов, а инстанции (Госплан и др.) должны, обязаны создать такую процедуру проектирования, строительства и эксплуатации объектов с учетом социальных и других аспектов, которая не вызывала бы нежелательных экологических последствий... Не «Гидропроект», а им, этим инстанциям, принадлежало и принадлежит данное советским народом право решать... сидеть ли нам, пригорюнившись, на могилах дедов или на берегу переполненного Балхаша, но с пустым желудком и в холодной землянке. Не надо приписывать «Гидропроект» все-силы в решении этих вопросов и прятаться за него в своих промахах». И далее: «Пусть Госплан, Госстрой разработают положения по рассмотрению всех подозре-

ваемых в экологической или социальной «грязности» проектов. Пора от слов переходить к делу».

За очевидной односторонностью позиции этого автора нам видится необходимое человеческое качество — неравнодушие. И к вопросу он подошел важнейшему, о котором пишут сейчас многие специалисты: о неразработанности у нас правовой и организационной процедур прохождения крупных проектов. В ряде стран действуют законы об обязательной экологической экспертизе, которой подвергаются все сколько-нибудь значительные проекты. И у нас подвергаются — возразят нам. Но именно о назревших проблемах экспертизы говорят следующие письма.

Доктор технических наук А. С. Некрасов (Москва), имеющий большой опыт экспертной работы, пишет, что на примере выводов экспертизы технико-экономического обоснования (ТЭО) переброски в Волгу части стока северных рек, утвержденных Государственной экспертной комиссией Госплана РСФСР, можно показать, что в нем (в ТЭО) не были сформулированы цели предлагаемых мероприятий, отсутствовала увязка проекта с важнейшими межотраслевыми и региональными программами развития производительных сил страны. Качество документации по переброске в основном неудовлетворительное, выявлены грубые ошибки в расчетах, тенденциозное искажение исходных данных, занижена общая стоимость первой очереди переброски примерно в два раза, а численность рабочих — в три-четыре раза. Вдвое преувеличен выход ожидаемой сельхозпродукции.

Результаты этой экспертизы подтверждают, что участие в ней специалистов самого разного профиля отвечает обязательным требованиям комплексного решения задач, связанных с осуществлением крупных народнохозяйственных проектов... Этого-то и не хотят понять, по-видимому, работники «Гидропроекта», считающие, что одни гидротехники способны решить все проблемы народного хозяйства. С ним солидарен и С. Я. Сергин: «Сегодня экологические и экономические разделы технико-экономических обоснований крупных проектов выполняются настолько упрощенно, что не приближают нас к пониманию этих вопросов».

Уже упоминавшийся нами В. М. Адамов признает, что «и у гидропроектовцев бывают ошибки, но преимущественно технического характера. Бывают и крупные, особенно при принятии новых, непривычных решений». В основном же, считает он, ошибки сводятся (?) к принятию не самой удачной конструкции сооружения, места стройки.

Примеров таких порой весьма впечатляющих ошибок немало в нашей почте. Однако некоторые авторы писем, соглашаясь, что ответственность за техническое решение должны нести, конечно же, проектировщики и строители, оговариваются, что не они ставят задачу, не они

определяют, когда и где строить, не они-де выделяют ресурсы.

Читатели считают, что часть ответственности должна лежать и на рабочих центральных экономических органов. Здесь часто работают люди, пришедшие из отраслей, которые принесли на новое место ведомственные взгляды, идеи, пристрастия. Устранить такой субъективизм читатели считают необходимым.

Многие читатели, пытаясь разобраться в сложившейся ситуации, причинах, возраставших ведомственный монополизм, уходят в своих размышлениях к двадцатым — тридцатым годам.

Среди других выделяется письмо *Б. С. Успенского*, инженера-энергетика с 60-летним стажем, многие годы проработавшего в «Гидропроекте», «Гидроэнергопроекте» и в «Энергосетьпроекте». Он пишет: «С 1938 года я участвую в экспертизах проектов. Через мои руки прошли практически все крупные гидроэлектростанции Советского Союза. Письмо работников «Гидропроекта» является не чем иным, как ностальгией по утраченной гидрогегемонии. Она начала формироваться по окончании строительства канала имени Москвы, где главным инженером был *С. Я. Жук*, имя которого теперь носит этот институт. Для Сталина гидростроительство было личным, так сказать, пристрастием. Его консультантом по вопросам гидроэнергетики и стал *С. Я. Жук*, рекомендованный Сталину тогдашними руководителями НКВД. В 1936 году НКВД «произвел захват» у Наркомата электростанций строительства верхневолжских ГЭС (Угличской и Рыбинской), а в 1937 году — Куйбышевского гидроузла, отстранив от проектирования профессора *А. В. Чаплыгина*. Разработка проекта была передана в систему этого ведомства. Результаты проектирования каждой из этих ГЭС докладывались лично Сталину, а ни одна из тепловых станций такой чести не удостоивалась. Сталин давал свои указания и даже утверждал отдельные технические параметры (например, гидроагрегаты Куйбышевского гидроузла, общее направление проектирования Волго-Донского судоходного канала, распределение энергии от Куйбышевской ГЭС с запретом ее передачи на восток от Куйбышева).

В те годы, пишет *Б. С. Успенский*, еще не было монополизма в проектировании гидросооружений, поскольку с начала 30-х годов работал авторитетный и высокопрофессиональный институт «Гидроэнергопроект» (поглощенный в начале 60-х годов «Гидропроектом»).

Ради того, чтобы при жизни Сталина построить Волго-Донской канал и до предела сократить срок строительства, «Гидропроект» были отброшены эффективные и рациональные схемы Волго-Донского соединения. Пришлось принять весьма уродливую и нелепую схему с возведением подпорного гидроузла в Цимлянском створе, что потребовало затопления огромной плодородной поймы Дона с его знаменитыми виноградниками. Это-

го можно было бы избежать при возведении подпорного узла у Калача, как и предполагалось во всех предшествующих проектах.

Только в наполненной страхом и угрозами атмосфере тех лет стало возможным такое ненормальное положение, когда не *А. В. Винтер*, *Б. Е. Веденев*, *Г. О. Графтио* или *П. П. Лаупман*, а *С. Я. Жук* стал главным авторитетом в гидроэнергетике и смогло утвердиться преобладание одной научной школы.

В стенах «Гидропроекта» сформировалась своего рода «теория» массивности в гидротехнике. Уже на строительстве канала Москва — Волга было положено начало порочной практике перевыполнения плановых работ за счет снижения их качества, которое маскировалось парадными рекордами суточной укладки бетона.

Все это приводило к безрассудному расходованию ресурсов. Причем резко ограничивалась роль удельных показателей расхода материалов, а на первый план выдвигались общие физические объемы работ, — миллионы кубометров бетона, сотни миллионов кубометров земли, десятки тысяч тонн металла, сотни квадратных километров зеркала водохранилищ, десятки тысяч переселяемых из домов людей. А наша пресса приходила в восторг от этих цифр...

Читатели указывают, что документы, составленные в министерствах, ориентированы на максимальное обеспечение интересов своего ведомства. Доктор технических наук *А. С. Некрасов* пишет, что истинные монополисты — это именно министерства и ведомства, а институты, такие, как «Гидропроект» и др. — их рабочие органы, формулирующие и оформляющие ведомственный интерес, состоящий в том, чтобы получать максимально возможную долю национального дохода.

Вот что написал в редакцию заслуженный деятель науки РСФСР, профессор МГУ *О. К. Леонтьев*: «Проекты Даугавпилсской, Катунской ГЭС, канала Волга — Чограй и некоторые другие производят впечатление надуманных, имеющих целью не оставить без работы ведомства. А ведь существуют насущные проблемы, которые бы и надо решать трем китам — «Гидропроекту», «Союзгипроводхозу», Институту водных проблем АН СССР». Среди них профессор Леонтьев называет в первую очередь проблему спасения Аральского моря. «Его современное состояние — это обвинительный акт, это позор для специалистов по водным проблемам». Причину катастрофического падения уровня Аральского моря он видит прежде всего в варварском и хищническом отношении к использованию вод Сырдарьи и Амударьи.

Анализ полученных нами писем показывает, что читатели выступают не против специалистов — гидроэнергетиков и мелиораторов, а против присваивания ими права замкнуть на себе решение вопросов, в которых они как раз специалистами и не являются. Их авторы не против энер-

гетики и ее развития, а против диктата определенных подходов и тенденций, навязывания приоритетов. Они также не против электрических станций, а за оптимальную структуру энергетического хозяйства страны, не против «вторжения в природу», а против немотивированных и вызывающих необратимые последствия ущербов для природной среды.

Сотрудники «Гидропроекта» и их сторонники убеждены, что с критикой их деятельности выступают не специалисты, а в основном писатели и журналисты. Так, инженер А. П. Ким из Ташкента пишет: «Считаю, будет правильно, если запретить людям, даже известным деятелям, выступать в печати, по радио и телевидению по крупным проблемам, затрагивающим судьбы миллионов людей, с сообщениями, содержащими непроверенные сведения». И здесь снова та же старая песня: «запретить выступать» или «велеть не ошибаться»... А как же мы установим истину? Хотя вопрос об ответственности пишущего за свои слова поставлен не без основания. Чем больше свободы, тем выше ответственность — связь тут прямая.

Но читаешь иные письма и видишь, как у их авторов уже готовы обоснования для перекрытия широкой реки гласности и демократизации, построения на ней высокой, надежной «плотины» с заслонками-регуляторами, которые будут работать в строго установленном и жестко санкционированном режиме. Такие взгляды вызывают критику со стороны другой группы, причем самой многочисленной.

Например, А. С. Некрасов пишет: «Авторы из «Гидропроекта» считают, что в последнее время на страницах газет и журналов появился ряд статей по проблемам строительства гидроэлектростанций, «характерной особенностью которых является низкий технический и научный уровень и в то же время высокий эмоциональный накал». В этом утверждении истиной является лишь то, что статьи, критикующие строительство ГЭС, стали появляться «в последнее время». Однако авторы опубликованного в журнале письма умалчивают, что в течение многих лет существовала жесткая цензура на публикацию статей и книг, содержащих критику политики Минводхоза СССР и Минэнерго СССР. Эта вопиющая безгласность науки в вопросах направленности развития водного хозяйства и мелиорации как нельзя лучше отвечала интересам проводившейся Институтом водных проблем АН СССР, «Гидропроектом» и «Союзгипроводхозом» водохозяйственной политики, обошедшейся государству миллиардами рублей неоправданных издержек и сотнями миллионов рублей, затраченных на разработку негодных проектов...»

За это гидротехников критикуют не только со стороны, но и изнутри самой энергетической науки. Приведем мнение человека, которого трудно обвинить в некомпетентности, — профессора, доктора технических наук, лауреата Ленинской и

Государственной премий и премии имени Яблочкова АН СССР, заслуженного деятеля науки и техники РСФСР В. А. Веникова, заведующего кафедрой электроэнергетических систем Московского энергетического института. Он пишет: «Существующее у нас в стране положение с проектированием крупнейших объектов не только ГЭС, но и даже Единой энергосистемы страны таково, что у проектировщиков существует абсолютная самоуспокоенность, как это правильно указано редакцией журнала.

Это вызвано отсутствием полного критического разбора проектов, которые, по сути, выполняются в одном варианте. Поскольку организации, ведущие крупнейшее проектирование («Гидропроект», «Энергосетьпроект» и другие), — это монопольные организации, выполняющие свой единственный проект, то конкурирующих проектов нет. Эксперты своими силами выполнить их не могут. Проектирование же, как правило, ведется с ведомственных позиций, без системного подхода. Между тем только при таком подходе, учитывающем все факторы, возможно, и ГЭС были бы эффективнее, и затопления меньше... Наши гидроэлектростанции рекламируются как «самые мощные в мире», хотя некоторые из них и часа не работали на полную мощность. Разумеется, и речи не может быть, чтобы недоиспользовать гидроэнергоресурсы, но использование это надо вести с учетом всей системы народного хозяйства и экологических ограничителей, чего в своих проектах организации-монополисты не делают. Широкого обсуждения нет даже среди специалистов. Не только «артисты и писатели», но и специалисты, если они «чужие», не свои, игнорируются. В большинстве случаев проекты засекречиваются без надобности, а лишь для того, чтобы отсеять неуправляемых посторонних».

Профессор Веников видит выход из создавшегося положения в принятии системы конкурсного проектирования (как это иногда делается в монументальном искусстве и архитектуре). В системе Минэнерго, указывает он, порядка двадцати проектных и научно-исследовательских институтов, десятки тысяч специалистов, в Минвузе около семидесяти кафедр различных вузов занимаются проблемами энергетики. Многие из них вполне способны участвовать в таких конкурсах. Это может удорожить проекты, но стократно окупится за счет повышения их качества.

В редакционном комментарии к письму гидроэнергетиков названо несколько проектов, вызвавших в последнее время волну критики. Это и Катунская, и Даугавпилсская ГЭС, и Ржевский гидроузел. Читатели пишут и о каналах Дунай — Днепр, Волга — Чограй, ряде других проектов. Пишут как сторонники, так и противники возведения этих сооружений.

Мы не имеем возможности на страницах «Коммуниста» обсуждать конкретные проекты. Думаем, что это сделают соответствующие органы печати. Нам

лишь хотелось бы обратить внимание на политический аспект проблемы: люди, отказывающие общественности, народу в праве иметь и высказывать свое мнение по поводу жизненно важных проблем и путей их решения, узурпируют у него право на суверенитет, право определять, как, когда и каким образом распорядиться результатами своего труда, ресурсами, хозяином которых он является. Не следует забывать, что гидротехники и мелиораторы разрабатывают и реализуют свои предложения не на собственные, а на народные средства, а потому обязаны отчитываться за их использование. Только в мелиорации в 1981—1986 годы в результате серьезных недостатков в проектировании, планировании и строительстве было списано проектов на сумму более 400 миллионов рублей. (Эта цифра превышает размер пособий, которые получают за год все одинокие и многодетные матери России.)

Перед нами номер многотиражной газеты «Гидротехник» за 19 августа 1987 года, издаваемой «Гидропроектом». В нем опубликованы материалы открытого партийного собрания института по коренной перестройке управления экономикой этой организации в свете решений июньского Пленума ЦК КПСС.

Из опубликованного в газете изложения доклада главного инженера института В. Д. Новоженкина явствует, что остается актуальной проблема повышения качества проектно-сметной документации — основной его продукции. В последнее время пересмотрено 52 проекта. Вместе с тем в докладе отмечается, что возрос удельный вес объектов, возвращаемых на доработку. Продолжается увеличение стоимости строительства. В настоящее время на экспертизе в Минэнерго СССР находятся уточненные проекты Чебоксарской ГЭС и Загорской ГАЭС, удорожание строительства каждой из которых исчисляется не одной сотней миллионов рублей (напоминаем, что строительство Чебоксарской станции ведется с 1969 года). Докладчик признал, что лишь отдельные объекты проходят без удорожания и что «своей не всегда полной и законченной работой, своим недостаточным вниманием, а точнее, ПОЛНЫМ НЕВНИМАНИЕМ (выделено нами) к жизни построенных нами сооружений, таких, как водохранилища, а иногда и стремлением к чрезвычайно крупным сооружениям, увлечением чисто экономическими факторами анализа дали основание вполне обоснованно критиковать нас за многие упущения. Мы ничего не сделали сами и не настояли на решении сложных проблем очистки зон водохранилищ от древесной растительности и переработки древесины, нам неизвестен фактический ущерб, наносимый народному хозяйству переработкой берегов, подтоплением земель, изменением климатических условий. Отсутст-

вие этих данных не позволило нам проверить и уточнить используемые при проектировании методики оценки этих явлений, что приводило к повторению ошибок... Все это теперь предстоит изменить коренным образом».

С 1989 года институт должен перейти на самофинансирование и самоокупаемость. Уже в преддверии реформы происходит реорганизация структуры института, создаются хозрасчетные коллективы на основе бригадного подряда. Условия жизни и деятельности института, благополучие его коллектива теперь будут зависеть от экономических результатов работы, качества и отлаженности действий всех его подразделений. Для создания оптимальных условий работы коллектива (то есть необходимого размера прибыли при достигнутом уровне рентабельности) объем работ института, как говорилось на собрании, должен быть увеличен примерно в полтора раза. Не в этом ли состоят истинные причины коллективного письма гидропроектцев в журнал «Коммунист»? Не поэтому ли идет длительная борьба вокруг каждого, даже явно неудачного и бесперспективного проекта? Эта опасная тенденция раздувания объема работ для обеспечения собственного благополучия не была единодушно поддержана коммунистами института. Обращает на себя внимание опубликованное газетой «Гидротехник» выступление экономиста Я. Л. Грицевского, который показал, что прибыль и благополучное экономическое положение могут быть достигнуты не только таким образом, но и за счет улучшения качества проектов. Например, лишь выполнение государственное задание по снижению на 5,2 процента стоимости сметно-монтажных работ в двенадцатой пятилетке, институт может дополнительно получить около 6 миллионов рублей прибыли, что позволит увеличить ее и хозрасчетные фонды.

Нельзя не согласиться с мыслью, что перестройка хозмеханизма требует обеспечения интересов не только предприятий, институтов и ведомств, но и всего народного хозяйства.

Наша дискуссия не закончена. Наверное, она не из числа тех, которые можно завершить. Другое дело, что дискуссии всегда должны переходить в конкретные дела — и чем скорее, тем лучше.

Читатели называют новые темы, требующие внимания общественности, всестороннего обсуждения. Это безопасность и безотходность технологий, экологическое состояние водоемов страны и целых регионов, состояние дел с некоторыми отраслями, качество продовольственных и промышленных товаров.

Письмо сотрудников «Гидропроекта» большинство читателей расценило как попытку поставить ведомственные и специальные вопросы вне гласности — и не согласилось с этой позицией.

ПЕДАГОГИКА СОТРУДНИЧЕСТВА: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Выход в свет в издательстве «Педагогика» сборника «Педагогический поиск»¹ представляет собой заметное событие в области психолого-педагогических наук. Сборник, включающий работы известных педагогов-новаторов, как бы подводит определенный итог изданию серии «Педагогический поиск: опыт, проблемы, находки», в которой начиная с 1981 года вышло в свет 27 книг и брошюр тиражом почти 2 миллиона экземпляров. Во многом благодаря именно этим изданиям читатели узнали об опыте мастеров педагогического труда не по пересказам, а из первых рук. При всем разнообразии педагогического опыта, представленного в книгах серии (опыт республик, областей и городов, отдельных школ, СПТУ, детских домов, УПК, пионерлагерей и дружин, детских театров и здравниц и, наконец, опыт учителей, директоров и воспитателей), все они объединены идеей поиска новых, нестандартных, более эффективных путей и форм обучения и воспитания. Другая общая черта книг данной серии состоит в том, что в них не встретишь надуманных «теоретических обоснований», «методологических основ» и «гносеологических предпосылок», «концепций», «систем», «структур» и «факторов» — непременных аксессуаров «адекватного» — квазинаучного языка нашей академической педагогики, которая, к сожалению, во многом еще далека от жизни, схоластична. Книги педагогов-практиков отражают невидуманные, живые, а потому доказательные фрагменты опыта учителей и учащихся, директоров школ и родителей, администраторов и хозяйственников. И написаны они ясным и понятным, доступным массовому читателю литературным русским языком.

В рецензируемом сборнике впервые собраны в своеобразную антологию новаторского и передового педагогического опыта работы тех авторов, усилиями которых, несмотря на сопротивление чиновников от педагогики, в последние годы оформилось особое направление, получившее название педагогики сотрудничества. Материалы наиболее популярных книг десяти представителей данного направления — Ш. А. Амонашвили, С. Н. Лысенковой, И. П. Волкова, В. Ф. Шаталова, Е. Н. Ильина, Т. И. Гончаровой, А. Б. Резника, И. П. Иванова, Е. Ю. Сафонова, А. А. Дубровского — дают чита-

телю исчерпывающее на сегодняшний день представление об основных идеях, методах и приемах педагогики сотрудничества.

В книге отражен богатейший практический опыт учителей-новаторов, отдавших школе, воспитанию и обучению детей много десятилетий напряженного, творческого труда. Все эти годы школьные учителя из Москвы и Тбилиси, Ленинграда и Донецка, других городов нашей страны неустанно вырабатывали в одиночку, отстаивали в тяжелейших конфликтах с традиционной педагогической наукой и практикой идеи и принципы педагогики сотрудничества. Каждый из них пробивал как бы свой собственный туннель в толще авторитарной педагогики. И лишь сравнительно недавно стало ясно, что эти люди не разрозненные одиночки, что они выразители мыслей, чувств и настроений значительной массы советских учителей, искренне заинтересованных в преодолении застойных явлений в нашей школе. Все эти учителя представляют ту педагогику, которая неразрывно связана с магистральными направлениями нашей общественной жизни — *демократизацией и гуманизацией* общества, активизацией инициативы и творчества людей, более полным раскрытием личностного потенциала каждого советского человека. В предисловии к сборнику действительный член АПН СССР М. Н. Скаткин констатирует: «настало время педагогики новаторства» (стр. 8; здесь и далее цитаты даны по рецензируемому сборнику). Как бы ни хотелось согласиться с этим мнением, будем откровенны: несмотря на то, что общий социально-политический фон сейчас, бесспорно, благоприятствует деятельности самих учителей-новаторов, признанию их работ, широкой популяризации их опыта, академическая педагогическая наука и массовая педагогическая практика все еще чрезвычайно далеки от основных идей педагогики сотрудничества. Вот почему правильнее говорить о том, что *настало время открытой борьбы за педагогику новаторства*, за массовое освоение учителями ее идей и принципов, методов и приемов.

Что же нужно для того, чтобы ускорить процесс перестройки педагогического мышления и педагогической практики? Что в этой связи должно быть усвоено из опыта учителей-новаторов? Попробуем отыскать в рецензируемом сборнике ответы на эти злободневные вопросы.

¹ «Педагогический поиск». Сост. И. Н. Баженова. М., «Педагогика», 1987, 544 стр.

С каждым новым поколением общество наращивает объем научных знаний. Параллельно с этим растут требования общества к обученности молодежи, к тем знаниям, умениям и навыкам, которые должны быть усвоены новым поколением людей для того, чтобы не снижались темпы социального прогресса и сохранялась преемственность социального опыта, человеческой культуры в целом. Другими словами, развитие общества постоянно усложняет задачу учителей и воспитателей и тем самым обостряет *противоречие* между потребностями общества («надо») и потребностями ребенка («хочу»), или, как в свое время назвал это противоречие крупный советский психолог Д. Н. Узнадзе, неизбежную и основную трагедию воспитания. «Обучение и воспитание, педагогический процесс в целом,— пишет Ш. А. Амонашвили,— в силу своего социального назначения всегда несут в себе элемент принуждения. Это обусловлено тем, что активизация и развитие внутренних сил и возможностей ребенка происходят не на свободно избираемом им материале, а на содержании воспитания и обучения, predetermined требованиями общества, уровнем его культурно-экономического развития, его идеалами. Сами методы, формы обучения и воспитания тоже исходят в первую очередь из педагогических целей и задач, а не из направленности актуальных потребностей детей» (стр. 33). К тому же школьный учитель зачастую оказывается в объективно противоречивой ситуации, в ситуации между требованиями общества (представленными директивами, инструкциями, рекомендациями) и мотивацией ребенка. Это противоречие чрезвычайно обострилось в нашей школе в последние годы, для которых было характерно преобладание административно-командного стиля руководства учебно-воспитательным процессом.

С одной стороны, большинство школьных учителей все больше и больше втягиваются в «окопную войну» с учащимися. Действуя исключительно по логике спускаемых сверху «социальных запросов», по логике «надо», они, не раздумывая, применяют испытанный арсенал средств императивной, авторитарной педагогики с твердой убежденностью в своих благих намерениях в отношении учащихся, их будущего. Чувствуя нарастающее сопротивление учащихся этим формам и методам обучения и воспитания, такие учителя полностью уверены в том, что оно является результатом невоспитанности, педагогической запущенности учащихся или же следствием несовершенства педагогического инструментария. Поэтому усилия этих учителей направлены исключительно на то, чтобы всеми доступными способами подавить сопротивление учащихся педагогическим воздействиям, добиться во что бы то ни стало нормативных результатов учебно-воспитательного процесса. Иначе говоря, основное противоречие воспитания они восприни-

мают как «трагедию» общества, вынужденного на каждом новом витке своего развития иметь дело (конфронтировать) со все более и более отстающим от его требований и запросов природным человеческим материалом. Таковы идеология и практика педагогики, которую можно условно назвать «педагогикой конфронтации».

С другой стороны, сравнительно небольшое число школьных учителей успешно разрешает в своей работе «неизбежное» противоречие воспитания. Постоянно сталкиваясь в своей практике с противоречием «надо» и «хочу» и переживая его как ситуацию, драматичную для ребенка, эти учителя задаются мыслью помочь всем учащимся «учиться победно», видеть в школе не мучительную подготовку к жизни, а полноценную и радостную жизнь. Глубоко гуманистическая по своей сути, соответствующая природе и целям нового общества идея помощи ребенку образует фундамент *педагогики сотрудничества*. В рецензируемом сборнике идея помощи шестилеткам (Ш. А. Амонашвили), слабым ученикам (С. Н. Лысенкова), ушедшим в хобби (И. П. Волков), троечникам (В. Ф. Штаталов), мысленно «убежавшим» с урока (Е. Н. Ильин), привыкшим к духовному потребительству (Т. И. Гончарова, А. Б. Резник), не испытывавшим радости коллективной жизни (И. П. Иванов, Е. Ю. Сазонов), потерявшим здоровье и веру в себя (А. А. Дубровский), образует подлинный смысловой рефрен.

Педагогический поиск учителей всегда был в центре внимания педагогов-исследователей. Многие представители педагогических наук и сейчас заняты так называемым анализом, обобщением и оценкой передового и новаторского опыта. Главная задача такого рода исследователей заключается в том, чтобы вычленил и описать те базовые составляющие, которые отличают опыт новаторов от опыта традиционно работающих учителей и могут быть условиями чрезвычайной эффективности учебно-воспитательного процесса, организованного «по Амонашвили», «по Лысенковой», «по Штаталову» и т. д.

Надо сказать, что практически все попытки такого анализа и обобщения явно или неявно исходят из представления о том, что опыт любого учителя-новатора должен рассматриваться как сложное единство общего (что можно передать другим учителям) и индивидуального (неразрывно связанного с его личностью и тем самым в принципе непередаваемого). Поэтому исследователи стремятся, как правило, отвлечься от личности учителя-новатора, от ее вклада в изучаемый педагогический опыт и анализировать лишь объективную сторону этого опыта — систему педагогических методов и приемов, содержание, средства и формы организации обучения и воспитания.

Такой *технологический подход* к ана-

лизу новаторского опыта основан на ошибочном, на наш взгляд, отождествлении личностного и индивидуального в педагогическом опыте. В действительности личность всегда есть единство индивидуального и типического. Поэтому в личности учителя-новатора наряду с действительно неповторимыми, сугубо индивидуальными особенностями есть и общезначимые характеристики. Именно эти типические личностные особенности составляют ядро педагогического опыта учителей-новаторов, вокруг которого формируется каждый раз отвечающая особым условиям, обстоятельствам и задачам их профессиональной деятельности педагогическая технология.

Таким образом, педагогический опыт нельзя сводить к педагогической технологии (системе методов, приемов и средств), поскольку он всегда предполагает как такую технологию, так и систему ценностей, которую данная технология обслуживает и на основе которой формируется. Необходимое *единство технологических и ценностных моментов* образует единицу анализа педагогического опыта.

Сборник работ учителей-новаторов способствует формированию более правильного представления о структуре педагогического опыта как у представителей педагогических наук, так и у учителей-практиков. С одной стороны, в нем тщательно описана педагогическая технология учителей-новаторов, разнообразные средства, приемы и способы педагогических воздействий. Многие страницы сборника (см., например, стр. 10, 66, 138, 162, 188, 240, 286, 385, 475, 520) насыщены конкретными советами мастеров. Этими советами может воспользоваться на своих уроках практически каждый учитель. С другой стороны, сборник позволяет понять и, пожалуй, даже почувствовать общий для всех его авторов «личностный знаменатель», лежащий в основе их педагогической деятельности, — озабоченность жизнью детей, их проблемами и трудностями, их переживаниями и стремлениями, обращенность к подлинному (а не вымышленному), реальному (а не должному) «Я» ребенка. В этой общей ценностной ориентации гуманистической педагогики сотрудничества с некоторой долей условности можно выделить три *главные личностные установки*.

Во-первых, это *установка на принятие любого ученика таким, какой он есть*: «мы должны быть людьми доброй души и любить детей такими, какие они есть» (Ш. А. Амонашвили, стр. 9); «на инается оно (воспитание. — Авт.) с поразительно простого, бесхитростного: принять и полюбить ученика какой он есть» (Е. Н. Ильин, стр. 263); воспитатель должен угадать, увидеть ребенка таким, какой он есть «внутри себя», каким знает себя «только он сам» (Е. О. Сазон., стр. 496). Любое искажение этой установки под влиянием разного рода императивных стереотипов долженствований — исходный

пункт внутреннего неприятия, отвержения учителем ученика, обесценивание его реального «Я» и, следовательно, источник его протеста, стремления во что бы то ни стало сохранить самоуважение. Каким бы ни был ребенок, без принятия его таким, каков он есть, невозможно прямое обращение к нему воспитателя, прямой диалог с ним, понимание его действительных потребностей и проблем и в конечном счете — невозможна действенная помощь ребенку.

Во-вторых, для учителей-новаторов характерна *установка на эмпатическое понимание ученика*. Психологи различают оценочное и эмпатическое (то есть сочувствующее, сопереживающее) межличностное понимание. Основой оценочного понимания является социально-перцептивный образ (стереотип), формирующийся у учителя в опыте ролевого обращения с учащимся и позволяющий предсказывать и непротиворечиво объяснять его действия и поступки. Например, учитель знает ученика А как отличника, а ученика Б как двоечника. Эти стереотипы служат учителю своеобразными «очками», через которые он «видит» и «понимает» этих учащихся. При эмпатическом понимании, напротив, учитель действует каждый раз «здесь и теперь», стремится проникнуть во внутренний мир ученика и увидеть окружающее его глазами: «понимать детей — значит стать на их позицию» (Ш. А. Амонашвили, стр. 10), «посмотреть на все глазами далекого детства» (Е. Н. Ильин, стр. 226), «постоянно учиться смотреть на себя глазами детей» (И. П. Иванов, стр. 365). Установка на эмпатическое понимание ученика (так же, как и установка на принятие его личности) дает учителю возможность полноценного и неискаженного межличностного общения с учеником, возможность оказания помощи ученику именно там, где она в данный момент больше всего необходима.

И наконец, в-третьих, для учителей-новаторов типична *установка на открытое, доверительное общение с учащимися*. Личность учителя, его мысли и переживания не прячутся за маской или фасадом его социальной роли, но открыто и адекватно предъявляются учащимся. Духовный мир учителя, мир его интересов, поисков и сомнений, проблем и находок, радостей и печалей открыт учащимся. Только такое доверие учителя к учащимся порождает доверие учащихся к своему учителю, желание поделиться с ним содержанием своего внутреннего мира, вступить в равноправный диалог с учителем: «настоящему учителю открыт только ребенок» (Е. Н. Ильин, стр. 265); «истинный урок — это всегда диалог всех, кто в классе: учителя и учеников» (Т. И. Гончарова, стр. 291); «важно, чтобы поступки, образ жизни воспитателей не расходились с тем, что они внушают ребятам» (А. А. Дубровский, стр. 507). Установка на открытое общение требует, чтобы учитель не играл свою роль, а всегда оставался самим собой. Только так учитель мо-

жет дать возможность учащимся понять, принять и полюбить себя таким, какой он есть. Доверительное отношение учащихся к учителю — важнейшее условие его собственного личностного роста и совершенствования.

Мы убеждены, что эти три установки, своего рода личностные предпосылки для действенной педагогики сотрудничества, являются достоянием не только авторов сборника. Они так или иначе представлены в работе, в педагогическом опыте *каждого* учителя. В среде нашего учительства число подвижников никогда не ограничивалось, да и сейчас не ограничивается дюжиной имен, «канонизированных» общественным мнением. Как правило, наши учителя прекрасно понимают, что перестройка их работы, их мышления должна начинаться не с подстройки к тому или иному известному всей стране учителю-новатору, что *перестройка должна начинаться с себя*, с преобразования и развития своего собственного педагогического опыта. Основания педагогики сотрудничества не конспекты уроков, их нельзя заимствовать у кого бы то ни было, их надо искать и взращивать в самом себе.

«Нельзя говорить об эффективных методах воспитания и обучения, если неизвестно главное: каков человек педагог, который будет пользоваться этими методами, какая у него душа и какое сердце» (П. А. Амонашвили, стр. 12). Всякий, кто задумывается над опытом учителей-новаторов, должен постоянно помнить об этом «главном», помнить, что их опыт — это не столько «опорные сигналы», «комментированное управление», «творческие дневники», «безотметочное обучение», «литературная деталь» и т. д. и т. п., сколько особая *личностная позиция*, если хотите, практическая педагогическая философия — совокупность этических и психологических установок по отношению к ученику и самому себе. Поэтому полноценные передача и освоение педагогическо-

го опыта учителей-новаторов в принципе невозможны вне преобразования учителем своей собственной личностной позиции. Важно понимать, что педагогика сотрудничества не панацея от всех бед и проблем, не сборник патентованных педагогических рецептов на все случаи жизни, но *путь к личности (интеллекту, чувствам и совести)* ребенка. На этом пути, по которому шаг за шагом идут сегодня авторы сборника вместе со многими сотнями и тысячами подвижников учительского труда, предстоит преодолеть еще много трудностей, решить много нерешенных проблем, неизбежны риск и ошибки, заблуждения и тупики, но столь же очевидно, что лишь на нем возможен творческий педагогический поиск, возможны подлинные успехи, достижения и открытия.

В заключение отметим, что педагогика сотрудничества представляет определенный интерес не только для работников системы народного образования. Опыт демократизации межличностных отношений в школе, в системе «учитель — ученик» вполне можно рассматривать в качестве модели преобразования многих межличностных отношений, и прежде всего отношений в системе «руководитель — исполнитель», «начальник — подчиненный». Движение нашего общества к восстановлению и развитию норм социалистической демократии невозможно вне реального преобразования административно-командных форм межличностных отношений *во всех сферах жизни общества*. Вот почему сборник работ учителей-новаторов может стать полезным пособием для каждого, кто не хочет отстать от требований времени. В этом, ничуть не преувеличивая, мы видим высокое, но, к сожалению, еще не в полной мере осознанное предназначение настоящего Учителя — быть наставником и образцом не только для детей и молодежи, но и для взрослых, для общества в целом.

А. ОРЛОВ,
кандидат психологических наук

РАЗРАБОТКА СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ НАУКИ

В книге И. Т. Фролова и Б. Г. Юдина¹ рассматривается сравнительно недавно обозначившаяся и активно разрабатываемая проблемная область, которую авторы характеризуют как социально-этические аспекты развития науки.

Авторы книги особо подчеркивают,

¹ И. Т. Фролов, Б. Г. Юдин. *Этика науки. Проблемы и дискуссии*. М., Политиздат, 1986, 399 стр.

что в широких и разноплановых дискуссиях по социально-этическим проблемам науки наряду с представителями специальных наук и философами участвуют также политические деятели, юристы, теологи, журналисты, представители общественных движений и организаций. В ходе этих обсуждений выдвигаются и взвешиваются те или иные оценки, касающиеся конкретных научно-техниче-

ских достижений, конкретных исследовательских направлений и областей и т. п. Сами по себе такого рода дискуссии, как показано в книге, становятся характерной чертой жизни современной науки и оказывают на нее немалое воздействие.

Развиваясь вместе с методологией, историей, социологией науки, взаимодействуя со всеми этими и многими другими разделами знания, этика науки выступает как одна из форм познания науки. Без изучения социально-этических аспектов научной деятельности невозможно составить целостное представление о ее закономерностях и перспективах развития.

Авторы, опираясь на системно-исторический подход, дают картину зарождения, формирования и взаимосвязи тех социальных функций, которые выполняет наука. Речь идет о ее культурно-мировоззренческих функциях, о роли науки как непосредственной производительной силы общества и о том, что ныне наука все более активно выступает в функции не только производительной, но и социальной силы. В этом последнем качестве она «оказывает комплексное воздействие на общественную жизнь, особенно интенсивно затрагивая технико-экономическое развитие, социальное управление и те социальные институты, которые участвуют в формировании мировоззрения» (стр. 56).

Как показано в книге, абсолютизация какой-либо одной из этих функций и игнорирование остальных присущи тем трактовкам науки, которые изображают научную деятельность лишенной ценностных, в том числе социально-этических моментов и тем самым не создают почвы для серьезного обсуждения вопросов социальной и моральной ответственности ученого. Напротив, исходя из представления о сложном взаимопереплетении основных социальных функций науки, мы получаем ее более объемное изображение и убеждаемся, что вопросы этики и социальной ответственности ученого являются органической составляющей его деятельности.

Другое направление исследований при обосновании тезиса об этике науки как особой форме познания науки связано с проводимым в книге конкретным и содержательным анализом многих современных дискуссий по этическим проблемам научной деятельности. Объектом дебатов оказываются самые разные области научного познания: это и ядерная физика, и молекулярная биология и генетика, и биомедицинские исследования, и проблемы экологии, и вопрос о наследовании интеллектуальных способностей, и эксперименты на человеке, и социобиология, и столь экстравагантная проблема, как клонирование человека и «компьютерная этика», и, наконец, социальная ответственность ученых в решении глобальных проблем современности, и прежде всего самой насущной из них — обуздания гонки вооружений и сохранения мира во всем мире. Анализ проходящих дискуссий позволяет сделать

вывод о том, что, вообще говоря, ни одна из сфер науки не застрахована от столкновения в будущем с чрезвычайно острыми и, как правило, не допускающими простых и однозначных решений этическими дилеммами.

Авторы показывают, что нынешние обсуждения этики науки не являются чем-то временным и преходящим, напротив, все они больше выступают как неотъемлемая составная часть функционирования и развития научной деятельности. В какой мере наука будет подготовлена к восприятию подобных проблем — во многом зависит от того, «насколько удастся продвинуться вперед в осуществлении серьезной аналитической работы в сфере этики науки» (стр. 311).

Исходя из марксистской концепции науки, авторы проводят мысль о том, что и позитивные, и негативные последствия научно-технического прогресса должны анализироваться конкретно, в связи с определенным типом общества и господствующей в нем шкалой ценностей.

Подводя итоги проведенному анализу, в последней главе И. Т. Фролов и Б. Г. Юдин выделяют три наиболее характерные позиции по вопросу о социальной ответственности ученого, три дилеммы: противопоставления социальной ответственности и объективной логики развития науки («если этого не сделаю я, то делает кто-то другой»); отнесения социальной ответственности не к ученому, а к общественным силам, определяющим, как практически используются научные открытия; ограничения сферы социальной ответственности прикладными исследованиями и исключения из этой сферы исследований фундаментальных. Авторы убедительно показывают несостоятельность всех этих противопоставлений, раскрывая многообразие тех видов деятельности, которыми приходится заниматься современному ученому.

Характеризуя проблему социальной ответственности ученого как стержневую для этики науки, авторы приходят к выводу, что сама по себе социальная ответственность хотя и необходима, но недостаточна для того, чтобы полностью исключить возможность злоупотребления достижениями науки и что эта проблема в целом может быть решена лишь всем ходом прогрессивного социального развития.

«Было бы в высшей степени неразумно, — отмечается в книге, — преувеличивать возможности науки и ученых в гуманизации прогресса науки и техники. Но еще более неразумным и, по сути дела, безответственным будет и игнорирование активной социально-этической гуманистической позиции научной общности» (стр. 396—397).

Написанная в острополемиическом стиле, рецензируемая книга не только предлагает решения целого комплекса сложных дискуссионных вопросов, но и обозначает новые проблемы, нуждающиеся в дальнейшей разработке.

В частности, весьма важной является проблема диалектической связи между особенностями современной познавательной деятельности, направленной на отражение мира, и новыми требованиями этики науки.

В современной науке не только выявились новые социальные функции, новые черты исследовательских коммуникаций и организации труда ученых, но и во многом изменилась сама предметная область научного познания.

Естествознание и технические науки, например, все чаще сталкиваются с необходимостью учитывать человеческий фактор при изучении своих объектов, поскольку среди них особое и все более значительное место занимают сложные и развивающиеся природные комплексы, в которые в качестве компонента включен сам человек.

Разумеется, в этих условиях объективное познание предмета и поиск истины требуют расширения специальных для науки этических установок и активных

гуманистических ориентаций исследовательской деятельности.

Начатый в книге анализ этических проблем таких конкретных областей познания, как биосфера, генетическая инженерия, компьютеризация и другие, является первым важным шагом на пути к глубокому изучению под этим углом зрения познавательных ситуаций современной науки.

В последние годы в нашей литературе все чаще появляются статьи и книги, посвященные этическим проблемам науки. К сожалению, эти работы пока не создали той «критической массы», которая необходима для более интенсивного и скоординированного развития этой области исследований.

Можно надеяться, что рецензируемая книга будет способствовать выходу исследований в этой области на качественно новый уровень теоретического анализа и разработки практических рекомендаций.

В. СТЕПИН,
член-корреспондент АН СССР

СОВМЕСТНЫЙ НОМЕР

Примечательным явлением в идейной жизни партийных организаций Закавказских республик стал юбилейный, октябрьский номер, совместно подготовленный редакциями теоретических и политических журналов ЦК компартий Грузии, Азербайджана и Армении.

Все содержание объединенного номера журналов «Коммунист Грузии», «Коммунист Азербайджана» и «По ленинскому пути», вышедшего под девизом «В единой семье — к общей цели», раскрывает огромные завоевания народов Закавказья, достигнутые за семь десятилетий развития по пути Октября. В материалах, написанных партийными работниками, учеными, деятелями культуры, ветеранами революционной борьбы, наглядно раскрываются достижения в экономическом и социальном развитии региона, в углублении и уп-

рочении дружбы, межнационального общения, взаимодействия и взаимообогащения национальных культур народов Грузии, Азербайджана и Армении, показываются традиции совместной борьбы трудящихся за победу Советской власти, за утверждение социалистического строя, осмысливаются перестроечные процессы, идущие в республиках.

Правда, хотелось бы, чтобы в юбилейном номере больше внимания было уделено анализу непростых проблем нынешнего этапа развития Советской страны, Закавказских республик. Юбилей — это не только момент памяти, момент размышлений о пройденном славном и трудном пути, но прежде всего это взгляд в будущее, поиск методов и способов ускорения нашего движения вперед, к качественно новому состоянию советского общества.

ВСТРЕЧИ В РЕДАКЦИИ. ХРОНИКА

● В соответствии с планом партийных связей между КПСС и ПОРП в Советском Союзе находилась делегация теоретического и политического органа ЦК ПОРП журнала «Новые дороги» в составе первого заместителя главного редактора В. Кли-

чака и заведующего международным отделом А. Купиха. Состоялись встречи в редакции «Коммуниста», на которых были рассмотрены вопросы участия журналов в реализации идущих в СССР и ПНР радикальных экономических ре-

форм и задач демократизации всех сфер общественной жизни. Польские журналисты имели беседы в АОН при ЦК КПСС, Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР, побывали в Литовской ССР и Калининградской области.

● Гостем редакции был главный редактор журнала ЦК СЕПГ по теории и практике научного социализма «Айнхайт» М. Банашак. Состоялся обмен мнениями по вопросам работы и творческого сотрудничества двух братских журналов.

● В редакции побывал член Политбюро ЦК ПОРП, вице-маршал сейма ПНР М. Раковский. В ходе состоявшейся беседы был затронут широкий круг вопросов, связанных с ведущейся в СССР перестройкой, работой журнала по освещению деятельности КПСС в современных условиях.

● Посетивший редакцию член редколлегии, заведующий международным отделом органа ЦК Компартии Чехословакии газеты «Руде право» М. Елинек интересовался участием «Коммуниста» в освещении хода перестройки во всех сферах жизни советского общества и деятельности КПСС по руководству социалистическим строительством.

● Журнал посетила делегация руководителей работников провинциальных комитетов Компартии Аргентины. В беседе поднимались вопросы осуществления руководящей роли КПСС в условиях перестройки, проблемы демократизации внутрипартийной жизни, роли средств массовой информации в развитии гласности,

критики и самокритики, в подготовке к XIX Всесоюзной партийной конференции.

● В Оренбурге состоялась встреча с обществоведами и журналистами, секретарями партийных организаций вузов, техникумов, школ, ПТУ, на которой было обсуждено освещение «Коммунистом» процессов перестройки. Были высказаны пожелания о расширении авторского актива, более углубленном внимании редакции к проблемам идеологии и воспитания.

● Сотрудники редакции «Коммуниста» приняли участие в общественно-политических чтениях библиотечных работников г. Москвы. Во время встречи обсуждались актуальные проблемы радикальной экономической реформы и дальнейшей демократизации жизни советского общества, задачи массовых библиотек в перестройке духовной жизни, пропаганде идей XXVII съезда партии, последующих Пленумов ЦК КПСС. Участники чтений были ознакомлены с планами публикаций журнала в 1988 году.

● В Военно-воздушной академии имени Ю. А. Гагарина состоялась встреча представителей редакции «Коммуниста» с профессорско-преподавательским составом и слушателями академии. В центре обсуждения находились проблемы обновления в различных сферах общественной жизни, в том числе и в Вооруженных Силах в канун их 70-летия. В адрес редакции были высказаны конкретные пожелания и критические замечания. Представители журнала рассказали о творческих планах «Коммуниста».

ОЧЕРЕДНОЙ ПРИЕМ СЛУШАТЕЛЕЙ И АСПИРАНТОВ В АКАДЕМИЮ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК ПРИ ЦК КПСС

Объявляется очередной прием слушателей и аспирантов в Академию общественных наук при ЦК КПСС.

Прием осуществляется на основе рекомендаций ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии. Работники центральных организаций и идеологических учреждений оформляются партийными комитетами (коллегиями) этих организаций и учреждений через Московский горком КПСС.

На заочно-очное отделение принимаются партийные, советские, идеологические работники с учетом подготовки резерва кадров для руководящей работы республиканского, краевого, областного масштаба, а также в аппарате центральных организаций и идеологических учреждений. Заочно-очная форма обучения рассчитана на три года. Заочный цикл — до двух лет, очный — до одного года, без освобождения от занимаемой должности.

В аспирантуру академии прием ведется по кафедрам: истории КПСС, философии, политэкономии, научного коммунизма, истории СССР, партийного строительства, советского государственного строительства и права, идеологической работы, социалистической культуры, экономики народного хозяйства, управления социально-экономическими процессами, мировой политики и международной деятельности КПСС, средств массовой информации, прикладной социологии и психологии, а также в институт научного атеизма.

В аспирантуру на основе конкурсного отбора принимаются ответственные работники партийных, советских, идеологических органов, преподаватели и научные

сотрудники партийных учебных и научных заведений с высшим образованием, в возрасте до 35 лет, с партийным стажем не менее 3 лет. Поступающие в аспирантуру сдают конкурсные вступительные экзамены по истории КПСС (философии), предмету специальности и иностранному языку, представляют реферат на актуальную тему, а также список публикаций, включая статьи в газетах и журналах.

ЦК компартий союзных республик, крайкомы, обкомы партии направляют ректорату академии документы на рекомендуемых в аспирантуру до 15 февраля, на заочно-очное отделение — до 1 апреля 1988 года.

Поступающие на заочно-очное отделение АОН при ЦК КПСС приглашаются на собеседование в апреле — мае, а рекомендованные в аспирантуру — для сдачи вступительных экзаменов в мае — июне 1988 года.

Для подготовки и сдачи вступительных экзаменов в аспирантуру предоставляется отпуск продолжительностью 30 календарных дней с сохранением заработной платы по месту работы.

Начало занятий в Академии общественных наук при ЦК КПСС — 1 сентября. Аспирантам предоставляется общежитие (без семьи).

ОЧЕРЕДНОЙ ПРИЕМ СЛУШАТЕЛЕЙ В ВЫСШИЕ ПАРТИЙНЫЕ ШКОЛЫ

Объявляется очередной прием слушателей в высшие партийные школы.

Прием проводится по рекомендациям ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов и Московского горкома партии. Работники центральных организаций и идеологических учреждений оформляются партийными комитетами (коллегиями) этих организаций и учреждений через Московский горком КПСС.

В высшие партийные школы принимаются члены КПСС, имеющие партийный стаж не менее трех лет, из числа ответственных работников партийного аппарата, освобожденных секретарей первичных партийных организаций, работников советских, комсомольских органов, идеологических учреждений и организаций, рабочих и колхозников, специалистов — членов партийных комитетов и депутатов Советов народных депутатов:

на двухгодичные очные и трехгодичные заочные отделения — с высшим образованием;

на четырехгодичные очные отделения — со средним образованием.

На очные отделения ВППШ принимаются работники в возрасте до 35 лет.

ЦК компартий союзных республик, крайкомы, обкомы, Московский горком партии до 1 апреля 1988 года представляют в высшие партийные школы на рекомендуемых на учебу работников их заявление, выписку из постановления бюро, личный листок по учету кадров, медицинское заключение о состоянии здоровья, характеристики, утвержденные партийной организацией.

С рекомендованными на четырехгодичные отделения в мае — июне в высших партийных школах проводятся собеседования по обществоведению и экзамен по русскому языку и литературе (сочинение). Для подготовки к собеседованию и экзамену им предоставляется отпуск продолжительностью до 15 календарных дней с сохранением заработной платы по месту работы.

Поступающие на двухгодичные очные и трехгодичные заочные отделения в апреле — мае приглашаются в ВППШ на собеседование.

Начало занятий в высших партийных школах — 1 сентября. Слушателям предоставляется общежитие (без семьи).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Н. Б. Биккения (главный редактор), А. И. Антипов, Э. А. Араб-Оглы, Б. С. Архипов, К. Н. Брутенц, И. А. Дедков, В. И. Кадулин, С. В. Колесников, О. Р. Лацис, Ю. А. Молчанов, Е. З. Разумов, В. Ф. Рубцов, Н. Н. Сибиряков, Ю. А. Скляров, В. П. Трубников, П. Н. Федосеев, С. Ф. Ярмолюк.

Адрес редакции: 119875, Москва, улица Маркса и Энгельса, 5.
Тел. 291-60-67, 203-03-65.

Технический редактор В. В. Семененчев.

Сдано в набор 28.12.87.—12.01.88. Подписано к печати 15.01.88. А 10308.
Формат 70×108¹/₁₆. Высокая печать. Усл. печ. л. 11,20. Усл. кр.-отт. 11,55.
Учетно-изд. л. 11,68. Тираж 1 025 000 экз. Заказ № 1819.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина, издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Цена 25 коп.

Индекс 70440

ISSN 0131-1212